

В КАЖДОЙ ДЕРЕВНЕ ЧЁ-ТО ДА РАЗНО

Из кунгурской семейной традиции
(двадцатый век)

Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В.

В КАЖДОЙ ДЕРЕВНЕ ЧЁ-ТО ДА РАЗНО

Из кунгурской семейной традиции
(двадцатый век)

Общество с ограниченной ответственностью
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ТИПОГРАФИЯ КУПЦА ТАРАСОВА»

2007

Авторский коллектив: **И.А. Подюков**, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета; **С.М. Поздеева**, кандидат филологических наук, специалист сектора по развитию туризма администрации г. Кунгура, сотрудник Центра этнолингвистики Пермского государственного педагогического университета; **С.В. Хоробрых**, старший преподаватель кафедры истории и теории литературы Соликамского государственного педагогического института, директор Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»; **А.В. Черных**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского отдела Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Научный редактор: И.А. Подюков, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета.

Рецензенты: К.Э. Шумов, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного университета; И.И. Русинова, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного университета.

В сборнике, созданном на основе полевых и архивных фольклорно-этнографических материалов по городу Кунгуру и Кунгурскому району (собранных в конце XX века - начале XXI века), по историческим, языковым и фольклорно-этнографическим данным раскрывается история формирования и даётся описание разнообразия наиболее значимых сторон семейной обрядности на территории Кунгурского района Пермского края (родинный, рекрутский, свадебный, похоронно-поминальный обряды).

Сборник предназначается диалектологам, фольклористам, историкам, этнографам, всем, кто интересуется народной культурой Прикамья. Также он может быть полезен краеведам, преподавателям народной словесности, специалистам по традиционной культуре.

Исследование выполнено на средства гранта президента Российской Федерации по поддержке молодых ученых и ведущих научных школ («Культурно-языковое своеобразие русских Южного Прикамья МК-4201.2007.6»). Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры и молодежной политики Пермского края (договор № 88 от 4.04.2007), администрации города Кунгура, администрации Кунгурского муниципального района.

ISBN 978-5-93683-129-4

© Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В.
© Дизайн: Широков С.Ф.
© Фото: Абляшев Р., Хоробрых С., Подюков И.
© Издательский дом «Типография купца Тарасова».

ОТ АВТОРОВ

Эта книга открывает, как надеются её авторы, серию изданий, раскрывающих особенности языка, фольклора, традиционных верований и представлений русских Южного Прикамья. Если Северное Прикамье, первым освоенное русскими на территории нынешнего Пермского края, изучено диалектологами, фольклористами, этнографами основательно, то Южное, имеющее собственную историю заселения и освоения, в известном смысле остаётся, особенно для гуманитариев, «белым пятном». Исключением является, пожалуй, лишь Куединский район – в последние годы выходит серия работ по свадебному фольклору куединцев, куединской быличке¹.

Город Кунгур и Кунгурский район, с которых открывается путь на юг Прикамья, выбраны для первой книги о языке, фольклоре и традиционной культуре русских юга Прикамья не случайно: эта территория исторически более долго осваивалась русскими, пришедшими сюда из разных мест, и осваивалась в плотном взаимодействии с населяющими край неславянскими народами. Раскрывая на обрядовом, фольклорном, языковом материале своеобразие местной культурной традиции, авторы прослеживают её связи с традиционной культурой как пермского, так и Русского Севера в целом, выявляют факты взаимодействия с культурой и языками других народов Прикамья.

Основу сборника составляют материалы экспедиций Центра этнолингвистики ПГПУ, проводившихся в последние несколько лет (особенно интенсивно в 2006–2007 гг.). В полевом обследовании района принимали активное участие аспиранты и студенты Пермского государственного педагогического университета Н. Копытов, Н. Ильина, А. Новоселова, М. Окишева, М. Недопёкина, В. Попова, Е. Свалова, Н. Светлакова, А. Ужегова, студенты Соликамского государственного педагогического института

¹ См. напр.: Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского р-на Перм. обл. в конце XIX - XX вв.: Сб. фольклор. материалов / Сост. А.В. Черных. Пермь, 2004; Куединская свадьба/ Сост. А.В. Черных. Пермь, 2005.

Е. Баяндина, Е. Васильева, А. Клевцов, М. Мартынова, Е. Новиков, Н. Падерина, Т. Пелемова, Д. Хорольский. При реконструкции обрядовых комплексов и описании фольклорной традиции использовались также материалы фольклорного архива Пермского государственного университета.

Семейная традиция (а для народной культуры, несомненно, значимы и другие аспекты – хозяйственная, календарная, магическая обрядность, культурные комплексы, связанные с народной медициной, с промыслами, с кухней, костюмом и пр.) выбрана в качестве материала описания по ряду обстоятельств. Прежде всего, в ней с большей очевидностью проявляется сам человек, житель того или иного края. В ней фокусируются не только сведения о бытовом укладе, но и народное понимание таких мировоззренческих категорий, как жизнь, смерть, судьба, долг. Семья, современное положение которой как социального института, к сожалению, драматично, в традиции выступала как уникальная самоорганизующаяся, саморегулирующаяся система. Непосредственно через семейные связи и отношения человеком осмыслились все остальные аспекты картины мира, формировались основные морально-этические ценности.

Поскольку сведения об истории русского населения Кунгурского района, о специфике народной культуры в регионе к настоящему времени фрагментарны и разрозненны, авторы предваряют описание особенностей кунгурской семейной традиции развёрнутыми очерками об истории формирования русского населения в крае, об этнокультурных ареалах русских в Кунгурском районе, о процессах взаимодействия русских с иноэтничным окружением, о религиозно-конфессиональных особенностях края. Подробно описывая специфику местной антропоники и топонимики, авторы раскрывают отраженность в языке историко-культурного и природно-климатического своеобразия кунгурской земли.

В основной части издания, во второй – четвертых главах, даётся подробное описание всех основных обрядов семейного цикла: родинного, крестильного, рекрутского, свадебного и похоронно-по-

минального. Здесь, во-первых, выявляются основные компоненты обрядности, а во-вторых, демонстрируется территориальное варьирование ритуальной практики, соотнесенность местной традиции с традицией других регионов Прикамья.

Описание обрядовой традиции сопровождается характеристикой обрядового фольклора (свадебные песни, похоронные причитания), публикуется также прозаический фольклор (местные легенды, былички), включаемый в обрядовые ситуации лирический фольклор (например, частушечные циклы, активно используемые в обряде проводов в армию, в свадьбе). Представлена в сборнике местная традиция духовных стихов, нередко сопровождающих похоронно-поминальную обрядность. Завершает сборник небольшой словарь местных слов и выражений, облегчающий понимание текста публикации (авторы активно насыщают описание иллюстрациями, полученными в ходе бесед с местными жителями, стремясь при этом сохранить колористику кунгурского наречия).

Авторы издания приносят низкий поклон старожилам города Кунгура и Кунгурского района, тем, кто охотно делился своим знанием, гостеприимно и хлебосольно встречал участников экспедиций. Особая благодарность за оказанное содействие в организации и проведении полевых исследований на территории поселений района главе Сергинского поселения Е.В. Заворохину, главе Тихановского поселения М.А. Зыковой, главе Калининского поселения С.А. Кулакову, главе Ленского поселения Ф.Д. Истоминой.

Авторы издания также выражают признательность работникам учреждений культуры и обладателям личных архивов за помощь в получении информации: директору МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» С.М. Мушкалову и его сотрудникам Л.Ю. Елтышевой, З.З. Поповой, О.А. Реновой; начальнику МУ «Кунгурский городской архив» З.Я. Лепихиной; преподавателю МОУ ДОД «Детская школа искусств» Т.М. Винокуровой, горожанину В.И. Ушакову.

Особые слова благодарности адресуются главе г. Кунгур А.Н. Махмудову, заместителю главы г. Кунгур В.М. Михайлову, главе Кунгурского муниципального образования Н.С. Юрову, которые на всех этапах оказывали всестороннюю поддержку в процессе подготовки издания. Авторы также выражают признательность А.А. Трикозу, директору филиала «Кунгурские электрические сети» ОАО «Пермэнерго», Е.И. Ремпелю, генеральному директору ООО «Пермгазэнергосервис», С.А. Куренёву, генеральному директору ООО «Мясокомбинат «Кунгурский», С.А. Брызгалову, директору Мясоперерабатывающего завода «Телец», В.В. Глазкову, генеральному директору ОАО «КЭС-Прикамье», Н.Н. Мельник, председателю правления ОАО КБ «КАМА-БАНК» М.Г. Овчинниковой, руководителю дополнительного офиса в г. Кунгур ОАО КБ «КАМА-БАНК», Т.В. Шляпиной, директору КГ МУП «Водоканал», Г.М. Теклюк, директору ООО «Туристическое агентство «Кумир», Г.А. Решетниковой, директору ООО «АМИСТАР», оказавшим финансовую помощь в подготовке настоящего издания.

Глава I.

РУССКИЕ НА КУНГУРСКОЙ ЗЕМЛЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

1. Формирование русского населения региона

Длительное время историки считали началом освоения Сылвенско-Иренского поречья рубеж XVI-XVII вв. Археологические материалы последних лет, впрочем, позволили исследователям высказать предположение о более раннем участии русских в освоении края. Ижевские археологи Л.Д. Макаров, И.Ю. Пастушенко, Д.А. Салангин считают, что русское население в бассейне р. Сылва пришло с территории русских княжеств в связи с татаро-монгольским нашествием уже в XIII в. Проживание русских в XIII-XIV вв. на одних поселениях с аборигенами аргументируется находками русских предметов, в частности, русской керамики. Позднее, к середине XVI в., по мнению указанных авторов, русские поселения исчезают: возникшее в 1437 г. Казанское ханство перекрыло прямые пути по Волге и Каме, а в бассейн средней Сылвы переселяются башкирские племена¹. Выдвинутые предположения ещё требуют детального обоснования: ни письменные источники XVI-XIX вв., ни современный этнографический материал не свидетельствуют о каком-либо длительном, многовековом влиянии русского населения на этнокультурные процессы в регионе. Однако большинство исследователей считает, что начало формирования русского населения края относится к более позднему периоду.

Характер заселения и освоения, цели использования различных территорий района существенно отличались (неслучайно различные

¹ Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995. С.5-18.

территории Кунгурского района в прошлом даже относились к разным административным территориям). Как минимум, на территории Кунгурского района выявляется три зоны, формирование населения в которых имело свою специфику. Это северная часть современного Кунгурского района, его центральная часть и юго-западная.

История освоения северной части Кунгурского района связана с историей рода Строгановых. Первая жалованная грамота на пермские владения (юг Прикамья до устья р. Чусовой) была получена Строгановыми в 1558 г. Второе пожалование состоялось в 1568 г., согласно ему к Строгановским владениям присоединились земли по р. Чусовой и Сылве¹. По переписи Строгановских владений, среди четырех округов Строгановских земель отмечен Сылвенский, центром которого стала слобода Сылва (современное село Троица Пермского района). Активное освоение земель в низовьях р. Сылва (входящих в современную часть Кунгурского района) начинается в XVII в.: с 1621 г. известна как деревня Серга современное село Пермь-Серга², с 1647 г. - село Насадка³. Историки отмечают, что по р. Сылва Строгановы построили Сергинский острожек, который имел укрепления с «проезжей» башней, где стояли пушки⁴. Постепенно вокруг возникают деревни и починки. Заселение Строгановских вотчин происходило преимущественно из районов Поморья и северного Прикамья: Сольвычегодска, Вологды, Кайгородка, Вятки, Чердыни, Соликамска. Основу населения строгановских вотчин, таким образом, составили севернорусские крестьяне⁵.

Начало формирования населения в Сылвенско-Иренском поречье вне вотчин Строгановых, по мнению историков, приходится на

¹ Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005. С.22-25.

² Шумилов Е.Н. Серга // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь. 1994. С.143.

³ Николаев С.Ф. Насадка // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь. 1994. С.134.

⁴ Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Указ. соч. Пермь, 2005. С.69.

⁵ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь. 1995. С.39.

период 20-х годов XVII в. Первыми на этих землях появились монастырские и частные владения. В 30-40е годы XVII в. появляются владения Соликамского Вознесенского и Пыскорского Спасо-Преображенского монастырей. В 1632 г. старцы Вознесенского монастыря обратились с челобитной о пожаловании им «пустых» земель в Усольском уезде по реке Сылва. Ходатайство было удовлетворено, и монастырь добился получения на оброк земель у слияния Сылвы и Ирени¹. Вскоре в результате нового пожалования монастырь приобретает земли по реке Кунгур. Хозяйственно-административным центром монастыря в поречье стала Воздвиженская пустынь, основанная в 1632 г. (с. Крестовоздвиженское, Вознесенский монастырь, Подгорная Слобода, современное с. Сылвенск)². Пыскорский монастырь (из с. Пыскор нынешнего Усольского района) в 1630-е годы получает земли по Сылве и её притокам Шакве и Мечке. В 1636 г. на землях монастыря была основана Рождественская пустынь (Сылвенское, Спасский монастырь, Рождественское, современное с. Каширино)³. Кроме пожалованных земель, монастыри захватили и часть угодий соседнего ясажного населения. Частновладельческие имения появляются в северо-восточной части поречья. В 1620-1621 гг. соликамец Федор Елисеев приобретает вотчины по р. Кишерть, в последующее время он расширяет свои владения по рекам Кишерть, Кошель, Барда. Братья Федора завладели ясажными вотчинами по реке Шаква. К 1640-м годам их владения состояли из земельных угодий по рекам Сылва, Ирень и их притокам⁴. В первой половине XVII в. частновладельческие и монастырские вотчины активно заселяются крестьянами, большей частью беглыми⁵.

С 1640-х гг. в освоении Сылвенско-Иренского поречья, кроме мо-

¹ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII - н. XVIII вв. М., 1956. С. 31-32.

² Шишонко В.Н. Пермская летопись, 3 период, С.63-64. Населенные пункты Уральской области. Т.6. Кунгурский округ. Свердловск, 1928. С.90.

³ Преображенский А.А. Указ. соч. С.33-36.; Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1900, Вып. VIII, С.127.

⁴ Преображенский А.А. Указ. соч. С.28-31.

⁵ Преображенский А.А. Указ. соч. С.40.

настырей и частных лиц, активно принимает участие государство. В поречье проводится целый ряд правительственных мероприятий, направленных на освоение пустующих земель. Этот период принято называть «кунгурской селитьбой». В 1648 г. создается чернососный Кунгурский уезд, центром которого становится Кунгурский острожек. В 1648-1651 гг. в ранее уже освоенных вотчинах Строгановых, Елисеевых, Суровцевых, Соликамского и Пыскорского монастырей производится сыск беглых, которых расселяют на пустующих землях нового уезда. Всего по данным «селебных книг» в 1648-1651 гг. в Кунгурском уезде обосновалось 645 семей (1878 чел. мужского пола)¹. Новые поселенцы Кунгурского уезда были в основном выходцами из поморских уездов северо-запада России. Поток переселенцев шел с уездов Кайгородского - 29,4%, Сольвычегодского - 19,7%, Чердынского - 18,8%, Соликамского - 11,3%, Осинского - 4,6%, Устюжского - 3%, Сарапульского - 1,2%, с Вятской земли - 3%, а также из Важского, Холмогорского, Кеврольского, Яренского, Вологодского и других уездов, а также частично из Сибири². Таким образом, основу формирующегося населения Кунгурского края составили выходцы из северо-западных уездов России и Северного Прикамья (последние в прошлом также пришли из Поморья). В период «кунгурской селитьбы» было основано и значительное число старинных сел современного Кунгурского района, с 1651 г., например, известны с. Невотино и с. Ленск (в прошлом Степаново, или д. Степаново Городище)³. Важнейшей задачей, которую решало правительство «кунгурской селитьбой», было укрепление восточных границ Русского государства и защита их от набегов башкир. Одним из методов достижения этой задачи было увеличение тяглового населения. Начало заселения и освоения этих территорий имело огромное значение для всей истории Среднего Урала. Русскими были освоены плодородные земли Южного Прикамья, что способствовало развитию земледелия

¹ Преображенский А.А. Указ. соч. С.51.

² Преображенский А.А. Указ. соч. С.60.

³ Материалы по Пермской области... С.132,135.

и складыванию в Кунгурском уезде хлебного рынка, сыграло затем важную роль в процессах освоения русскими Сибири.

Во второй половине XVII в. плодородные и малоосвоенные земли Сылвенско-Иренского поречья всё больше привлекают внимание крестьян, и целенаправленную правительственную колонизацию («селитьбу») перекрывает стихийная народная колонизация. С 1660 г. наблюдается ослабление притока переселенцев и значительное уменьшение численности жителей вновь созданного уезда, причинами чего стали башкирские восстания. Население Кунгурского уезда резко сокращается, значительное число жителей переселяется в Сибирь и в вотчины Строгановых¹. В 1662 г. город Кунгур был сожжен, но в 1663 г. вновь возникает на месте с. Мысовское при впадении р. Ирень в Сылву (где располагается и в настоящее время)². Во второй половине XVII - начале XVIII в Сылвенско-Иренское поречье вновь идут новопоселенцы. Крестьяне и посадские люди Чердынского и Соликамского уездов, жалуясь на тяжесть повинностей, указывали, что часть жителей их уездов переселилась к кунгурцам³. Перепись Кунгурского уезда 1678 г. зафиксировала 5 сел и 42 деревни с 1083 дворами, в которых насчитывалось 3110 человек мужского пола⁴. Следующая перепись 1679 г. отметила увеличение населенных пунктов, движение населения по Ирени и Сылве. Всего в уезде стало 7 сел, 45 деревень, 5 починков с 1174 дворами и 126 избенками с населением 4116 человек мужского пола⁵. Перепись 1704 г. рисует следующую картину состава населения, мест выхода поселенцев и время поселения: в Кунгурском уезде в 1704 г. насчитывалось 4277 человек мужского пола, являющихся главами семей. В 24 населенных пунктах из 923 опрошенных жителей 43.3% родились в Кунгурском уезде, а 56.4% пришли из других уездов. Среди новоприходцев более 20 лет здесь проживало 79 семей, от 16 до 20 лет – 126 семей,

¹ Чагин Г.Н. Указ. соч. С.43-44.

² Николаев С.Ф. Кунгур // Материалы по Пермской области... С.74-75.

³ Преображенский А.А. Указ. соч. С.72-73.

⁴ Чагин Г.Н. Указ. соч. С.44.

⁵ Чагин Г.Н. Указ. соч. С.44.

от 14 до 15 лет – 54 семьи, от 6 до 10 лет – 149 семей¹. Исходя из этих данных, можно предполагать, что к началу XVIII в. население Кунгурских земель было старожильческим, поток миграции в уезд по-прежнему шел с поморских земель и из Северного Прикамья. Из 514 новопришлых семей 78 (15.1%) были выходцами Устюжского уезда, 59 (11.4%) - из Осинского, 57 (11.1%) - Важского, 56 (10.9%) - Чердынского, 55 (10.9%) - Кайгородского, 33 (6.4%) - Соликамского, 24 (4.7%) - из Устюжских волостей, 23 (4.6%) - Сольвычегодского уезда. Кроме того, в крае были представлены Юрьев-Поволжский, Тотемский, Яренский, Сарапульский, Вятский, Мезенский, Галицкий, Каргопольский, Вологодский, Уфимский, Холмогорский, Новгородский, Балахонский уезды, вотчина Строгановых, Кеврола, Пинега, Чепца, Н. Новгород, Кострома, Шешминск, Царевококшайск, Урень². Таким образом, основу русского населения Сылвенско-Иренского поречья составили выходцы различных северо-западных уездов России.

С процессами заселения и освоения Кунгурского края связано известное в прошлом прозвище его жителей «пиканники». В середине XIX в. А.Н. Зыряновым было зафиксировано объяснение появления этого прозвища: «По народному преданию, в эпоху первого заселения края русскими земель кунгурских татар сильный голод постиг этот край, вследствие чего кунгурцы вынуждены были питаться разными дикими полевыми растениями, в их числе молодыми стеблями борща и дягиля (пиканами)»³.

О продолжающемся освоении края русскими в начале XVIII в. свидетельствует перепись 1719 г. Русское население в крае составляло 20354 человека обоего пола, проживавших в 3998 дворах и избах, в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках, 1 пустыни. Русское население в этот период стало основным населением края и составило 83.31%⁴. К этому времени достаточно освоенными были земли по р. Сылва и

¹ Преображенский А.А. Указ. соч. С.84-86.

² Преображенский А.А. Указ. соч.С.87.

³ Зырянов А.Н. Путевые заметки от Каменского завода до г. Перми, составленные в 1855 г. // Пермские губернские ведомости. 1856. №12. С.51.

⁴ Чагин.Г.Н. Указ. соч. С.45.

её притокам. Здесь вплоть до верховьев находились русские деревни (ныне входят в состав Пермского края). По Ирени русское население сосредоточилось в нижнем и среднем течении реки. Большое количество земель, пригодных для земледелия, высокая степень плодородия почв, позволяющая получать хороший урожай, привели к тому, что хозяйство русского населения края складывалось как земледельческо-животноводческое (с незначительной долей охоты и рыболовства). Земледельческое хозяйство в Кунгурском крае рано втягивается в товарные отношения - в сельскохозяйственный рынок. Как указывал игумен Макарий в своем описании города Кунгур (1850 г.)¹, до 1618 г. русских в окрестностях Кунгура не было, с этого года «пришельцы чердынские и соликамские, а также кайгородцы, сольвычегодцы, Устюга Великого и иных городов посадские люди и уездные крестьяне начали населять эти земли по Кунгуру, Ирени, Сылве; земли были также куплены старцами Пыскорского, Преображенского и Соликамского Воскресенского монастырей».

Заселение русскими третьей, юго-западной зоны Кунгурского района происходило в процессе промышленного освоения территории Среднего Урала. В XVIII в. на Урале начинает развиваться горнозаводская промышленность, появляются горные заводы и заводские поселки. На кунгурских реках Юг и Бым заводы основываются в 1730-е гг. В 1731 г. на арендованной у татар земле по р. Юг оброчные крепостные крестьяне Казанской губернии Гаврила и Петр Осокины основывают Юговской (Осокинский) медеплавильный завод, который начал работать в 1733 г. Поселок при заводе получил название Юго-Осокинский завод. Завод находился в руках первых владельцев завода до 1801 г., когда сын одного из основателей, И.П. Осокин, продал его московскому купцу А.А. Кнауфу. Юго-Осокинский завод получает новое название – Юго-Кнауфский. В настоящее время бывший заводской поселок известен как село Калинино (получило это название в 1952 г.)². Недалеко от Юговского завода на р. Бым вскоре

¹ Игумен Макарий. Описание города Кунгура, 1850 г. Архив РГО, Разряд № 29, оп.1, ед.хр. 25.

² Лепихина З.Я. Калинино // Материалы по Пермской области... С.123.

начинается строительство Бымовского медеплавильного завода А. Демидова, датой основания завода считается 1736 г. Со строительством заводов возникают и заводские поселки, формируется заводское население, которое в силу специфики занятий и социального уклада приобретает и некоторые черты, свойственные традиционной культуре. Со второй половины XIX в. в связи с истощением запасов медистых песчаников Бымовской завод начинает работать с перебоями, а с 1871 г. и Бымовской, и Юго-Кнауфский заводы закрываются из-за выработки рудников¹. При этом заводское население не переводится на другие заводы - закрытие заводов стало одной из причин «окрестьянивания» заводского населения. Оно постепенно основывает в округе заводов деревни, выселки и починки и переходит на земледелие. Часть населения в заводских поселках начинает активно заниматься промыслами. Историческая память сохранила в селах Калинино и Бым немало свидетельств, связанных с заводом и заводским бытом: «Здесь раньше завод был, медный завод. Завод медь вырабатывал...» (Калинино).

Таким образом, на территории Сылвенско-Иренского поречья основной состав населения формируется в XVII – первой половине XVIII в., и в дальнейшем происходит его внутреннее освоение. В конце XIX в. русское население Сылвенско-Иренского поречья было старожильческим (исторические предания уже не фиксируют места выхода переселенцев), а традиционная культура русских характеризуется к этому времени преобладанием севернорусских этнокультурных черт (с добавлением некоторых среднерусских особенностей).

С XVII в. со времени освоения русскими Сылвенско-Иренского поречья, образования Кунгура и Кунгурского уезда появилось и географическое определение Кунгурский край, который закрепился и в самосознании местных жителей. Марийцы и татары, относящиеся в прошлом к Кунгурскому уезду и ещё в XIX в. входившие в Красноуфимский уезд, сохраняли в названии своих групп термин *кунгурские*: «мы кунгурские марийцы», «здесь кунгурские татары живут».

¹ Николаев С.Ф. Бым // Материалы по Пермской области...С.118.

Русские также часто используют термины *кунгуряки*, *кунгурщина*, обозначая так жителей Сылвенско-Иренского поречья.

Кунгурский район в современных границах, как уже отмечено, значительно отличается от той территории, которая в разные периоды относилась к Кунгурскому уезду. В XVII-XVIII вв. территория уезда включала более обширную территорию, часть её впоследствии отошла к уездам Осинский и Красноуфимский. Не относилась к Кунгурскому уезду северная территория современного Кунгурского района - вотчины Строгановых. Существенное изменение административных границ Кунгурского уезда произошло при образовании Пермского наместничества (1781 г.). Современный Кунгурский район включает территорию, в конце XVIII – XIX – начале XX в. входившую в состав трех уездов Пермской губернии: Кунгурского (территории Сылвенской (Крестовоздвиженской), Кыласовской, Троельжанской, Каширинской (Рождественской), Неволинской, Жилинской, Филипповской, Комаровской и Тихановской волостей, Пермского (Сергинской, Насадской волостей) и Осинского (Ленской, или Степановской, Юго-Кнауфской, или Юго-Осокинской, Бымовской, а также частично Ашاپской и Карьевской волостей)¹. Существенные изменения административно-территориального устройства в Сылвенско-Иренском поречье происходят в советский период. В 1923 г. в составе вновь образованной Уральской области был создан Кунгурский округ, включивший 13 вновь образованных районов, в прошлом часть бывших Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов, в том числе Кунгурский и Юго-Осокинский районы. В состав Кунгурского района вошла территория 10 бывших волостей Кунгурского и Осинского уездов. Северная часть современного Кунгурского района входила в состав Сергинского района Пермского округа Уральской области. В 1931 г. в состав Кунгурского района был включен Юго-Осокинский район, а в 1941 г. он вновь приобрел на время самостоятельный статус. С 1932 г. по 1935 г. в

¹ Списки населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928: Вып. 6. Кунгурский округ; Вып. 8: Пермский округ.

составе Кунгурского района находился Березовский район. В старых границах Кунгурский район просуществовал до 1955 г., когда его территория вошла в ведение Кунгурского горсовета как пригородная территория. В 1959 г. были ликвидированы Калининский (бывш. Юго-Осокинский) и Пермь-Сергинский районы, выделена территория пригородной зоны г. Кунгур и вновь создан Кунгурский район. В 1963 г. в состав Кунгурского района включалась территория ликвидированных Ординского, Березовского, Кишертского, Суксунского и части Уинского районов. Однако уже через год Кунгурский район выделился в самостоятельный. В границах 1964 г. Кунгурский район существует до настоящего времени¹.

2. Этнокультурные ареалы русских в Кунгурском районе

Хотя основная часть русского населения района была представлена старожильческим населением, особенности формирования населения района обусловили и этнокультурные различия отдельных его территорий. Причиной, которая привела к явным различиям в обычаях и обрядах, была в том числе и частая смена административно-территориального подчинения отдельных населенных пунктов в разные периоды (это приводило к установлению разнообразных соседских связей). Некоторые части района отличались социальным статусом и укладом - здесь были представлены помещичьи и государственные крестьяне, жители заводских поселков. Исторически выделяемые по особенностям традиционной культуры русского населения три этнокультурных ареала условно могут быть обозначены как северный (Насадка, Пермь-Серга); центральный (в непосредственной близости от Кунгура); юго-западный, или горнозаводский (Бым, Калинино).

Северная часть современного Кунгурского района была в известном смысле противопоставлена Кунгурскому уезду. Противопос-

¹ www.kungur.ru/history/history.html

тавление закрепилось в бытовании термина *баронщина* - государственных крестьян самого Кунгурского уезда прозвали *кунгурщиной*: «Кунгуряки ездили к нам в Сергинку, мочало закупали - сумки из них делать, рогажи. Ярмарки были. Специально для них мочили кору. Кунгурщина, как выходные, едут – полные воза везут. Серга и Зуята – опять баронщина» (с. Серга). Прозвание сохраняется в наши дни: «Баронщина – этот куст до Насадки, и Зарека тоже» (с. Насадка); «Серга – это баронщина, Зуята тоже, до Насадки» (с. Зуята). Жителями осознавались не только территориальные и социальные различия, но и особенности местного говора и обычаев: «Пермь-Серга – это *баронщина*. А у нас звали *кунгурщина*. Они говорят «сё, сё да сё», а мы нормально говорим. У нас всё как-то другое...» (д. Заспалово). Различия территорий проявлялись и в некоторых комплексах традиционной культуры.

Свои черты имело горнозаводское население юго-западной части района. Хотя во второй половине XIX в. Бымовской и Юго-Кнауфский заводы были закрыты, «горнозаводская» специфика этой территории сохранялась долго. Особенности проявились в структуре и планировке заводских поселений (их характерной чертой были пруд и плотина, за которой строились производственные помещения и далее располагались улицы). Планировка с. Калинино и с. Бым продолжает сохранять эти типичные особенности заводских поселений. В с. Калинино в топографии поселения, топонимике, в местной речи сохранялась заводская тема: «Завод вырабатывал медь, *сок* был, так отходы называли, *соковина*, ну, шлак. Целый облом был за рекой. Там навалено было этого соку вдоль нижней улицы и за ней. Потом колхозы-то начались – по дорогам давай развозить, где ямы, где что, скорехонько перевозили...» (с. Калинино). Специфические черты проявлялись и в хозяйствовании - главным источником существования заводских семей была работа на заводе, хлебопашеством занимались далеко не все семьи. Заводское население тем не менее имело усадьбы, огороды, сенокосные угодья и выгоны, иногда и пашню. После закрытия заводов, когда заводские работы перестали быть

основным источником доходов, заводчане относительно легко переходят на хлебопашество. Ограниченность земельных угодий вблизи заводского поселка вынуждает многих основывать мелкие выселки и починки, заниматься промыслами и ремеслами.

Определенные особенности имел и усадебный комплекс. В селах Калинино и Бым преобладают усадьбы с закрытым двором «*на два коня**», в отличие от крестьянских жилищ иногда имеющие полуподвальные этажи; значительное распространение получили дома-пятистенки. В интерьере жилища немало черт городского быта - шкафы-горки, диваны и кресла, венские стулья. Костюм заводских также рано воспринял новые традиции городской моды: на смену костюму с сарафаном приходят «парочки» (юбка с кофтой). В духовной культуре также наблюдаются характерные особенности, не свойственные крестьянству. В отличие от крестьянской среды, где долго сохранялись общинные традиции, в заводской среде традиции коллективной взаимопомощи, коллективного досуга вытесняли товарно-денежные отношения. Так, в Юго-Кнауфском заводе на масляной неделе платным было катание на масленичной горке (плата увеличивалась к последнему дню праздника, когда в катания включалось взрослое население). Городская мода и городские обычаи ощущаются в свадебной обрядности - к характерным «заводским» примерам можно отнести обычай жениху привозить мыло и духи: «Жених духи привозил, духи, мыла пачку. По невесту приедет или ранее дарил, печатку мыла, духи, гребень» (с. Калинино). Это обыкновение разошлось, очевидно, по всему Прикамью – недаром «мыла кунгурские» упоминаются в чердынских свадебных песнях: «Накупили мыла кунгурские, что другие мыла сарапульские...».

Кунгурский район отличает мозаичность локальных вариантов традиционной культуры - каждое село, группа деревень имели свои характерные черты. Примеры, подтверждающие эти различия, часто приводят и сами информаторы: «В каждой деревне чё-то да разное, в каждой деревне разные *повалы*. У нас вот в Семик не поминают, а где-то поминают» (с. Калинино); «У нас с заречными разница была,

у нас на этом берегу по одной нижней юбке носили, а у них по две, по три» (с. Зуята).

На особенности традиционной культуры, несомненно, повлияла близость городского центра. Кунгур с более чем десятью храмами выступал и значимым православным центром округа, посещение городских церквей, участие в престольных и местнотимых праздниках, крестных ходах были важными событиями в жизни и жителей сельской округи. Развитие земледельческого производства в Кунгурском уезде, складывание хлебного рынка, разнообразие промыслов и ремесел в крае способствовали становлению Кунгура как центра базарной и ярмарочной торговли, вовлекавшей в участие всю сельскую округу. Близость Кунгура с его рыночной и ярмарочной торговлей, купечеством, промышленностью повлияла на развитие промыслов и ремесел сельской округи. В деревнях и селах активно развивались гончарное, бондарное, сундучное производства, деревообработка, заготовка и обработка мочала, кож и т.д. Крестьяне рано начинают использовать покупные хлопчатобумажные, шелковые, полупелюшковые, полшерстяные ткани, праздничный крестьянский костюм дополняется городскими элементами: ботиночками, кружевными косынками (*косинки*, *файшонки*), поясами, фартуками-запонами. Приобреталась на ярмарках и праздничная фаянсовая и фарфоровая посуда. Здесь рано распространилась фотография, мода на украшение интерьеров рамками с семейными портретами (старались зафиксировать почти все важные семейные события: проводы в солдаты, свадьбу, похороны).

Чайная торговля кунгурского купечества также сказалась на деревенском быте, здесь раньше, чем в других районах Прикамья вошли в обиход самовары и традиция чаепития: «Раньше первое угощение было – самовар. Вот я это помню, дома ишо жила. Гостей ждут, дак в первую очередь чай. Продавали и малиновый, и земляничный, и клубничный, и настоящий кирпичный и байховый. Вот такими тюбиками. Экономили копейки и покупали этот чай. Сейчас нет такого чая, давно уже, это когда мы росли, такой чай был. А потом пошёл

чай этот, другой...» (д. Моховое). В Кунгурском районе до сих пор встречаются *самоварники* – особые, под размер самовара углубления в нижней части русской печи, в которые ставились самовары. Назначение самоварника информаторы объясняют по-разному - чтоб самовар «не мешался», чтоб у него было свое место, свой угол, чтобы всегда был горячим: «Поставят самовар около печи-то в самоварник, он и тёплый» (д. Подъельничная). Вошёл чай и в свадебную и даже похоронную традицию (см. ниже: совместное чаепитие устраивалось как знак согласия невесты при сватовстве; чай и угощение к чаю обязательны на столе в течение сорока дней после смерти человека).

3. Иноэтническое окружение и контакты

Формирование русского населения в Сылвенско-Иренском поречье происходило в условиях активного взаимодействия с татарским населением региона. Основные ареалы проживания татар к началу заселения поречья русскими в регионе уже сложились, и при этом огромные площади, пригодные для занятий земледелием, здесь оставались неосвоенными. Первые русские документы XV-XVII вв. называют всё население Сылвенско-Иренского поречья «остяками», этноним «татары» для обозначения местного населения появляется позднее. Вопрос об этнической принадлежности «остяков» остается спорным. Часть исследователей склонны считать их древним угорским населением этого края (скорее всего, манси)¹. Другие исследователи считают остяков смешанным тюркско-угорским населением. Первые сведения о численности нерусского населения Сылвенско-Иренского поречья мы получаем из писцовых книг М. Кайсарова 1623-1624 гг.: «А всего сылвенских и иренских остяков и татар 67

¹ Оборин В.А. К истории заселения Прикамья в эпоху раннего железа // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С.49; Томилов А.Н. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI- первой четверти XIX в. Томск, 1981. С.30-33; Чагин Г.Н. Указ. соч. С.84.

юртов, да 4 юрта черемисских, да юрт мордовских людей, в них остяков и татар 81 человек, да 4 человека черемисина, да мордвин»¹. «Остяки», неоднократно упоминавшиеся в русских документах, стали одной из этнических основ формирования сылвенско-иренских татар. В формировании их принимали участие и другие этнические компоненты: сибирские татары, продвинувшиеся в Предуралье еще в период Сибирского ханства², ближайшие соседи гайнинские башкиры³. Со второй половины XVI-XVII в. в Прикамье активно переселяются и казанские татары - об участии населения из-под Казани рассказывают многочисленные предания сылвенско-иренских татар: «Деревня основана около 400 лет назад... бежавшими от крещения пришельцами из-под Казани...» (д. Усть-Турка)⁴.

Второй поток татарского населения (из Поволжья) в Южное Прикамье относится ко времени крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева (1773-1775). В формировании местного населения принимало активное участие также финно-угорское население: марийцы, удмурты, мордва, которые переселялись на восток в конце XVI-XVII в. и оседали в том числе в южных районах пермского Прикамья⁵.

Сылвенско-иренские татары не представляют собой единого компактного массива, отдельные группы деревень расположены на значительном удалении друг от друга, в окружении русского населения. Именно это обстоятельство и определило этнокультурное своеобразие отдельных групп сылвенско-иренских татар, выделение среди татар Сылвы и Ирени нескольких этнотерриториальных подгрупп. Татарское население района исследователи относят к нижнеиренской группе сылвенско-иренских татар (сюда же включаются татарские деревни северной части Ординского района⁶). По переписи 2002 г.,

¹ Там же. С.126-127.

² Томилов А.Н. Указ. соч. С.30-33.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.337.

⁴ Материалы по истории деревень пермских татар // Пермские татары. Казань, 1983. С.157.

⁵ Чагин Г.Н. Указ. соч. С.46.

⁶ Черных А.В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. (по материалам южных районов Пермской области). Пермь, 2002. С. 78-82.

на территории Кунгурского района проживало 5861 татар.

Взаимодействие с татарским населением сыграло значительную роль в становлении специфики этнической культуры русского населения Сылвенско-Иренского поречья. С одной стороны, русские и татары всегда противопоставляли себя друг другу по языковым, этнокультурным и конфессиональным различиям, и в районе преобладали мононациональные поселения. Но длительное соседское проживание в едином природно-климатическом ландшафте, единство хозяйственных занятий вызвали к жизни тесные социально-экономические связи и этнокультурное взаимодействие. В Кунгурском районе, как и в других районах совместного проживания татар и русских, был выработан своеобразный этикет добрососедских отношений. Так, в «Кунгурских актах XVII века (1668–1699 гг.)» описывается, что местное руководство в лице воевод одинаково внимательно относилось как к русским, так и инородческим племенам. «Татарщина признавалась вполне равноправною в делах тяжёлых и уголовных с русским населением»¹. Многочисленны примеры гостевания русских в татарских деревнях и приема гостей-татар в русских деревнях. Обычным было участие татар в русских праздниках, а русских в татарских. Особенно много русских участвовало в праздновании татарского сабантуя (не только в качестве зрителей, но и активных участников: «Всегда хорошо с татарами жили. На Сабантуй ездили, там много народу собиралось, гонки на лошадях устраивали, мешками боролись. Больше татары побеждали, они же готовились к сабантую. А наши так... Очень-то не общались, но розней не было» - с. Калинино). Сабантуи и походы в гости старались приурочить к ярмаркам и престольным праздникам, посещение ярмарки вместе с гостями становилось одним из элементов праздника. Выработан был и обряд примирения: мирились русские, давая клятву, соответствующую своей религии. Православные говорили: «Ко святой евангельской непорочной заповеди Господней, еже ей-ей!» Замечательна эта формула – при ней имя Божие не употреблялось всеу при указании

¹ Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.). СПб., 1888. С.9.

на несправедные дела¹.

Картину добрососедства никак не портило то обстоятельство, что обрядовый образ «чужого», известный любой традиционной культуре, в русских традициях региона чаще всего связывался с соседним татарским населением. В святочном ряженье русских был популярен образ татарина (костюмы для ряженья при этом обычно приобретали в соседних татарских деревнях, непосредственно у татар). Имитация костюма другой национальности ощущается в следующем описании святочного колядования: «Ходили колядовать. Корзину возьмешь, собираешь, чё подадут. Я косу надену из кудели, средимся, намажемся, на себя. Костюм у меня был – пробки нашиты на юбке и маленькие такие колокольчики. Пляшешь, и оне бренчат. И на подол, и на рукава нашъешь» (с. Юговское). Ряженье на второй день свадьбы также включало переодевание в костюм другого народа («Рядились на другой день - юбки натяют, там монеты нашиты, они брякают там, на юбке-то» - с. Калинино). Татарки считались у русских лучшими знахарками («Татарки у нас всё больше лечили» - д. Андреевка), а в татарских деревнях, напротив, часто обращались к русским знахарям. Об одной такой «волшебнице-черемиске» по имени Беккенейка Уразбахтина, прибывшей в Кунгур из Казанского уезда специализироваться по «волшебным отравам» рассказывается в «Кунгурских актах XVII в.»². Наделение «большей» силой знахарей соседнего народа - характерная черта всех районов межэтнического взаимодействия.

Русские говоры кунгурского края, как и любые говоры, контактирующие с неродственным языком, содержат значительный пласт заимствованной лексики, происхождение которой можно объяснить контактами с соседними народами. Это этнографическая лексика - слова типа *кашйк* 'небольшой ковш'; *кумышна* 'пища, представляющая кашу-болтушку из муки' («В войну кумышну варили, из муки» - с. Ленск; вероятно, слово родственно слову *кумыс* и, как и оно, свя-

¹ Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.). СПб., 1888. С.19.

² Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.). СПб., 1888. С.19.

зано с тюркским обозначением болтания, перемешивания); мифологическая лексика (*бабай* название старика, которым пугали маленьких), отвлеченные слова (*акыл* 'ум, разум': «У его, видать, на это дело акыл не хватат - шолу-то кончить» - с. Калинино); характеристическая оценочная лексика (*хайдула́* 'о шумном человеке': «Анна-то вон чё ведь - хайдула, а Колька у иё воды не замутит» - д. Сухая Речка).

4. Конфессиональный состав населения

Значительное большинство русского населения Кунгурского края было православным, сторонниками официальной православной церкви. Формирование православных приходов и организация приходской жизни происходили одновременно с процессами освоения края. В конце XIX в., по сведениям пермской епархии, в Кунгурском, Осинском и Пермском уездах губернии на территории современного Кунгурского района действовали следующие православные приходы:

Таблица 1

Православные приходы на территории современного Кунгурского района в конце XIX в.

Село	Название церкви	Численность прихожан
Пермский уезд		
Насадка	Входо-Иерусалимская (каменная)	3662
Сергинское	Крестовоздвиженская (каменная)	7783
Кунгурский уезд		
г. Кунгур	Благовещенский собор (каменный) Алексеевская церковь (приписная) каменная Вновь строится каменная трехпрестольная	7970
г. Кунгур	Богородице-Скорбященская (каменная)	525

г. Кунгур	Владими́ро-Богороди́цкая (каменная), домовая при женском монастыре	
г. Кунгур	Иоанно-Предтеченская (каменная)	630 мужск. пола
г. Кунгур	Михайло-Георгиевская (каменная), домовая при Зырянской богадельне	
г. Кунгур	Михаило-Архангельская (каменная), домовая при Елизав. доме.	
г. Кунгур	Спасо-Преображенская (каменная, 2-этажная) Приписная к сей церкви: Всехсвятская кладбищенская (каменная)	1192
г. Кунгур	Тихвино-Богороди́цкая (каменная)	1651
г. Кунгур	Успенская (каменная), постр. 1755 г.	2743
Филипповского села	Филипповская (каменная)	1753
Кинделинского села	Петропавловская (каменная)	2222
Комаровского села	Христорождественская (каменная, 2-этажная)	3706
Кыласовского села	Николаевская (каменная)	4057
Сылвинского села	Крестовоздвиженская (каменная, 2-этажная)	2993
Сылвинско- Рождественского села (Каширино)	Спасо-Преображенская (каменная)	7899
Троельжанского села	Вознесенская (каменная)	1712 м.п.
Осинского уезда		
Бымовского завода	Алекса́ндро-Невская (каменная)	2959
Веслянского села	Благовещенская (две – каменная и деревянная)	980 м.п.
Мазунинского села	Николаевская (каменная)	1982

Старопосадского (Троицкого) села	Троицкая (каменная)	1766
Стефановского (Ленского) села	Иоанно-Предтеченская (каменная)	2465
Юго-Кнауфского завода	Свято-Троицкая (каменная)	5641
Юговского села	Зосимо-Савватиевская (деревянная)	614

В то же время в Кунгурском крае, как и во всей Пермской губернии, которая занимала одно из первых мест по числу старообрядцев в России, проживали старообрядцы разных согласий и единоверцы. Официальные данные по Кунгурскому уезду XIX в. показывают следующую картину распространения старообрядчества. В уездном городе Кунгур на 9456 жителей приходилось 9316 православных, 21 старообрядец и 24 единоверца¹. Среди населения уезда, составлявшего в середине XIX в. 95349 человек, считалось 2840 старообрядцев, 2087 единоверцев и абсолютное большинство православного населения – 88584 человека². Данные официальной статистики о числе старообрядческого населения всегда неполны, однако они в некоторой степени позволяют проследить динамику изменения его численности. В конце XIX в. официальные источники показывают значительное, почти в три раза увеличение числа старообрядцев в уезде, составивших 6844 человек (против 1873 единоверцев) - при численности православного населения в 118431 человек³. Епархиальные и статистические источники позволяют выявить и основные очаги распространения старообрядчества в уезде, в той части, что составляет территорию современного Кунгурского района. В приходе Троельжанском⁴ в конце XIX. числился 61 сторонник «старой

¹ Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1875; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, Пермская губерния, СПб., 1864. ч. I.

² Пермская губерния: Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб., 1875; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, Пермская губерния, СПб., 1864. ч. I.

³ Отчет Пермского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Пермской епархии за 1896-97 учебный год // Пермские епархиальные ведомости. 1898. С.315-317.

⁴ Приход часто совпадал с территорией волости.

верь», в Кыласовском – 10, Сылвенском - 58, Комаровском – 31, Крестовоздвиженском – 62, Неволинском – 232 человека¹. Как видим, общее число старообрядцев на этой территории было незначительным. Православные вместе со старообрядцами проживали чаще всего в одних населенных пунктах.

Более значительным было число старообрядческого населения в юго-западной части современного Кунгурского района, в Бымовской и Юго-Кнауфской волостях, относящихся в прошлом к Осинскому уезду Пермской губернии. Численность старообрядческого населения этой территории в приходах Бымовской и Юго-Кнауфской церквей составляла в Юго-Кнауфском - 1174, Бымовском – 39 человек². Сложный конфессиональный состав населения заводских поселков раскрывают и воспоминания старожилов. Так, в с. Калинино отмечали, что еще в 1920-е гг. в селе проживали представители трех конфессий: православные, единоверцы, старообрядцы белокриницкого согласия, «австрийские», как их называло соседнее население, старообрядцы-беспоповцы и так называемая «стариковщина», «стариковская вера» (скорее всего, старообрядцы часовенного согласия³). В селе действовало три храма: православный, единоверческий, австрийский а также «стариковский» молельный дом.

В настоящее время на территории Кунгурского района, согласно сведениям, которые мы получили в ходе полевой работы, функционирует лишь одна община старообрядцев белокриницкого согласия в с. Калинино, окормляемая священником г. Пермь. В то же время сведения о старообрядцах, проживавших в прошлом в районе, разнообразны. В памяти сохранились особенности старообрядческих традиций в освящении и получении святой крещенской воды: «Брали староверы воду рано утром, черпать в Крешшенье надо, только не в ту сторону, в котору речка бежит, а в другую, против теченья» (д. Андреевка); в похоронно-поминальной обрядности: «Не ходят

¹ Отчет Пермского епархиального училищного совета... С.77.

² Отчет Пермского епархиального училищного совета... С.316-317.

³ Духонин П. Как относятся раскольники к своему собрату.../ Пермские пархиальные ведомости. 1907. С.501.

они, эти старообрядцы на кладбище. Они схоронят, земельку заровняют, и всё. Сделают полати, заруют и заровняют. Раньше их отдельно хоронили, отдельно они даже жили» (с. Серга); «Вот на горе, где Тоня-то живет, в том доме жил Петр, он кержак был. У него умерла матушка, ее всю спеленали, как ребенка, это говорят у кержаков так, все запеленато чтоб было...» (с. Серга).

Священник В. Протопопов, описывая завод купца Кнауфа¹, отмечал: «Семена раскола, занесенные сюда, вероятно, ещё в начале, постепенно росли и значительно увеличились». В Юговском в середине XIX в. на 5536 душ было единоверов 947, раскольников 2379. В. Протопопов особенно отмечает, что «в обхождении здешние жители учтивы, а особенно раскольники, но не гостеприимны (из боязни *измирциться*)». Он же отдельно остановился на том, что здесь в отличие от других сельских мест очень много грамотных, что раскольники много читают – и при этом «стараются вникать в книги и находить в них таинственный смысл». Священником приводится оригинальное осмысление местными старообрядцами слов Иисуса Христа «Солнце померкнет и луна не даст света своего, звезды яко листья смоковницы с тверди небесные» - солнце здесь упоминается как учение церкви, а сама фраза иносказательно говорит о том, что в наши дни древние отеческие, или дониконианские книги употребляются всё меньше, что связывалось с наступлением времени Антихриста.

На территории с большим числом старообрядческого населения впоследствии были образованы единоверческие приходы и построены единоверческие церкви.

¹ Протопопов В. Этнографические сведения о жителях юговского купца Кнауфа завода. Архив РГО, разр. 29, оп.1, ед.хр. 19.

Единоверческие приходы на территории современного Кунгурского района в конце XIX в.

Село	Название церкви	Численность прихожан
Единоверческий округ Пермского уезда		
Бымовской завод (Осинского уезда)	Петропавловская (деревянная) постр. 1867 г.	1350 муж. пола
Неволинского села (Кунгурского уезда)	Николаевская (каменная)	1809
Юго-Кнауфского завода (Осинского уезда)	Свято-Троицкая (деревянная)	2598

Единого определения, что такое единоверие, единоверцы, нет до настоящего времени (бытующее определение единоверчества – православное старообрядчество). Часто под ним понимают течение в старообрядчестве, сторонники которого сохраняли «старые обряды», но признавали главенство Святейшего Синода. С точки зрения старообрядцев, единоверие следует считать частью (правда, особой) русской православной церкви. Официально оно было утверждено в 1800 г. императорским указом для тех старообрядцев, которые были согласны принять единоначалие - войти в подчинение Синоду, однако опасались оставить древние обряды. Оно было задумано наподобие западной унии: при сохранении старого богослужебного чина и древних обычаев единоверцы обязываются принимать священство от господствующей церкви и поминать за литургией новообрядческий Синод или патриарха, вполне подчиняясь им¹. В единоверческих церквях служба велась по «старым обрядам» и разрешалось старообрядческое двуперстие - это был своего рода компромисс между православием и старообрядчеством. Присоединение к единоверию, впрочем, было не вполне успешным, значительная часть старооб-

¹ Старообрядчество. М., 1996.

рядцев отказалась от компромисса. Более всего на Урале единоверие получило распространение в заводских поселках, в которых стремление «привести раскольников в лоно православной церкви» поддерживались административным ресурсом: государственными и заводскими властями.

Наглядно сложные конфессиональные процессы проявились в истории Юго-Кнауфского завода Осинского уезда (с. Калинино). Как отмечают церковные историки, почти всё первоначальное население завода было православным, только 4 дома считались домами «явных раскольников». Первый заводской православный деревянный храм сгорел, вместо него в 1777 г. был заложен и в 1778 г. освящен другой деревянный храм, во имя архангела Михаила¹. В 1831 г. было положено основание каменного православного храма, один из приделов которого был освящен в 1840 г. (окончательное завершение строительства и освящение храма состоялось в 1855 г.). В Осинском уезде старообрядчество активно стало распространяться во второй половине XVIII в., прежде всего в Юго-Осокинском заводе, куда оно было занесено переселенцами из разных районов России. Старообрядчество активно поддерживалось как заводовладельцем Иваном Осокиным, так и его приказчиками. В 1821 г. среди заводского населения насчитывалось 267 душ мужского пола православных и 1313 душ мужского пола старообрядцев². Обращение заводских старообрядцев в единоверие напрямую связано с деятельностью Миссии для обращения раскольников в Пермской епархии, учрежденной в 1828 г. Епископ Пермский Аркадий, уездный миссионер архимандрит Илья постоянно посещали Юго-Кнауфский завод, беседовали со старообрядцами. В 1833 г. к православной церкви, большей частью на правах единоверия, было присоединено около 900 человек. В заводе была поставлена единоверческая часовня, освящен единоверческий храм в ограде православной церкви³. Заводское население в

¹ Материалы для церковной летописи православного Свято-Троицкого храма и прихода в Югокнауфском заводе // Пермские епархиальные ведомости. 1886. С.279.

² Материалы для церковной летописи... С.279-285.

³ Материалы для церковной летописи... С.281-282.

большей степени, нежели крестьянское, зависело и от управляющих заводов, и от официальных властей, поэтому на заводских старообрядцев в первую очередь и была распространена миссионерская деятельность православной церкви. Использовались при этом и меры принуждения, в том числе аресты старообрядческих священников и наставников. Обращение старообрядцев в единоверие носило массовый характер именно в заводах.

Единоверческая церковь была построена и в Бымовском заводе, в конце XIX в. в приход православной Александро-Невской церкви входило 2959 человек, единоверческой Петропавловской церкви - около 2700 человек¹. Таким образом, к концу XIX в. значительная часть старообрядчества на заводах была обращена в единоверие. В XIX в. в заводах сохранялись и старообрядческие общины, преимущественно старообрядцев белокриницкого согласия.

Изменение конфессиональной ситуации наблюдается в советское время. Сторонники единоверия большей частью перешли в лоно православной церкви, значительно уменьшилась численность старообрядческих общин белокриницкого согласия, исчезли общины старообрядцев часовенных. Сегодня в с. Бым и с. Калинино действуют лишь приходы православной церкви, а в с. Калинино сохраняется только небольшая община старообрядцев белокриницкого согласия («австрийская вера»). В то же время и сегодня в православных храмах этих территорий можно встретить молящихся двуперстием, в прошлом единоверцев или старообрядцев. Современную ситуацию, которую отличает некоторая «дезориентированность» верующих, отражает следующий рассказ: «У нас умерла одна женщина, двадцать третьего года рожденья, окрещена была по австрийским канонам. А родственники не знали это, отпели её по православным канонам. А потом спохватились, когда старшие её сестры приехали: «Вы что делаете? Она у нас австрийской веры». Ну, раз начали отпевать по православным канонам, так и закончить пришлось. Весь обряд

¹ Сведения о церквях и приходах Пермской губернии (собрано Губернским Статистическим Комитетом в 1895 г.). Пермь, 1895. С.2-43.

совершили по православному, с православным батюшкой».

Поскольку «гнездом раскола в Осинском уезде»¹ признавался Юго-Осокинский завод, именно эта территория стала местом основания в 1890 г. Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского монастыря². Основание и активное развитие монастыря позволило ему стать одним из ведущих православных центров. Белогорский монастырь в конце XIX – нач. XX в. играл значительную роль в православной жизни округи: «Там хорошая гора была, богатая, но это давнее время-то, оно прошло. Сама Екатерина Вторая, говорили, ехала по той дороге на Белую Гору. Отец у меня туда ходил, ходили молиться с мамой, говеть. Неделю говели, там и жили целую неделю. Кормили их там, молились они. Там много монахов было. Народу туда много молиться ходило, все больше через Бым, на конях ездили, да ямчатая дорога была, не больно хорошая. Вскоре ее разорили, Белую Гору» (с. Калинино).

5. История и культура района по данным ономастики

Топонимика и антропонимика - неотъемлемая часть и языка, и культуры. Наделение именем места, «нетрадиционное» именование человека – это всегда факт творчества, способ одухотворить среду человеческого обитания, а также средство сохранить многовековую традицию. Топонимы – настоящая кладовая истории: они многое могут рассказать о ландшафтных особенностях местности, о том, когда, как и кем заселялись земли, какая история творилась на них, какими преданиями и легендами эти земли овеяны.

Многое может поведать нам о кунгурской земле ономастика города Кунгура и Кунгурского района. В комплексе она еще не была предметом отдельного рассмотрения. Замечания об особенностях

¹ Палладий. Обзорение Пермского раскола, так называемого «старообрядчества» СПб., 1863. С. 148.

² Библиографию об истории и современности монастыря см. в работе: Гладышев В., Кудрина А. Свет Белой Горы. Пермь, 2003. С.267-277.

топонимики, антропонимики юга Прикамья (в том числе и кунгурской земли) представлены в работах Е.Н. Поляковой по истории пермских фамилий и особенностям пермской географической лексики, Е.Н. Шумилова, А.С. Гантман-Кривошековой (многие из этих сведений учтены в настоящем сборнике)¹.

Образование кунгурской топонимии соотносится с общим процессом заселения Прикамья русскими и связанным с ним процессом формирования пермских говоров. Определено оно и особенностями освоения кунгурских земель. Как было описано выше, формирование кунгурских говоров проходило в ином иноязычном окружении и в другом диалектном составе. По «Церковной летописи города Кунгура», «до прибытия русских местность по рекам Сылвы и Ирени населяли татары и остяки. Последние жили здесь с древнейших времен, а татары – по крайней мере, с основания особого Казанского царства в XV веке... Сюда, на новые и привольные места, бросились из России люди предприимчивые, бежавшие или от крепостной неволи, или от малоземелья, неурожаев, налогов, притеснений воевод и дьяков и от всяких невзгод на родине (некоторые, быть может, и по религиозным причинам) и стали приобретать здесь земли и селиться на них»². Наибольшее количество семей приехало в кунгурские земли с Русского Севера, Верхней Камы, из Чердынского и Соликамского уездов. Однако в отличие от пермского севера сюда прибыло немало выходцев из Средней России.

Во время формирования кунгурских говоров в крае уже активно развивается торговля, налаживаются тесные связи с различными регионами России, что также стимулировало миграционные процессы. Наверное, поэтому кунгурские говоры, имея ту же северно-русскую основу, что и чердынские и соликамские, несколько отличаются от

¹ См.: Полякова Е.Н.. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005; Е.Н. Полякова. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007; Краткий топонимический словарь Пермского края / Сост. Е.Н. Шумилов. Пермь, 2005; А.С. Кривошекова-Гантман. Ономастика. Собр. соч. в 2-х тт. // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4. Т.2. Пермь, 2006.

² Цит. по книге: Е.Д. Золотов. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реновой. Кунгур, 2002. С.137–138.

них. Е.Н. Полякова¹ отмечает, что в кунгурских памятниках письменности встречается лексика, отличная от чердынской (*верхница*, *дубленник* ‘названия сарафанов’, *барма* ‘отделка сарафана’, *коклюшки* ‘кружева’ и др.), отсутствуют многие чердынские и соликамские слова (типа *позмог* ‘мера сыпучих тел’, *холуй* ‘старое имущество’, *отного* ‘рукав из озера’). Нередко чердынские слова приобретают на юге новые значения (так, если в Чердыни *мельней* называли баню, в Кунгуре же – избу, приспособленную для варки мыла). Особенности кунгурских говоров наложили отпечаток и на кунгурскую ономастику.

Особенности кунгурской ономастики

Севернорусское (новгородское, архангельско-вологодское) присутствие на кунгурских землях очевидно в современном речевом портрете этих территорий. Показательно, что в основе ряда кунгурских топонимов лежат именно архангельские, вологодские и новгородские лексемь². Например, название деревни *Вачегина* связано с арх., влгд., вят. словом *вачега* ‘рукавица, варежка’; название деревни *Мунежата* с арх. *мунега*, *муняга* ‘слабый, вялый, медлительный человек’. Современные обитатели района ещё помнят от своих родителей, что в здешние места приходили люди с разных территорий России. Так, жительница села Калинино Т.Н. Фофанова рассказывает: «Здесь раньше вообще населенного пункта как такового не было. Когда Осокино запланировали построить, привезли крепостных крестьян, потом из Московской, Архангельской, Новгородской областей – со всех мест набирали. И люди шли».

Среди кунгурских топонимов встречаются такие, которые напря-

¹ Подробно о формировании пермских говоров в Прикамье и групп говоров см.: Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. Вып. 1. С.4–30.

² Материал для описания кунгурских ойконимов извлечён из изданий: Кунгурский уезд. Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1909. С. 115; Осинский уезд. Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1908 (Бымовская, Юго-Кнауфская волости); Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1908 (Насадская, Сергинская, Крестовоздвиженская, Усть-Сылвенская, Троицкая волости).

мую указывают на место, откуда прибыл человек. Судя по спискам населенных мест начала XX в., география прибывших в Кунгурский уезд, действительно, была достаточно обширна. По названиям населенных пунктов можно утверждать, что в *Костроминском* проживали выходцы из Костромы, в *Кайгородово* – из Кай-городка (Вятка), в *Уфе* – из Уфы, в *Казанкино* – из Казани, в *Москове* – из Москвы. Именослов, встречаемый в «Кунгурских актах XVII в.»: солдат Ивашка Тамбовец, Матвей Лукиянов сын Сибиряк, Андрей Кондратьев сын Чердынцев, также рассказывает о кунгуряках – выходцах из различных мест.

Кунгурские говоры складывались в особом, иноязычном окружении. В более ранний период территория современного Кунгурского района была местом обитания финно-угорских народов. Как напоминание о проживании на этой земле народа коми отметим название деревни *Пермяки*. Особенно много среди кунгурской топонимики коми-пермяцких названий рек. Встречаются гидронимы с формантом коми языка *-ва* ‘вода’: *Сылва* – букв. ‘талая, незамерзающая вода’, *Шаква* – ‘грибная вода’ (по мнению А.С. Кривошековой-Гантман, возведение форманта *шак* к коми-перм. *тшак* ‘гриб’ не совсем удачно – более правильно объяснять данное слово через *шактар* ‘древесный сор, занесенный разливом рек’). Среди гидронимов финно-угорского происхождения можно назвать и реку *Юг* (*юг* – распространенный гидроформант финно-угорского происхождения со значением ‘река’). Название реки *Шурьш* (Бымовская волость) также восходит к финно-угорским корням: слово *шур* близко к финно-угорским названиям речки или болота; скорее всего, здесь, как и в топониме *Юмыш*, имеет место использование дофинно-угорского суффикса *-ыш* с уменьшительным значением (по аналогии с *Токтамыш*, *Чарыш*, *Сатыш* – в топонимике Восточной Сибири).

Поскольку в давние времена предки нынешних коми-пермяков занимали гораздо большую территорию, ряд названий населенных мест явно связан с фамилиями коми-пермяцкого происхождения. Так, в рукописи 1782 г. «О приписных и государственных крестьянах

Кунгурской округи» упоминаются крестьяне села Кыласово с фамилией *Палаошев*: *Василей Коз(ь)мин сын Палаошев* и *Иван Палаошев* (из коми *палаош* ‘дикий медведь’ – так могли назвать медведя-шапуна, из *палавны* ‘летать, носиться’ и *ош* – ‘медведь’¹); интересно отметить, что в Кыласовской волости Кунгурского уезда в Списках населенных мест 1909 г. значится деревня под названием *Палаошева*). На коми-пермяцкое присутствие в кунгурских землях указывают и другие топонимы-фамилии: д. *Гилева* – ср. коми-перм. звукоизобразительное *гиль-голь* о брякании, д. *Шмакова* – возможно, от коми-перм. *шмак* ‘округлая шишка’.

Необходимо отметить, что развитие кунгурских говоров в отличие от северных прикамских наречий определено не только контактами с коми-пермяками. На юге Прикамья особое значение приобретают тюркские языки (татарский, башкирский). Очевидно, определенное влияние оказывал и язык угров (остяков-хантов, черемисов-марийцев). По сравнению с самой Пермью Великой этнокультурная ситуация в крае первоначально не была спокойной. «Русским пришлось выдержать здесь долгую и трудную борьбу с прежними обладателями этих мест, татарами»². Таким образом, русские жили в прошлом на этих территориях достаточно изолированно – проникновений в русские говоры других языков, в отличие от северных районов, здесь было значительно меньше.

Кунгурские топонимы указывают на разнообразное этнокультурное окружение русских в Сылвенско-Иренском поречье. По названиям населенных пунктов Кунгурского уезда *Карагай* и *Катаева* можно предполагать, что некогда здесь жили башкирские племена *катай* и *карагай*. Кунгурские материалы хорошо иллюстрируют воздействие тюркской этнотопонимики на русскую. Село *Усть-Турка*, расположенное в устье реки *Турки*, содержит указание на башкирский род *Тор*. Предположительно, рекой рода *Тор* когда-то была и

¹ Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С.279.

² Золотов Е.Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реневой, Кунгур, 2002. С.138.

река *Троельга*, первоначально произносившаяся как *Тор-ельга*¹. Топоним *Хазаринский хутор* указывает на принадлежность этой земли потомку *хазар* («*Хазаром был хозяин, вот, значит, и хазаринский хутор. Он этим местом-то раньше владел, так оно и осталось*» – с. Насадка). Версий происхождения слова *хазар* (так назывались представители древней империи-царства Хазария, которая исчезла еще в X в.) немало: либо от слова *кара* ‘черный’, либо из сочетания *хаз* (*каз*) ‘гора’ и *ар* ‘арий’, то есть «горец-арий». Тюркская тема представлена и в названии реки *Татарка* (окрестности д. Спиричи Шадейской волости).

О связи края с тюркскими народами говорит главный топоним исследуемой территории – *Кунгур*. Существует множество этимологических интерпретаций этого слова (что само по себе показательное – этимологические интерпретации названий крупных географических объектов всегда предположительны). В основном исследователи сводят данный топоним к тюркским корням. Одни связывают ойконим *Кунгур* с тюркским названием притока Ирени *Кунгурка*, местом первого основания города-острога². Считается, что свое название речка получила по качеству воды: *конгыр* по-татарски ‘бурый, смуглый’ (в первой четверти XX в. известный краевед Е.Д. Золотов писал: «Вода в реке Кунгурке темная и на вкус неприятна; крестьяне воду этой реки не пьют»³). Другие же исследователи название города определяют современным местом его нахождения. Кунгур, как известно, расположен на карстовых пустотах, это город пещер. Отсюда и версия о связи названия с татарским *кун*, *кунак* ‘ночевать’, ‘иметь ночлег’ и *гара* ‘пещера’, т.е. буквально ‘ночлег в пещере’ (первоначальное название возможно как «Кун-гара»⁴). Свою трактовку этимологии названия города дает и Г.П. Чернышев. По его версии, название *Кунгур*

¹ Краткий топонимический словарь Пермского края / Сост. Е.Н. Шумилов. Пермь, 2005. С.61.

² Шишонко В.Н. Пермская летопись. Т. 2. Пермь, 1881–1889. С.253.

³ Золотов Е.Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реневой, Кунгур, 2002. С.138.

⁴ Семенов В.Л. Сказки и предания кунгурских гор; Шишонко В.Н. Пермская летопись. Т. 2. Пермь, 1881–1889.

придумали остяки, угорские народы, сравнивая местность, на которой расположился город, с меховым мешком или меховой горой.

Известный специалист по топонимии Урала А.К. Матвеев полагает, что слово *Кунгур* указывает на половцев и, следовательно, происходит из языка этого народа: *конгур* ‘рыжеватый’ (одно из значений татарского слова *конгыр*, казахского *конгыр*, *конгур* ‘русый’). Кыпчаки, к которым относятся и половцы, по ряду источников были голубоглазыми и светловолосыми¹. Ф. Ислаев и Э.М. Мурзаев возводят название города к печенегскому племени *канглы*, Т. Мирсаитов – к названию ногайского рода *камгурт*.

По недавнему исследованию Ш. Хайдарова, название *Кунгур* говорит о связи с более древними пластами культур – с иранскими цивилизациями. В своей книге «Следы арийской цивилизации в Прикамье» исследователь приводит множество созвучных топонимов Средней Азии: *Кунгур* в Самарканде и Булунгуре, *Кунгурдак* – в Ташкенте, Янгиюле, *Кунгурбай* – в Самарканде и Зоомине, *Байкунгур* – в Янги-Кургане. В древних и средневековых толковых словарях и письменных памятниках ираноязычных народов, в том числе таджиков и персов, слово это обозначает ‘зубец стены, купола, ограды’, ‘зубец, выступ’. Ш.Хайдаров склоняется к тому, что наиболее подходящие для Кунгура мотивировки – это значения ‘зубец’, ‘выступ’ (в Пермском крае, в Чердынском районе, на берегу реки Покчи, известна гора Кунгур; на местах, где строился Кунгур, тоже есть горы)².

Так или иначе, татаро-башкирская среда в междуречье Ирени и Сылвы определила доминирующее положение тюркизмов в топонимической системе кунгуряков. Во многих кунгурских ойконимах можно легко найти тюркский именослов. В названии населенного пункта *Бекени* сокрыто имя *Бек* (из тюрк. ‘крепкий, могучий’), в *Кинделино* – имя или прозвище *Кинделя* (от тюрк. *kīndān* ‘последний’),

¹ Матвеев А.К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987.

² Хайдаров Ш., Одегов В. Следы арийской цивилизации в Прикамье. Пермь, 2006. С.54.

в *Кыласово* – прозвище *Кылыс* (от тюрк. *кылыс*, *кылыч* ‘меч, сабля’, ‘побеждающий’), в *Малое Нагаево* – имя *Нагай* (из тюрк.-монг. *похай* ‘собака’, ср. также название башкирского племени *ногаи*), в *Саркаево* – имя *Саркай* (возможно, от *соркай* ‘желтая глина’ или ‘светлая девушка’), в *Тура* имя или прозвище *Турай* (в памятниках Прикамья встречается мужское имя *Турайко*). В названиях населенных пунктов *Шувалки* сокрыто имя или прозвище *Шувал* (из тюркского имени *Шавваль* – от названия десятого месяца мусульманского лунного года либо в связи с ногайским *шувал* ‘куль, кулек’), в названии *Якиши* и *Якишовитова* – имя или прозвище *Якиши* (от тюрк. *якиши* – ‘ладно, хорошо’, башк. ‘хороший, приятный, добрый’). В названии д. *Урасова* (по «Кунгурским актам XVII в.» – д. *Уразова*) содержится указание на фамилию Уразов, от тюркского прозвища *Ураз* ‘счастливый’.

Прочно тюркские корни закрепились и в кунгурском ономастике, в именах и фамилиях людей. На территории Кунгура и Кунгурского района чрезвычайно распространены фамилии Балчуговы, Болотовы, Салтыковы – все они образованы от тюркских имен и прозвищ (*Балчугов* – от прозвища *Балчук*, *Балчуг* – из татарского *балчук* ‘базар, рыбный рынок’; *Болотов* – от тюркского имени *Болат*, *Булат* – из слова *bulat* ‘клинок, сталь’; *Салтыков* – от некалендарного имени или прозвища *Салтык* – из тюркизма *салтык* ‘хромой, некрепкий на ноги’). Подобные фамилии упоминаются в кунгурских памятниках письменности XVII в.

Более древними, конечно, являются названия рек. Многие из них имеют субстратный характер, соотносятся с тюркской нарицательной лексикой. Так, река *Ирень*, место проживания иренских татар, получила свое название по аналогии со скисшим молоком (слово близко к тат. *айран*, *айрян*, *арьян* ‘напиток из кислого молока’). Река *Каразельга* может быть переведена с татарского как ‘река, в которой много карасей’ (из тат. *kārākā* ‘карась’ и *елга* ‘река’). Скорее всего, тюркское происхождение имеет и река *Бабка*.

Ещё в начале XX в. в Насадской волости существовала деревня *Ошмарина* – судя по названию, в ней проживали представители ма-

рийского народа (частотная в Прикамье фамилия *Ошмарин* образована из этнонима марийцев *ошмара*).

При всем этнокультурном и языковом многообразии кунгурских говоров в них можно предположительно выделить несколько этнокультурных зон. В северных территориях Кунгурского района (Зарубинском, Насадском, Сергинском поселениях) более очевидно влияние северных русских говоров и коми языка. Именно в этой части фиксируется наибольшее количество коми-пермяцких по происхождению топонимов, вместо традиционного уральского *чо* 'что' отмечается шепелявое *с'о*.

О присутствии народов коми ещё помнят старожилы северных деревень Кунгурского района: «Приезжие – они были из Коми-пермяцкого округа, Улыбыно, это тоже их округ. Тут зыряне были приезжие. Я помню, мне мать рассказывала, говорила, что зыряне раньше тут были. Даже ругались на кого-то: «Ты – зырянин!» Я в школе учился, на лошадях ездил и неловко копну подвалил, не угодил одной колхознице. Она на меня как вроде ругаться: «Ты – зырянин!» Я потом и спрашиваю у мамы: «Почему это я зырянин?» Она рассказала, что вот один приехал сюда. Сделал плот, шалаш и поплыл на большие земли. Ночью, говорит, плывет, а потом слышит: «Эй, – говорит, – дядька, проснись». Выскочил к берегу, примотал свой плот, тут и остался» (с. Насадка, зап. от К.К. Кашина).

В южных зонах Кунгурского района (в особенности Бырминском, Ергачинском, Кыласовском, Троельжанском, Усть-Туркском поселениях) более заметно влияние на русскую речь тюркской языковой среды.

В западных территориях (Юго-Кнауфской и Бымовской волостях) также отмечаются диалектные отличия и вариативность традиций. Культурная самоидентификация проявляется, например, в противопоставлении собственно кунгурским обычаям своей музыкальной традиции: «Склад был колхозный, мы у этого склада все и вечеровали. У нас бабака была одна, ак она нам все на балалайке играла – парижанку юго-осокинску да кадрили. Кадриль тоже юго-осокинска,

не кунгурска» (с. Бым).

Формирование кунгурских говоров под значительным влиянием ряда неславянских языков (коми-пермяцкого, удмуртского, татарского, башкирского, возможно, также мансийского и хантыйского) наглядно проявилось и в именнике местных фамилий. Так, упоминаемые в «Кунгурских актах XVII века (1668–1669 гг.)»¹ фамилии напрямую свидетельствуют об отнесенности предков кунгуряков к зафиксированным в антропонимах именам народностей: *Зырянов, Мордвинов, Калмаков, Пермяков, Чудских, Черемисинов*.

Ещё одно обстоятельство, повлиявшее на характер местной речи, – большой приток в кунгурские земли старообрядческого населения. В конце XIX в. Кунгурском уезде проживало только по официальным данным (достоверность их относительна – приверженцы старой веры не всегда афишировали своих конфессиональных воззрений) более пяти тысяч человек. По данным 1908 г старообрядцев в крае насчитывалось уже более тридцати тысяч² (33244 человека, в 298 селениях из 6482 дворов, при этом 16346 мужчин и 16898 женщин – почти 25 % от всего кунгурского населения). Память о распространённости на территории Прикамья старой веры хранит название одной из деревень Насадской волости – д. *Староверова*.

Другая особенность кунгурской топонимической лексики – частотные наименования сёл по названиям православных церквей. В начале XX в. здесь были сёла Рождественское, Филипповское, Крестовоздвиженское. Вообще об активности освоения этой части Прикамья говорит тот факт, что более 90 % кунгурских топонимов – это русские по происхождению слова.

Наиболее заметный пласт кунгурских ойконимов – отантропонимические названия – от фамилий и имен человека. Называя место своим именем, человек обозначал принадлежность этих земель себе: «От старых людей слышала, здесь вообще не было никакого дома, один лес. Хозяин придет, место очистит, избу поставит, вот и дерев-

¹ Кунгурские акты XVII века (1668–1699). СПб., 1888.

² Список населенных мест Пермской губернии Кунгурского уезда. Пермь, 1909.

ня пошла» (д. Дикари); «Заурчиха – тут жил на берегу единоличным хозяйством, Заур его звали» (с. Юговское); «Я как родилась в Любишах, так вот был какот Любим - на одно окошко жил дом-то. Вот от него-то Любиши и пошли» (с. Зарубино).

Поскольку расселение было связано с единоличным владением землёй, в начале XX в. многие названия населенных пунктов представляют собой фамилии в именительном падеже на -ов, -ев, -ин: *Демидов, Ефремов, Ермаков, Лецев, Кобелев, Вальнев, Паклин, Согрин, Сорокин, Ярушин* (с пропуском слов *хутор, выселок*). Многие названия, как и на севере (Юрла, Красновишерск) представляли собой фамилии в форме родительного падежа, обозначая «основного» жителя: д. *Грехова*, д. *Горбунова*, д. *Мыльниковова*, д. *Пономарева*, д. *Гилева*, д. *Палаошева*, д. *Лягушина*, д. *Разетина*, д. *Расцеперина*. «Называли место такого-то – такое-то место по фамилии. Чупкин был, и значит, была деревня Чупкина» (зап. в с. Юговское). К нашему времени эти топонимы преобразовались в топониминации другой модели на -ово, -ево, -ино (д. *Елкина*, *Зарубина*, *Мартынова*, *Плеханова*, *Парашина*, *Шубина* называются сейчас *Елкино*, *Зарубино*, *Мартыново*, *Плеханово*, *Парашино*, *Шубино*).

Основу многих кунгурских топонимов составляют фамилии, образованные от русских имён. В названиях деревень *Андроново*, *Родионово*, *Дейково* отражены имена Андрон, Родион, Дейко (нецерковное мужское имя Дей, Деян – от греч. *Дей* бог). Широко были распространены в прошлом некалендарные имена и прозвища, которые часто использовались как основа для формирования фамилий и названий населенных мест. Например, д. *Полетаево* связана с фамилией *Полетаев* из некалендарного имени или прозвища *Полетай* (могло быть дано бойкому человеку); д. *Баженово* – с фамилией *Баженов* (в основе топонима – некалендарное имя или прозвище *Бажен* – ‘тот, кого долго ждали, долгожданный ребенок’, ср. в ср.-урал. говорах *бажить* ‘предсказывать’).

В основе кунгурского ономастикона (анализ проведен с учетом данных «Словаря пермских фамилий» Е.Н. Поляковой, «Словаря

пермских говоров»¹) встречаются общерусские и диалектные слова, нейтральные и эмоционально окрашенные (насмешливые, одобрительные, уничижительные и даже бранные). Очень часты имена и фамилии с уличными прозвищами, например, по внешним характеристикам. Название *Худышин* могло быть связано с прозвищем *Худыша*, *Мамонова* – со старым *мамон* ‘большой живот’, д. *Короли* названа от слова *короли* (диалектная оценка красивых, видных людей), д. *Жаркова* – от прозвища *Жаркий* ‘румяный или с рыжими волосами’; д. *Кужлева* – от прилагательного *кужлявый* ‘человек с кудрявыми волосами’. Топонимы нередко соотносятся с прозвищами, указывающими на физические недостатки человека, отсюда деревни и выселки *Безпалов*, *Шестипалов*, *Карнаухов*, *Колчин* (*колча* ‘хромой’), *Плеханово*, *Плешково* (*плехан* ‘плешивый’), *Кособаново* (*кособан* – перм. ‘косой человек’), *Горбуново*, *Зарубино* (*заруба* ‘человек со шрамом’), *Вишкова*, *Першин* (*перша* ‘перхоть’) и др. В названиях деревень *Рюпасова*, *Мулькова* лежат пермские лексемы, указывающие на неопрятных людей: *рюпа* – ‘грязнуля’, *муля* – ‘небрежно, грязно одетый, лохматый человек’.

Человек часто получал прозвище по своему характеру, отсюда и названия типа *Самковский* – из *самкать* ‘брать на себя лишнее, ставить всюду себя первым и главным’, д. *Жилино* – из *жила*, в говорах ‘упрямщик, спорщик’. Отпрозвищные топонимы - выселок *Суворовский*, из *суворы* ‘сердитые, замкнутые люди’, д. *Кондакова* - из *кондаки*, возможно, из названия певчего в церкви, д. *Чивирята* (сегодня д. Чувырята) – ср. диалектное *чиверга* о торопливом, суетливом, д. *Зуята* от *зуй* ‘озорной, задиристый’.

Нестандартное поведение человека в обществе также получало оценку и закреплялось в прозвищах, а через них попадало в топонимы. «Видно много жило диких, вот деревню и назвали Дикари» (Корсакова М.Л., 1928 г.). Была в Сергинской волости д. *Шишата* – вероятно, из *шиши* ‘шатуны, бродяги, воры’; *шишей* не почитали и говорили о них: «*Шиша да Агаша, третья Параша*». В названии

¹ Словарь пермских говоров. В 2 тт. Пермь, 2000–2002.

д. *Шатово* закреплена характеристика людей, которые *шатаются*, т.е. слоняются без дела (на севере Прикамья *шиши* – одно из названий нечистого духа). Сходные семантические мотивировки получили и названия деревень *Кулики*, *Ярыгина*, они, возможно, произошли от диалектных слов *кулик* – переносное значение ‘пьяница, пропойный человек’; ‘глупый, простоватый человек’; *ярыга*, *ярыжка* – ‘пьяница, шатун, мошенник’.

В некоторых случаях определяющими в характеристике человека становились особенности речи, манера говорить. Оценивающая лексика *ватлать* – ‘болтать’, *шавкать* – ‘говорить как беззубый’, *харчить* – ‘хрипеть, говорить хрипло’ легла в основу прозвищ *ватлаш*, *шавкун*, *харчун*, а затем в основу фамилий и названий кунгурских деревень *Ватлашева*, *Шавкуново*, *Харчуны*. Деревня *Гамово*, вероятно, связана с мск., кстр. *гамить*, влг. *гаметь*, нвг. прм. *гаманить* ‘говорить громко, шумно’, *гам* ‘шум’.

Многие отпрозвищные названия деревень указывают на интеллектуальные способности человека: д. *Грамотеева*, д. *Скородум*, д. *Телепеньки* (*телепень* ‘болван, повеса’), д. *Долдилы* (*долдон* ‘тупомный, дурак’), д. *Пестерев* (*Пестерь* – прозвище неуклюжего, глупого, бестолкового человека - из уральского *пестерь* ‘плетеная корзина, которую носили на спине’). В Сергинском поселении до сих пор существует д. *Дураково*. Большинство её жителей носит фамилию *Дураков* – такие неблагозвучные образования возникали в силу использования в прошлом слов типа *дурак* в качестве неофициального имени. Оно, как и другие «дурацкие» фамилии (типа *Дурасов*, *Дурнин*, *Дурнов*, *Дуров*, *Дурыгин*, *Дурылин*, *Дурындин*, *Дурышкин*) вовсе не указывало на отсутствие интеллекта, глупость носителя имени. В прошлом это было довольно распространенное русское нецерковное имя, которое ребенку давали как оберег, чтобы отбить у нечистой силы желание подступиться к человеку с приписанной ему иррациональностью.

Большое количество названий населенных мест в Кунгурском районе восходит к прозвищам, данным по сходству с животными

(д. *Барановка*), птицами (д. *Гусево*, д. *Стерлягово*), насекомыми (д. *Комарово*, д. *Пауты* – ранее д. *Паутов*), растениями (д. *Елкино*, д. *Липово*, д. *Черемухово*, д. *Камышово*). Людей сравнивали и с предметами быта (д. *Хомутова*), одеждой (д. *Шубина*, д. *Колпаков*). Распространено в кунгурских говорах название человека по его профессии, роду занятий: «У нас есть *Ванька-гармонист*, играет на *гармошке*, есть опять *Мария-швея*» (с. Юговское). Соответственно топоним мог опосредованно указывать на место его обитания, ср.: «Там жил тоже художник, который рисовал, ремесленник. Богомазом называли. Дак это место и называется *Богомаз*. Сейчас там только лес, больше ничего» (с. Калинино). В 1909 г. зафиксированы деревни *Мясникова*, *Пономарева*, д. *Пирожниково*, д. *Токари*, д. *Токарева*, д. *Кузнецы*, д. *Большой Дровосек*, д. *Малый Дровосек* и др. В этих топонимах упоминаются профессиональные занятия предков современных кунгуряков.

Об особенностях кунгурской антропонимики стоит сказать отдельно. Старая традиция наделять человека прозвищем не исчезла, составляет современный речевой портрет жителей Кунгурского района. Помимо официальных имен в народе чрезвычайно распространены неофициальные: «Есть у нас *Шура Коляйкина*, может, от *Николая так зовут*» (с. Юговское); «Есть у нас *Мария-Кастрюля*, *Ванька-Корзина*, а почему так зовут - не знаю» (д. Парашино); «Тут у нас есть *Гусь*, *Калина*, есть *Рогалята*» (с. Троицк). Как правило, неофициальные имена возникали по какому-либо сходству человека с животными, предметами или явлениями, возможно, некоторые из них имеют отношение к родовым прозвищам, которых немало и в Северном Прикамье. Прозвищные имена наглядно позволяют представлять человека в необычном, не совсем нетрадиционном виде (напр., *Боря-уточка* - Насадка). Прозвища могли даваться жителям целых деревень. Так, всех жителей, проживающих на реке *Сырая*, было принято называть *сырыми*: «Тут была речка Сырая. Многоazole деревень было: Староверово, Татарово, Мостовая, а речка везде Сырая. Так всех и звали сырыми, все были сыринские» (с. Насадка,

зап. от А.М. Чувызгалова).

Прозвища составляют целую семейную традицию, нередко даже передаются по наследству, от отца детям. В Кунгурском районе зафиксированы интересные случаи двойной фамилии. Так, в с. Бым была записана история появления у носителей фамилии *Теренин* дополнительной отпрозвищной фамилии *Крапивины*: «У деда было прозвище. Дедушка-то у нас красил крыши. Жили очень хорошо, богато. Идет в магазин-от, кренделей купит, идёт, ну, подвыпьёт и говорит: «Ох, сёдня житьё-то – малина». На другой день голова-то болит, денег-то, видно, мало, он опять идет и говорит: «Сегодня житьё-то – крапива». Прозвали нас из-за поговорки Крапивины. Малиной не прозвали! А сейчас-то уж забыли, а раньше всё Крапивины звали. Ничего не сделаешь. Нет чтобы Малина назвали - нет, Крапива». Крапива и малина одинаково были учтены при выборе клички как соотнесенные друг с другом в народной культуре символ привольной жизни в удовольствии и символ неудачи.

Другой курьёзный случай появления двойной фамилии связан с укорененностью родовой клички и её закреплением вместо официальной: «Отец был Мишуриной по фамилии, брат тоже. А самый младший брат пошел на войну, его там спрашивают, кто, он растерялся и записался по прозвищу – Карелин. Карелами звали их потому что. У нас на Пригоне всех по прозвищам звали» (с. Калинино). Прозвище, возможно, косвенно указывает на появление в крае в прошлом таких представителей финноугров, как карелы.

Особое место в топонимике Кунгурского района занимает заводская тематика. Село Калинино возникло при медеплавильном заводе, который был основан в 1732 г. Осокиными на реке Юг. Образование завода послужило причиной появления на пермской карте еще одного населенного пункта - *Юговской завод*. Поскольку название совпало с названием еще одного завода, который находился в той же волости, в селе Юговском, вскоре завод и село вместо Юговской завод стали называть *Завод Осокиных на Югу*. Название было неудобно для произношения, постепенно видоизменилось в *Юго-Осокинский*

завод, под таким названием село просуществовало до 1801 г. – до появления у завода нового владельца, московского купца, немца по происхождению, Андрея Андреевича Кнауфа. Новое название звучало как *Юго-Кнауфский завод*. В феврале 1915 г., в войну с Германией, селу вновь было возвращено прежнее наименование, в июне 1952 г. Юго-Осокино получило современное название в честь «всесоюзного старосты» М.И. Калинина. Вообще появление идеологических наименований на кунгурской земле тоже своего рода традиция. В топонимике вошли некоторые имена советских деятелей, названия советских реалий, событий и процессов. В Насадском поселении Кунгурского района появился поселок Ильича, по одной из версий, имя Ленина носит и село *Ленск*, известное с 1651 г. как деревня Степаново городище, затем, по местной церкви, как село Предтеченское (по другой версии, свое последнее название село получило в ноябре 1922 г. в память о Ленском расстреле)¹. С советским нововведением – образованием колхозов, на карте Кунгурского района появились и другие советизмы, сохраняемые в речи пожилых и по сей день: «Там Стахановец место называется, там завод «Звезда» у магазина, там Болдановско и Корягинско – раньше так назывались части деревни Бым. «Стахановец» – это колхоз был. Там «Звезда» был колхоз, вот она так и называется» (с. Бым); «Наверно, все эти местности по деревням называются. *Стахановский лог*, там и деревня была *Стаханово*» (с. Насадка)².

Универсальная модель, в том числе и в Прикамье, название населенного пункта по особенностям ландшафта, природным и географическим характеристикам местности. Многие топонимы Кунгурского района представляют собой апеллятивные слова - географические термины: д. *Ключ*, д. *Осиновое Озеро*, д. *Сухая Речка*, д. *Красный берег*, д. *Большое Поле*, д. *Брод*, д. *Крутики*, д. *Гора*, д. *Белая гора*, д. *Бабина Гора*, д. *Каменка*. Некоторые из них на-

¹ Краткий топонимический словарь Пермского края / Сост. Е.Н. Шумилов. Пермь, 2005. С.34.

² Краткий топонимический словарь Пермского края / Сост. Е.Н. Шумилов. Пермь, 2005. С.55.

прямую указывают на месторасположение населенного пункта: д. *Зарека* находится за рекой, д. *Подлиповка* находится под деревней *Липовкой*, д. *Подъельничная* и д. *Подъельник* – в непосредственной близости от елового леса, д. *Забор* – за бором, д. *Большое Заозерье* – за озером, *Закурья* – за курьей (так раньше называли старое русло реки).

Традиционным местом русских являлось расположение поселений возле водоемов, рек и озер. Ойконимы, совпадающие с названиями водоемов, высокочастотны (в том числе и имеющие финно-угорские и тюркские корни). Д. *Усть-Шаква* (ныне д. *Шаква*) располагается на реке *Шаква*, с. *Юговское* находится на реке *Юг*. Название д. *Юмыш* восходит к коми гидрониму *Юмыш*, д. *Заиренская слободка* (ныне часть города Кунгура, микрорайон *Заирень*) к тюркскому гидрониму *Ирень*, названия деревень *Бабкинская*, *Забабкинская* мотивировано названием реки *Бабка*. Село *Троельга* получило свое название по реке *Троельга* (тюрк.), с. *Бым* по названию реки *Бым* (от тюркского названия болотистой, низинной местности).

Реже река получает название по населенному пункту. Название села *Серга* (оно связывается с именем первожителя Сергея, а в рассказах истово верующих нередко и с именем святого *Сергия Радонежского*) учтено в названии безымянной речки *Сергинки*, впадающей в реку *Сылва* у села. Зафиксированы в кунгурской топонимии такие языковые наложения, как д. *Северное* и река *Северная*, д. *Разсольная*, д. *Верх-Разсольная* и река *Разсольная*. Крупные реки сохраняют субстратные названия (*Сылва*, *Шаква*, *Ирень*), реки меньшего масштаба имеют русское происхождение.

Особенности кунгурской микротопонимики.

Кунгурская микротопонимика (названия полей, лесов, гор, оврагов) строится по тем же языковым моделям, что и макротопонимика. Её базой становятся антропонимы, названия населенных пунктов, названия географических и природных объектов. Языковое творчество в этой сфере также разнообразно.

Очень часто поля, леса, горы, озера, другие объекты природы получали свои названия по имени человека, который проживал в этом месте или вел здесь свою хозяйственную деятельность. «Есть поле Мишки - по имени кто там работал» (с. Юговское); «Есть Еремина роща, Романов лес, Ереминска гора»; «Много Греховых было. Греховский лог, наверно, по имению» (с. Троицк); «В Могилево еще Петькино болото. Петя Пищальников недалеко живет, рыбачит. Петькина яма тоже там. Там ставят морды, там гольцов ловят, это маленькие рыбки гольцы, они как голенькие, у них чешуи-то нет, как голявки»; «Чудиновка – это яма. Я вот не знаю, почему Чудиновская яма. Кто-то жили, наверно, тут. Мы вот в Кондаково жили, у нас озеро звали Филиппино озеро. Как будто оно наше. Я Филипповна, отец-то – Филипп. Почему так звали, не знаю. И Валя Марынова, у них тоже озеро, ак у них – Яшино озеро» (с. Насадка). Некоторые микротопонимы основаны не только на мужских, но и женских именах или прозвищах: «Покос Колобиха. Баба одна всё колобы пекла – как блин делают из гороховой муки и из хлеба и сбивают, тесто пышное. Как оладьи пекут эти колобы гороховые. Вот и Колобиха. И покос по ей, не по мужу» (с. Калинино); «Степкино поле – чья земля или лес, так клинья и называли. И Трофимковы поля» (с. Юговское).

Некоторые названия представляют собой указания на соседние ориентиры, связанные с именем человека, например, в с. Насадка есть поле «*За Марфой*» («В Выселки пошли по грибы. За Марфой поле, старушка жила, как я. Так поле «За Марфой» и есть»). Очень часто ландшафтные объекты называются по населенным пунктам, которые когда-то там стояли: «Наверно, все эти местности по деревням называются. Стахановский лог, там раньше деревня была Стаханово», «Местность называется Гореново – поля Гореновы. Там в Пентягино и поле Пентягинско», «Воробьи, поле Воробьевско и лес Воробьи. Здесь поля Таборские, деревня Таборска, вот и поля Таборские. Ерыкаловские поля – деревня Ерыкалово, её нету уже» (Насадка); «Троицка церковь была. И вот Троицка мельница была

у нас. Раньше был у нас Посад, Старый Посад. И Гора Троицкая» (с. Троицк).

Некоторые микротопонимы представляют собой ориентиры на близлежащие населенные пункты или строительные объекты: «Поле называлось «Около Черновых», «Около Симевых» – около какой деревушки» (д. Заспалово); «За церковью поле, так и называется «За церковью» (с. Троицк); «Приферменский овраг, потому что при ферме» (с. Юговское). Иногда природные объекты просто получали название по счету: «Поля назывались по номерам: первое поле, второе поле, девятое поле» (д. Заспалово).

В кунгурской микротопонимике, как и в прикамской в целом, хорошо отражен рельеф местности, для названий просто используется лексика природы: «По грибы сюда, так на Ельник ходим» (с. Насадка), «У нас есть в Нагорном Березник – березовый лес» (г. Кунгур), «За Рябиновкой Гари были, лес там густой, как тайга была» (д. Плешково), «Гора просто называю, вон парни с Горы идут» (с. Юговское); «Это Мыс называются, который копают, место-то» (с. Бым); «Раньше все молодежь на Угор ходила, над рекой собирались» (д. Щеглы), «Косить ходили на Рёлку, там у нас место было» (д. Парашино). Традиционное название пастбища у кунгуряков – *поскотина*, место для сенокоса – *покос*. Зафиксированы среди географических терминов: *урочище* ‘местность, выделяемая среди окружающего ландшафта естественными границами’, *межа* ‘граница земельных участков, часто поросшая травой’, *куличка* от *кулига* («Нет такого места на земле, нет такой кулички, чтоб без названия было. Вся земля распределена, значит» - Насадка), *загороды* («Вот, покосы, загороды значит. Значит, площадь огорожена, а там Филькина загорода, а здесь, значит, Осипова загорода» - Насадка), *извоз* («Косой извоз поле-то называлось, и так все остальные загороды», с. Насадка), *ветродон* («Мельница была ветряная, поле возле нее такое неветренное, поле-то, всякие болота тут, ямы. На ветродоне называются место» - Насадка).

Географические названия содержат указания на внешние приметы выделенных природных объектов. Это может быть цвет (*Синья*

гора, Красный лог – назван по красной глине), размер в вышину и длину (*Большое озеро, Долга гора, Востра гора, Крутая гора, Крутой лог, Крутая яма, Высокое поле*), форма (*Кругло поле*), поверхность (*Гладкое поле*), характер почвы (*Сырая гора*), указание на флору и фауну (*Медвежья гора, Лисья гора, Липова гора, Березова роща*), на климатические особенности (*Ледяная гора, Теплая гора* – на Теплой горе скорей всего снег растаивал весной в первую очередь). Нередко смыслы микротопонимов неясны – в силу того, что в их основе лежит устаревшая к нашему времени лексика. Таково название глухого необжитого места *Муринка* (между Белой горой и с. Калинино), с которым связываются и некоторые мифологические смыслы: «У нас раньше здесь школы не было, нас возили в Калинино в интернат. И между Белой горой и Калинином жила бабка одна, место называется Муринка. Считалась она колдуньей: и на метле летает, и в головешку превращается, в чё хошь. Дак тракторист Ваня Коноплев сказывал - он едет, к Муринке-то подъезжает, чувствует: кто-то ему в спину смотрит. Повернется – никого нету. И понять-то не может. Быстрее этот дом проехал, но чувствует: взгляд такой, чуть не жжет» (д. Белая гора). Слово *Муринка*, скорее всего, связано со старым названием травы *мур* (откуда *мурина* травяная поляна – слово часто встречается как в топонимике, так и в антропонимике восточных славян).

Микротопонимы могут передавать те или иные характеристики образно: большое поле названо *Аэродромом*, крутая гора *Взвозом* (в прямом значении слово *взвоз* используется в говорах как название специального крутого настила при доме для подъема с возом на сеновал: «*Взвоз дак, то ли раньше возили че-то, эта ведь дорога в Кунгур дак. На лошадях тоже катались там*» - Калинино). Некоторые названия указывают на местонахождение рядом с ними природных объектов: «Тут Подосиновое поле, рядом осинник, Ельничные поля, Ельники называются, рядом ельник» (с. Насадка), «За ключом поле, так и называется «За ключом» (с. Троицк); «Там у нас Вверх-Пруда есть» (с. Калинино).

Распространенность географических терминов типа *гари*, *мыс*, *угор*, *рёлка*, *поскотина* здесь так же частотна, как и в чердынских и соликамских говорах. Совпадают и обозначения возвышенностей словом *камень* (в Кунгурском районе *Стас-камень*, *Ермак-камень*, *Дядя Ваня-камень*, в Чердынском *Бурундук-камень*, *Боец-камень*, *Камень Еран*, в Усолье *Володя-камень*). То же можно сказать о использовании в качестве географической лексики заимствований из финно-угорских и тюркских языков. В Тихановском, Филипповском поселениях, как и вообще в Прикамье, зафиксировано слова *согра* ‘сырой, болотистый участок леса или лес (преимущественно хвойный)’: «Тогда и на согре косили. А ноне лико чё, не косят» (с. Тихановка); «У нас тут есть Ереминска гора и Согра поле» (с. Троицк); «В стороне от деревни согра – водянистое место, трава, ёлки» (с. Филипповка.), тюркской по происхождению лексемы *урман* ‘лес’ (в форме юрман: «Там Юрман. Тарыханово через мост, через Юрман» - Насадка).

Однако необходимо отметить, что словарь географических названий южных районов Прикамья всё же несколько отличается от лексикона северных говоров. Как заметила Е.Н. Полякова¹, на севере ручеек, выходящий из земли, называют обычно *родником*, в этом же значении в Кунгурском районе употребляется исключительно термин *ключ* (ср. д. *Ключ* в Бырминском поселении). Особенностью можно назвать использование географического термина *толок* (также в форме *толока*) ‘выгон, на котором пасется скот’: «Лес Романово и Романовско толоко и Подавихинска толока была» (с. Троицк); «Чистое место, поляна, называется по старинке толокой» (с. Филипповка). Слово родственно глаголу *толочь*, восходящего к праславянскому *tolkti* (из индоевропейского *telek / telk* ‘толочь, толкать, разбивать’), фиксируется также в Октябрьском, Ординском, Суксунском районах². Слово *клин* используется в Кунгурском районе не только в значении ‘лес или поле, принадлежавшее кому-либо’, а также в зна-

¹ Полякова Е.Н. Из топонимики Пермской области // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 49–55.

² Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. С. 371–372.

чении ‘гора, крутой склон, используемый как земельный или хозяйственный надел’ («Гора у нас на Бырму подыматся от Юговского – Двадцатый клин, Тринадцатый, Оськин клин. Чья земля или лес, так клинья и называли. Трофимковы поля» - Юговское). Специфически местным образованием, закрепленным в микротопонимике с. Калинино, является слово-тюркизм *сулак*. Ряд улиц села, низинной его части называется *сулаки*: «Наша улица это Сулаки, Первый, Второй, Третий Сулак, а сейчас наша улица Свердлова, там Рябова». Слово в тюркских языках имеет значение ‘болотистый’, оно широко применяется как топоним и гидроним на Кавказе и в Сибири.

Образный пласт географических названий нередко содержит рефлексы архаического очеловечивания природы, перенос на неё человеческих свойств. Так, наряду с названиями местных возвышенностей по аналогии с природными объектами (типа *Шишка-гора* - из *шишка* ‘вздутие, выпуклость, нарост, бугор’) возникают метафорические аналогии типа *Титька-гора* («Титька-гора там, где катаются. А Шишка-гора там к лесу. Почему гора Титька? Дак чё-то она так остро устроена» - Калинино). Наделение возвышенностей именем человека (*Стас-камень*, *Ермак-камень*, *Дядя Ваня камень*) есть также проявление антропоморфизации природы, следы мифического древнего поклонения скалам. Позднее этот перенос черт человеческого мира на мир природный начал использоваться для эмоционального выделения в чём-то необычных явлений (ср. шутивное название поля из двух сходящихся частей *Штанины*: «Идти в Табры - там поле, Штанины называют. Оно как-то раздвоилось, на штанину похоже» - Насадка). Эта тенденция продуктивна и в городской среде (таково и уменьшительно-ласкательное название неглубокого залива реки Ирени с выступающими из-под воды камнями *Бегемотики*).

Топонимика фиксирует значительные события истории того или иного населенного пункта и даже края. Название *Сибирский тракт* было закреплено за самой короткой дорогой из Центральной России с Сибирь (она была построена в XVIII в. и проходила через торговый город Кунгур, некогда бывший центром Пермской провинции).

На юге Прикамья фиксируются специфически местные её названия, напр. *Плакучие березы* («Плакучи-те березы - тут ишо помнят, рассказывают, как каторжан раньше по тракту гоняли» - Усановка Уинск.). Как свидетельства исторического прошлого, местные названия указывают на род занятий жителей места в прошлом. Старожилы г. Кунгур ещё помнят старое название местности за Сылвой *Посад*. Раньше посадом называли осёдлое поселение за чертой города или крепости, предместье-слободку - некогда в кунгурском Посаде жили люди, которые несли сторожевую службу. Село Троицк первично называлось *Старый Посад*: «Сначала Старый Посад был, потом уж переименовали. Троицку церковь построили, стал Троицк. У нас много и доморощенных людей, а так-то кто откуда понаехал». Как указывают краеведы и историки, «в 1649 г. построили г. Кунгур, называвшийся острогом, а жители посадскими людьми. Город был основан не на нынешнем месте, а в 17 верстах (где ныне село Старый Посад) выше по р. Ирень, на речке Кунгурка»¹.

Факты как древней, так и современной истории в микротопонимике разнообразны. Возвышенность в окрестностях Быма *Сотникова гора* получила своё название по тому, что «в революцию тут, на этой горе, сотника казачьего расстреляли». Микротопонимы могут указывать на хозяйственный уклад жителей того или иного населенного пункта. Так, в селе Троицке существует *Капустный околоток* (его второе название в простонародье – *Капустник*), оно обусловлено тем, что в селе Троицке был некогда «*промогород*»: «там садили капусту, выращивали даже семя капустное, и вот называли Капустники». В Калинино выделяют место *Спичешный* (или *Спишельный мост* – память о том, что в селе производили спички. С исчезновением производства истинная мотивировка забывается, возникает новая: «*Спишельный мост есть, там завод раньше был Спишальный. Спицы что ли делали*».

Микротопонимы выделяют не только хозяйственно значимые

¹ Золотов Е.Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реневой, Кунгур, 2002. С.138.

места. Нередко это своеобразные культурные знаки, хранящие информацию об обычаях и культурных традициях места. Так, в с. Серга зафиксировано название «*Подокно*» – так называли место молодёжных гуляний: «Поём, пляшем, никому не мешаем. Место называли «Подокно». Под окно собирались, мы, наша улица, в одно место сходились»; «Подокношко называлось – все собирались играть, пойдем под окошко, летом дак, пляшем». В этом топониме можно усматривать не просто указание на место сбора молодежи, а на то, что в обрядовой традиции значимы были такие локусы, как место у дома, под окном или рядом с воротами – именно они осмыслились как носители идеи переходности от своего к чужому.

Культовое восприятие горы как сакрального места, наиболее приближенного к небу и Богу, привело в культуре разных народов к широкому использованию гор как мест захоронения умерших. Существованием кладбищ на возвышенностях объясняется микротопоним *Могильна гора*: «Могильна гора, Могильники – это кладбище. Пойдем на гору сходим на Могильники, попроведам своих» (с. Калинино); «Вот это Могильная гора называется, где кладбище» (с. Юговское). По мнению местных жителей, название д. Могилево также произошло от того, что когда-то здесь было кладбище: «В 1781 году там была деревня Коршуново. Она сейчас называется Могилёво, я думаю, это от кладбища, от могильника» (с. Насадка).

Основу кунгурской топонимики, как мы видим, составляют названия, учитывающие реальные факты и мотивировки: особенности ландшафта, климата, флоры и фауны, имена, фамилии, прозвища реально хозяйствовавших здесь людей, названия народов, которые населяли кунгурские земли.

О легендах и преданиях в кунгурской топонимике.

Многое в местных названиях не может быть объяснено с точки зрения причинно-следственных и функционально-предметных связей. Исторические факты, природные и географические объекты г. Кунгур и Кунгурского района, а также их названия получают в народе

культурные, нередко мифологические интерпретации. Пространство Кунгура и района семиотизировано, наполнено такими сугубо культурными знаками (или специфически местными интерпретациями).

В этом плане интересны бытующие народные версии происхождения топонимов. В них можно увидеть стремление объяснить непонятное с позиций своего языка, собственного культурного опыта. Так, объясняя название д. *Выползово*, жители приводят каламбурное развёртывание названия через идею здешнего бездорожья: «Отсюда не выползти ни зимой, ни летом – то и Выползово. Только выпалзывать остаётся». Говоря о происхождении топонима *Бым* (реально он связан с тюркском словом, называющим болотистую, низинную местность), местные жители применяют также свою наивную этимологизацию: «Бым на сыром месте. Много комаров здесь было, и они все пищат вот так: «Бы-ы-ым». Стоит заметить, что звуковой «словоид» *бым-бым* (в контексте близких звукоизобразительных слов типа *бынь-брынь*) отмечается и в русской речи – в составе шуточных песен (напр., в текстах «стёбных» песен из репертуара современной группы «Эпидемия»).

Немало в таких наивных народных версиях апелляций к «высокой» культуре. Так, в селе Серга считается, что село названо в честь монаха-поселенца Сергия (в чем-то повторяющего сподвижничество святого Сергия Радонежского): «Якобы тут какой-то поселился какой-то Сергий. Острожок делал, церковь поставил. Вот и назвали Серга». Версии противоречит тот факт, что форма *Серга́* (не *Сёрьга* – пермская форма имени *Сергей*; она вряд ли могла быть применена к имени святого в силу своей сниженности) является скорее всего тюркизмом (слово в восточных языках называет не только украшение в ушах, но и кольцо, вдеваемое в нос быку, кляп в нос волам и верблюдам, удила, даже кончик носа).

Стоит в этом плане ещё раз вернуться к остающемуся открытым вопросу о происхождении названия самого Кунгура (спорна, как известно, даже дата его основания - 1648 или 1663 год, время возрождения города на новом месте в междуречье Ирены и Сылвы

после сожжения его в 1662 г. татаро-башкирами). Кунгур называют «городом, рожденным дважды». Известный кунгурский краевед Е.Д. Золотов указывает, что в 1663 г. по просьбе оставшихся кунгурских посадских людей и уездных крестьян грамотою Алексея Михайловича в 1663 г. было велено лишь отыскать новое место для Кунгура, а годом позже – только в 1664 г. принято решение о его вторичном основании¹. По материалам другого исследователя, известного антрополога начала XX в. П.М. Раздольского, город Кунгур возник ещё в более ранний период - был основан в 1623 г. потомками древних новгородских ушкуйников².

Заметим, что идея «возрождения из пепла» свойственна объяснению судьбы многих «священных» городов, находящихся под покровительством святых сил (они не раз горели и заново строились - Москва, Рим, священный Иерусалим). Как своеобразное доказательство того, что г. Кунгур находится под заступничеством святых сил, можно рассматривать и тот факт, что Кунгур – это один из немногих уральских городов, который не сдался войскам Емельяна Пугачева (несмотря на то, что был плохо защищен, а его старинные укрепления «развалились и были ненадежны»). Поэтому избавление города от нападения кунгурские жители оценивали как божественное чудо. Вот как эту победу трактует Е.Д. Золотов: «23 Января при усиленном нападении злодеев с двух сторон и жестокой пушечной и оружейной пальбе защитники Кунгура, не надеясь на свои силы, обратились к заступничеству Царицы Небесной. Жители, не занятые обороной города, при участии городского духовенства стали служить молебны: обливаясь слезами, припали к чтимому образу Тихвинской Божией Матери и с Св. иконами стали ходить по нагорной части Кунгура. Для крестного хода была взята из Тихвинской церкви чтимая и чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, драгоценное досто-

¹ Золотов Е.Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реневой, Кунгур, 2002. С.140.

² Бурцев Е.А. первыми были ушкуйники... // Коммунист Западного Урала. Пермь, 1997, 25 дек.

яние, оставшееся от бывшего Кунгурского девичья монастыря, а также и чтимая икона Священномученика Климента из Благовещенского собора. Жители Кунгура, уверенные в предстательстве Царицы Небесной и Свящ. Климента, с благоговением подъяли Св. иконы на свои рамена и вышли злодеям навстречу для служения молебна, и надежда их увенчалась полным успехом: враги бежали от города... По преданию известно, что когда во время приступа к городу, 23 января, жители с крестным ходом вышли на вал, то им, злодеям, показалось на валу многочисленное войско, и они, испугавшись, побежали от города, никем не преследуемые»¹. Далее краевед выводит интересную закономерность, объясняющую божественное покровительство кунгуряков: того же числа 23 января 1704 г. был освящен Благовещенский собор «на память Священномученика Климента», помощника кунгуряков во время осаждения Кунгура бунтующими пугачевцами.

По другой версии, кунгуряков от Емельяна Пугачева спасла Спасская гора: «Спасская гора. Раньше там стояла деревянная часовня, потом каменная. Сейчас её уже нет, её разрушили. Начала она называться Спасской. На Иренской горе стояли войска Емельяна Пугачева, а все власти кунгурские укрепления там строили. Там солнышко сыграло. Там березы на той горе березы росли, а они подумали, что пушки стоят. Вот так гора спасла кунгуряков. Спасла – поэтому и Спасская» (г. Кунгур).

Если опираться на официальные данные, то мы увидим, что Спасская гора получила свое название гораздо раньше, чем произошло нашествие Емельяна Пугачева. «В 1663 году от реки Сылвы до реки Ирени по горе сделан был земляной вал... а в 1667 году на этом валу были построены башни и по всему валу палисадник. Бывшие в кремле 8 башен имели названия: Спасская, Благовещенская, Алексеевская, Тихвинская, Преображенская и три башни были без особых наименований; первые пять названы в честь бывших на

¹ Цит. по книге: Золотов Е.Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реневой, Кунгур, 2002. С.43.

них икон»¹. Следовательно, название горы отнюдь не связано с восстанием Пугачева, сближение не связанных исторически реалий обусловлено семиотизированным, мифологическим восприятием судьбы города его жителями.

Кунгурская топонимика отразила и другой культурный сюжет – пребывание на прикамской земле Ермака. Согласно многочисленным источникам, на берегу реки Сылва (в районе современного села Филипповка) в 1580–1581 гг. по пути в Сибирь знаменитый атаман Ермак с частью своей дружины вынужден был зазимовать. На Ледяной пещере есть *Ермаково городище*, на берегу реки Сылвы *Камни Ермак*, *Ермачиха* и даже *Ермачонок*, в Сергинском поселении – река *Ермак* («А потом речушка Ермак, там Кишмень речка. Впадают в Сылву» – зап. в Насадке). Место зимовки Ермака и его воинов указано ещё в «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи» С.У. Ремезова². Существует и другая легенда: якобы Ермак на берегу реки Сылва похоронил свою жену, которая была из рода именитых людей Строгановых.

Ряд источников сообщает, что именно от Ермакова войска началась колонизация кунгурских земель русскими: «Первоначальное заселение русскими местности, лежавшей по реке Сылвы и Ирени, можно относить ко времени завоевания Ермаком Тимофеевичем Сибири. Именно в 1579 году Ермак отправился из Строгановских вотчин с дружиной для завоевания Сибири по реке Чусовой и по ошибке повернул на реку Сылву, по которой плыл почти до верховцев, и на Сылве зазимовал»³. На пути следования в Сибирь Ермак устраивал на защищенных природой местах острожки и крепости и оставлял на них по небольшому числу своих ратников, чтобы, в случае возвращения назад, пройденный путь был свободен... После зимовья Ермак отправился обратно к Строгановым, так как многие из пришедших с ним разбежались, а другие на том зимовье при реке Сылве жить остались – и это было первым началом русского поселения в нынешнем

¹ Золотов Е.Д. Указ. раб. С.140–141.

² Летопись Сибирская (Кунгурская). Изд. 1880 г., С.1-2.

³ Фишер. «Сибирская история». Изд. 1774 г., С.116.

Кунгурском уезде, которое после больше размножилось»¹.

О зимовке Ермака писал в знаменитой «Истории Сибири» русский ученый XVIII в. Г.Ф. Миллер: «То место, где он зимовал на Сылве, и поныне называется Ермаково городище. У него было три попа и один монах, которые обыкновенную Божию службу отправляли. Для большей способности приказал он весною построить часовню во имя Св. Николая, и она к 9-ому мая совсем была готова... Весною, когда Ермак назад поехал, то многие казаки получили позволение на том месте, где зимовали, остаться и там завести непрменные свои жительства. Сие было первое поселение русских людей в тамошних местах, которое после более размножилось».

Легендарное происхождение кунгуряков от храбрых воинов Ермака дало основание летописцам именовать кунгуряков *Ермаковыми крестниками*. О свободолюбии кунгуряков тоже ходят легенды. Немало строчек характеру кунгуряков посвящено в статьях исследователя П.М. Раздольского: «Все эти люди, с которыми мне приходилось сталкиваться, энергичны и свободолюбивы. Как это не покажется странным на первый взгляд, но кунгуряки во все время своего существования ни разу не попадали под иго крепостничества. Народ горой стоял за свою волницу и близко принимал к сердцу все, что касалось его свободы»².

В один ряд с символами божественности кунгурской земли встают многочисленные в крае рассказы о необъяснимом объявлении здесь икон, других символов христианской веры. В одной из Епархиальных хроник описывается «Знамение милости Божией»³: «В приходе Крестовоздвиженской церкви Сергинского села, Пермского уезда произошло следующее выдающееся событие, а именно: в деревне Личердятах, прихода Сергинской церкв, 10 июля был найден плавающим на озере образ Святителя и Чудотворца Николая, который местными жителями два раза уносим был в дом, однако

¹ Золотов Е.Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реновой, Кунгур, 2002. С. 137.

² Бурцев Г. А первыми были ушкуйники... // Коммунист Западного Урала. 1997, 25 дек.

³ При публикации текста использована современная графика.

неизвестным образом исчезал и вновь обретался на том же озере. Весть о том быстро разнеслась по приходу, и верующие, во множестве стекаясь к мсту обретения св. образа, называли сей образ чудотворным. 16 июля... при огромном стечении народа был совершен из местного храма в деревню Личердяты крестный ход, и образ Святителя и Чудотворца Николая был перенесен во храм, где он привлекает и по настоящее время множество богомольцев, как местных прихожан, так и жителей соседних приходо¹. До сих пор народная память хранит факты, свидетельствующие о святости этого водоема. В воспоминаниях старожилов Сергинского поселения ярко вырисовывается сходный сюжет: «Деревушка у самого озера стояла, крест у озера стоял, чё ему поклонялись, не знаю, как бы его священным считали старики со старушками. Поклонялись, к нему ходили» (с. Серга, зап. от А. Михайловой). В чудодейственные свойства этого озера народ продолжают верить и сегодня. Хранителем памяти о свершившемся когда-то чуде выступает сегодня название этого водоема – *Свято озеро*. По наблюдениям местных жителей, вода в этом озере действительно своеобразна - очень мягкая, многие именно её предпочитают брать для питья: «В Серге, говорят, есть целебная вода. Серебряная» (с. Насадка).

Ещё один пример народного наделения ряда мест кунгурской земли священным смыслом – неоднократно фиксируемые истории о сверхъестественном исчезновении и появлении святого креста. Так описывается Городище (Сергинское поселение): «Над Елкиным есть Городище, Чудское. В сороковые годы над Елкиным на горе была деревня Городище, и там стоял крест. Деревни не стало, крест, поклонный, долго стоял, и в 30-40-ые годы туда шли и ехали поклоняться. Последние десятилетия он снова объявился, а какое-то время его не было. Сначала был деревянный. Может быть, он на том месте, где были захоронения, городище» (с. Серга). Применительно к Городищу известны и более древние предания о чудских людях, которые предпочли смерть порабощению. Известный и по другим местам

¹ Епархиальная хроника. Знамение милости Божией.

Прикамья, мифологический сюжет гласит о том, что здесь чудские люди, выкопав большие ямы, утвердили над ними стойки, установили крыши, засыпали их землёй, а затем вошли в ямы со всем семейством, подрубили стойки и закопали себя.

В ряду святых, намоленных мест кунгурской земли находится Белогорье. Оно считается одним из самых таинственных и «легендарных» мест Прикамья. Появление в конце XIX в. на Белой горе Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря, как известно, связано с распространением и установлением православной веры среди раскола. К концу XIX – началу XX века старообрядческое население в заводских районах Прикамья преобладало над православным (только один из десяти храмов в Юго-Кнауфском заводе был православный, остальные относились к старообрядческим). «В лесах Белой горы, что находилась в Осинском уезде, появилось множество келий и скитов, в которых скрывались старообрядцы, бежавшие сюда из разных мест, ввиду полной безопасности от преследования начальства. Начальники пустынь в молитве и в посте здесь и заканчивали свою временную земную жизнь»¹. По воспоминаниям потомков старообрядцев, своих наставников (особо отмеченных приверженностью к вере) «староверы хоронили наголо у Белой горы. На их могилы приводили, кто болел. Там они молились, излечиваясь от порчи. Больного трясло, он кричал, выкрикивал свои грехи»². Связь Белой горы как святого места и старообрядчества вряд ли случайна: первый основатель монастыря Стефан Луканин, протоирей, о Белой горе узнал именно от старообрядцев, кельи и скиты которых здесь создавали беглые с местных заводов.

По одной из легенд, Белогорский монастырь был построен на мощах святых, привезенных из Киева самой Екатериной II: «Начинали строить - построят, а он опять разрушится. Токо построят – он опять

¹ Летопись Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского общежительного монастыря, находившегося в Осинском уезде Пермской епархии. Пермь, 1897. С.6.

² Елтышева Л.Ю. Старообрядческое население Кишертского района Кунгурского края // Русский мир. Сборник материалов научно-практической конференции «Развитие русского этноса: проблемы и перспективы. Пермь, 2006. С.192.

упадет. Тогда Екатерине II кто-то сказал, что надо на костях строить. Она привезла мощи - сама ехала по дороге на Белую Гору. Сказывали, кто у ворот стоял, видели карету. Потом заложили мощи, и только тогда построили» (с. Калинино). Екатерина Вторая, по этим преданиям, сама и контролировала процесс строительства. «Туда, на Белую гору, Екатерина-царица, значит, возила обозы с камнем. Раньше-то все конями возили. Идет обоз с черным камнем, за ним с белым. Вот такими партиями этот камень-то, видимо, и возили на этот собор. Ну, и вот, навозили, стали строить. Полсобора уже построили, а он развалился - все разлетелось. Екатерине стали говорить: «Надо строить-то на кость». Тогда Катерина поехала куда-то в Киев. Привезла она эти кости, мощи святых, в платке таком. Потом, значит, всё это разобрали, останки-то собора. Тряпицу послали с мощами, и вот помолились на это и стали заделывать снова. И ведь скорехонько у них работа пошла» (с. Бизяр, зап. от М.К. Зелениной).

Старожилы рассказывают и другие факты о создании монастыря: «Раньше на Белую гору отдыхать ездили. Пирушки там устраивали, гуляли, пировали. Поставили потом часовенку. Молились, чё. После крест поставили, избушку сделали. А потом ключ раскопали, который и сейчас бежит, освятили его, святой стал. Чтобы люди шли. Потом крест поставили, фольгой медной оббили, и с трех сторон его видно было с утра до вечера. Как раз царя нашего в Японии избрали, вот в честь его предложили в это место поставить монастырь, чтобы он здоровым приехал». Местные жители вспоминают рассказы родителей о причинах появления Белогорского монастыря: «Тут как было: один из десяти православный, остальные - раскольники. И епархия взялась за нашу местность. Но не резко запретили стару веру, умно поступили. Мы де вам разрешаем молиться по вашим канонам, но у вас будет православный батюшка». Само его строительство связывается с темой смерти. «Строили кто? В голоде и люди, и лошади. Люди голодные были, замирали вовсе, кони тоже падали. Сорок человек погибло, мама сказывала, лошадей тоже много». Гора после создания монастыря стала местом паломничества для верую-

щих и кунгурской округи: «Молиться ходили, котомку наложат еды, из-за всех деревень сюда шли. Такие моления были: и день и ночь молятся, много дяков было, пастырей. Идут люди, мы побежим, нас накормят. Они встречного-поперечного, всех кормили. В пост - постным, на пасхальной неделе - всю неделю яйца. А мясного от роду видно на Белой горе не ели».

Сейчас история возрожденного Белогорского монастыря (основанность на святынях, разрушение и новое чудесное возрождение) вписывает Кунгурскую землю в общий контекст распространённой на русской земле тему «мученичества», «страдания за веру». Осознание святости Белой горы подчеркивают многие рассказы жителей края о святой красоте храма и варварском разрушении этой святыни. «Такая церковь была хорошая, все раскурочили. На Белой горе надписи были, их выкорчевывали. Ничё не берет, тогда жгли лампой паяльной, обколачивали, лишь бы это нарушить. Стены были покрыты росписью православной. Красивые мраморные лесенки, винтовая лесенка высоко вверх, верхние хоры. Что с ней и сделали» (с. Калинино).

Уже разрушенный, храм всегда привлекал внимание местных жителей. «Я маленькая была, мы ездили с дедом как-то на мотоцикле на Белу гору. Так там разорено совсем было. Еще ездили на скит, еще скит там был, в трёх километрах. Церковь была, так церковь водой затопило, половину церкви, стены, все. До того гладкие стены, все с иконами. Не могли разломать, залили водой. Воду специально открыли. Там задвижки были, и их открыли. Из собора до той церкви под землей был ход – три километра. Знающие задвижки открыли. Сейчас никто не знает, как откачать воду – она всё равно поступает» (с. Калинино).

Многие рассказы продуцируют вполне старообрядческие сюжеты о разрушении местных храмов как следствии прихода на эту землю Антихриста («Кто крест ломал в Монастыре, уже все сдохли – ведь антихристы» (с. Троицк). Рассказы о святотатстве всегда сопровождаются мотивом наказания за содеянное тех, кто уничтожал со-

боры: «Вот там был на соборе крест, позолоченный. Ну, вот как они, красноармейцы, его стягали сверху-то, с трудом, один взял да ещё и выстрелил в крест. И вот выстрелил, и ему сразу руку-то оборвало тут. Понаслышке от старых людей знаем» (с. Бизяр, зап. от М.К. Зелениной).

Гора становится объектом продуцирования мифологического пространства, порождения множества легенд. И это при том, что прямые мотивации топонима вполне прозаические – тот факт, что снег (в силу размеров и положения горы) здесь сходит позже всего, а выпадает (и не стаивает) уже в сентябре – гора первой в округе «собирает» снег. Видимая издали, она и воспринимается как белая: «Только снег выпадал, сперва выпадет на Белу гору, и тогда пойдет белый снег. Тогда знай, что выпадет снег» (с. Бым). Поскольку традиционно белый цвет - это цвет божественной отмеченности, топоним дополнительно оттеняет идею религиозной мистичности, сакральности горы. В многочисленных рассказах передаётся мысль о чудесных событиях и видениях в этих местах. «Я работала в доме инвалидов на горе. Когда запретили инвалидам в соборе жить, собор-то освободился. А в квартирах жили, и как раз печки сломались, стали их ремонтировать. А живём - у нас корпус как раз на собор. Раз одна медсестра вышла и говорит: «Девки, поглядите-ко: в соборе-то свечки горят». Правда! Мы смотрим - там в соборе свечки, а сам-то ведь закрыт, и никого там нет. Нам туда велели, а мы не стали в нем жить. Стало мерещиться про свечи-то. «Лучше на улице будем жить, а в собор не пойдем». Так Бог, видно, привел, охранял свой дом» (с. Бизяр, зап. от М.К. Зелениной). Другой сюжет касается чудес с иконами: «А вот еще было, старики рассказывали. Раньше-то на стенах в соборе иконы были нарисованы, а потом их известкой забелили – густо так. И всё равно одна икона проступила. Её забелят, а она опять, всё равно. Божьей Матери икона. А потом сама исчезла - вот ведь как» (с. Бизяр, зап. от М.К. Зелениной).

Кроме «вольного» истолкования реальных исторических событий и религиозных преданий, в воспоминаниях местных жителей

очевидно восприятие Белой горы как места, отмеченного необычными явлениями. «Считают, что это святое место. Ведь там всегда холодно, на Белой горе-то, все ветры, ветры. И солнце со всех сторон гору обходит. А снег выпадает - сперва всегда на Белую гору. Бывает, говорят, там на небе крест кажется. Вот и шары летят с Белой горы какие-то»; «Чудеса на Белой горе – там сияние, может, как северное. Люди видали, как телефонные столбы по небу ходили ночью. Как зарево цветное, в той-то стороне, к горе. И это было один раз перед войной, где-то перед самой войной»; «Светящийся столб видели на Белой горе, видимо, это громовые явления. Если с последними годами сравнивать, то наблюдаем косые молнии. Когда столб – это опасный период. Вот в прошлый год видели. В прошедшее лето у нас было столько несчастных случаев из-за гроз. Это и ожоги людей, несколько станций полетело, не говоря уже о домашних приборах» (с. Калинино).

Исключительность места подчеркивает бытование большого количества рассказов о кладках Белой горы. «На Белой горе много добра-то было, дак его не всё разобрали. Там есть пешшора. Говорят, в эту пешшору сбросили и замуровали церковное добро, когда зорили монастырь-от. Под березой. Один здешний мужик всё ходил: «Вот, хожу – меня к этой дыре тянет». А ему старец монастырский сказал - а ты покопай, вот тут. Он пошел, взял лопатку, копнул – и такая коробочка нашлась. Открыл – двенадцать крестов серебряных да двенадцать золотых. И записка: «Оставь себе крест серебряной и оставь крест золотой в храм. И нищим подай серебряные, а золотые – кто Богу молится».

Близкий сюжет о находке золота также носит мистический характер: «Одной женщине тут казалось – берёза под Белой горой, и у берёзы – монах. Она ему: «Чё, родимый, стоишь?» Он ей: «Слушай, подойди сюда». Она подошла, у ней на голове платок был, она его сняла. «Ну, чё тебе надо?» - «А дай мне счастье». – «Вот, копай тут». Она покопала, полон платок накопила земли. Говорит ей: «Всё, носи домой». Она пришла домой, платок-от разделала, смотрит: «Батюш-

ки мои, золото!»). А другая в юбку наклала, а принесла, дак там земля оказалась. Юбка-то погана, а голова, как говорится, соображательная». А что это за человек её надоумил? А она встала, посмотрела и больше не увидела его. Это показалось. Ангел, наверно, на Белой горе, ангел. Или Господь показался ей».

По другим рассказам, клад находили под липой у д. Кордон, ведра с серебром на самой Белой горе: «Приезжали люди, слой земли сняли, а клад рядышком был, сундук. Это у Кордона. Там раньше один мужик овец пас, пять лет ставил к липе сено. И вот как раз под этой липой сундук, там золото, драгоценные камни. Говорят, они потом попали к начальству и на эти деньги Алексей II восстанавливает Белую гору» (с. Юговское); «По три ведра серебра находили на Белой горе. Поехали загородь поправить, там одна стенка пала. Стали столбик править и нашли серебро»; «На Белой же Горе пошли по землю, чтобы рассадку сеять в Егорьев день, и одна женщина сначала одно ведро накопила золота, второе взяла и тоже золото-серебро нашла» (с. Калинино). В местных преданиях немало указаний на то, что именно здесь были закопаны так называемые демидовские кладки: «Здесь руду, золото искали, и заключенные, каторжники были, этто в земле сколечко народу погнуло. Он ходит, бедный, прикованный к качке, возит землю. Не заможет, его тут же приканчивают. Здесь золото искали, собирали, сейчас оно, наверно, в песках есть - демидовские кладки» (с. Калинино). Говоря о местах объявления кладов (а они, как считает народная традиция, «ходят», перемещаются), старожилы нередко приводят следующую традиционную примету: «Если где рыжую лошадь увидишь, значит, в том месте золото» (с. Калинино).

Легенды об исчезнувшем монастырском золоте, зарытых кладках и тайных ходах, в которых спрятаны несметные богатства, вероятно, соотносятся с реальными событиями. Некогда Белогорский Свято-Николаевский мужской монастырь считался одним из самых богатых в Пермской губернии. Разрушение его, исчезновение, уничтожение священных реликвий и вызвали в народе многочисленные попытки найти это богатство. Некоторые местные жители Белой горы и

близлежащих деревень до сих пор верят в счастливого, который станет обладателем этого несметного богатства, сами продолжают искать клад. Этим же вызваны и многочисленные истории о разбойниках, о разбойничьих складах на дорогах, ведущих в уездные города Кунгур, Осу. «Сказывали, разбойники грабили по дороге на Белую гору, ведь много богатые ездили». В рассказе об Аннинском ските говорится о кладе золота: «Аннинский скит – там тоже есть золото. Когда окружили войско, атаман приказал, в деревянный бочонок все это награбленное запаковать и утопить в Горячем ключе. Утопили. Этому пацану потом дали карту, где утоплено золото. Вот карта, достанете золото и построите скит. И вот он пошёл в Кунгур, это золото с картой берестяной спрятал в Ледяной горе под большим валуном. На дороги выбегает, грабит. Он уж примелькался: Кунгур – Оса – Чердынь, бегал. Примелькался, и его арестовали. Пятьдесят лет отсидел в каторге, вернулся и построил Аннинский скит. Но эта карта уже имеет копии, оказывается. Ограбили его, ходят копии. Этого Горячего ключа уже нет, там все заболочено. А если найти это золото, этой ценности хватит на Кунгурский уезд не на одно столетие якобы. Потом он подался в бега, его двое молодых людей преследовали в районе, где Чайковский, давай избивать, допытывать, где драгоценности. Местное население видят, что старика избивают. Красным отрядам сообщили, что старика бьют, они подъехали, старик был утоплен, Варлаам. Этих убили, и на этом кончилось. Не знаю, нашли эти ценности или нет в районе. Наш батюшка, помощник владыки, сказал, что туда даже близко к Аннинскому скиту не пускают» (с. Бым, зап. от Ф.Ф. Исламуратова).

В рассказах о находках говорится не только о деньгах, запрятанной церковной утвари, но и о церковных бумагах. «Клад находят, эти вот нашли ведь клад в лесу. Переворот был. Мальчишки в лесу баловались, скакали и провалились в ямку. Там бумаги были в мешках и мелки деньги все отдельно составлены. Тут чё-то не своё, а колхозное прикарманывали» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских).

Одной из причин и нынешнего осмысления Белой горы как мес-

та непростого и даже «тяжелого» можно считать то, что много рассказов о ней связано с убийством монахов, жестоким содержанием больных в больнице на месте разоренного монастыря: «Издевалися как над монахами - расстреливали, и в рот стреляли: мы де вас причащаем. В назём закапывали, голова только сверху. Всякие издевательства были, только лишь бы уж надрушить веру Христову»; «Там после монастыря больница была специальная, и мучали там их. Которы сильно буйные, их в подвал закрывали, они там голые, голодные сидели. То съедали друг друга, то вешались» (с. Калинино). В рассказах о разорении монастыря часто отмечают, что церковное имущество попадало и в окрестные сёла: «Иконы-то грудями перевозили с Белой горы, топили печи даже ими, готовили пищу. Тут жила одна женщина - со слезам, говорит, сёкли их на дрова и топили, говорит, иконушками-то печи».

Ещё один устойчивый мотив, подчеркивающий мифологичность здешних мест, – это рассказы о подземельях, и ходах, и спрятанных в них кладах. Например, в г. Кунгур чрезвычайно распространены легенды о подземном ходе, идущем от Тихвинского храма через Сыльву. Такого рода мотивы встречаются не только на кунгурской земле. В «Кунгурских актах XVII в.» встречается рассказ о заплечном мастере Ваське Пестове, который сам служил исполнителем правосудия и в то же время сам разбойничал, грабил, грабил вместе со своим приятелем, а добычу прятал под одной из башен¹.

Уникальный кунгурский ландшафт с его пещерами, воронками-провалами, озерами карстового происхождения, дополняемый историями о подземных ходах и спрятанных в чертогах пещер кладах, послужил основой для неофициального названия города «Город на решете». В народе же он стал источником многочисленных мифов и легенд как о святых, так и о нечистых местах. На территории района народная молва отмечает немало мест обитания нечистой силы, на что указывает внутренняя форма топонимов типа *Чертова гора* и *Чертов палец* (д. Зарека), яма-провал *Лешачиха* (д. Алеки). Мифоло-

¹ Кунгурские акты XVII века (1668–1699). СПб., 1888. С. 6.

гические трактовки образования провалов, воронок и озер, вызванных этими процессами исчезновений построек и даже гибели людей, связаны со стремлением найти этим фактам объяснение. Многим кунгурякам известна легенда о том, что провалы и пещеры появляются благодаря гигантскому зверю-мамонту, который передвигается под землей и оставляет после себя глубокие рвы, сломанные леса и разрушенные поселения¹ (впрочем, о похожем чудище-ящуре немало говорится и при описании подземного мира Перми). Ряд народных рассказов отражает существование в народной культуре особых культовых практик, обрядов, направленных на умилостивление сил, приведших к провалам и гибели людей. Так, рассказ о Дикаринском озере (д. Дикари) напоминает по сюжету совершение древнего обряда жертвоприношения: «Провалиха была, где Дикаринско озеро. Провал стал, дак чтоб люди не погибали, опять собаку запихали в эту дыру, говорили. Вот не знаю, живую или мертвую. И вода не стала уходить. И вот озеро стало, большое. Рыба, караси хорошие». Жертвование собакой как заместительное встречается в ряде культур.

Провалы на месте пустот считались крайне опасными для человека местами - в провалихи старались не ходить, их обходили стороной. Озёра-провалихи традиционно считались местами обитания нечистой силы – лешачих, русалок, которые *«задергивают всех туда»*: «Русалки здесь были, но до наших годов, мы еще маленьки были. Сейчас у нас озеро, а был там лес. Один старик рассказывал: «Русалка сидела; иду – она сидит. Только меня увидела – бульк в воду. Волосы все так, не прибраны, длинные». Больше он её не видал. То ли она отошла, озеро-то летом высыхат. Большая, говорит, волосы длиннущие» (д. Заспалово); «У нас была провалиха, земля провалилась. Дак купаться там не давали, задергивало в нее. Провалиха – не ходили, не купались, все равно задернет. Говорили, что русалка там сидит на плоту. Видать не видала, а сидит, говорят, голову мочит и все. Волосы длинные, длинные. Это где озеро-провалиха» (д. Обу-

¹ Рапп В. Путеводитель по Кунгуру и Ледяной пещере. Пермь, 2004. С.110.

хово, зап. от А.М. Третьяковой). Одна из таких провалих получила название по демонологическому персонажу, который якобы обитал в этом озере, – яма *Лешачиха*: «В Алеках Лешачиха была, яма глубока. Тетя Нюра пошла как-то за водой. Видит: сидит на берегу лешачиха, волосы длиннищи чешет. Яма так и называлась Лешачиха. Когда уходила вода из ямы, там столько много рыбы было, но Лешачиху не находили. Она в воде жила, как русалка» (г. Кунгур, зап. от К.И. Салтыковой). Заметим, что очевидное по тексту смешение демонимов (имен) русалки и лешего вполне типично для Прикамья (и особенно его севера).

Внезапное появление озер и их исчезновение вызвало к жизни легенды о несуществующих озерах, озерах-фантамах, которые кажутся лишь избранным, и всего лишь один раз в жизни (обычно как предзнаменования). Таков рассказ об озере, в котором якобы обитает невиданная рыба с кошачьими головами: «Дядя рассказывал, что озеро есть такое, что раз его найдешь, а потом его уже не найти. И в этом озере рыба с кошачьими головами. Я иду, како-то озеро, я выстрелил, дак такой рев был кошачий. Потом пошел, друга повел, но уже не могли найти» (с. Калинино).

Кроме мистических рассказов о загадочных озерах-провалихах, почти в каждом селении Кунгурского района бытуют легенды о местах, где люди теряются, сбиваются с дороги (*«блудят»*). Названия таких мест обычно «говорящие»: «Места какие тут - Еремина роща, Романов лес, Ельник. Слыхала, что блудят у нас часто у Диково. Бес водит» (с. Троицк); «Веселуха – лес так называется. Романово тут подальше. Позапрошлый год пошла вот на Веселуху, на крайчик тут. Ну, и заблудилась, и вышла с другой стороны, и понять ничего не могу. И такой лог перешла, ничего понять не могу, с другой стороны. Бес, черт водит» (с. Троицк). Название *Веселуха*, вероятно, отражает древнее представление о шутках и проказах нечистой силы.

Таким образом, топонимика и антропонимика Кунгура является источником самой разнообразной культурно-языковой информации. В своей совокупности местные названия объектов природы, селе-

ний, фамилии местных жителей, колоритная прозвищная традиция «уличных» имён создают языковой портрет края, выражают только ему присущие особенности культурно-исторического развития. Очень часто местная ономастическая лексика вовлекается в семиотическое осмысление, отражает целые комплексы устойчивых народных представлений.

Глава II.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ В ОБРЯДНОСТИ И ФОЛЬКЛОРЕ ДЕТСТВА И ПРОВОДОВ В АРМИЮ

В главе объединены сведения о локальной специфике двух семейных обрядовых комплексов, не имеющих масштабного, развернутого характера. Дано подробное описание основных обрядов детского цикла (роды, крестины, обряды, связанные с лечением детей). Представлены сведения о народном осознании беременности и родов, болезней, о играх с детьми и детских играх. Второй блок рассмотренных в главе материалов – это полученные в Кунгурском районе сведения о рекрутской традиции и проводах в армию. Описание традиции сопровождается публикацией связанного с ней фольклора (рекрутские частушки, *провождальные* песни).

Оба описанных обряда входят в семейный цикл, и выработанная в народной среде в том и другом случае ритуальная практика призвана регламентировать события, которые связаны с существенным изменением в семейной жизни. Инвариантом этих комплексов являются обряды перехода – особые магические действия, направленные на изменение статуса участников обряда.

1. Обряды детского цикла

Восприятие ситуации родов и рождения ребенка, даже обращение с маленьким в первые годы жизни в традиционной культуре отличается повышенный мифологизм. Соответственно в этой сфере имеет место разнообразие магических манипуляций, призванных уберечь мать и дитя от опасностей, действий, направленных на регулирование связанных с ребенком эмоций (прежде всего страха). Ещё в XIX

в. Г. Бердников¹ отмечал своеобразие местных обычаев, связанных с рождением человека (рождающая скрывает свои муки даже от домашних, укрывается за несколько дней до рождения в бане; обязательным и священным считался обряд размывания рук, когда в гости к родившей приходила бабушка-повитуха).

В традиционной семье не было как такового планирования, и ещё в недавнем прошлом семьи были многодетными, семья без детей не мыслилась. Отголоском этой многочисленности детей можно считать зафиксированные в местных говорах слова *третьяк**, *шестак** 'третий, шестой сын в семье', слова *зачиныш** (первенец), *серёдыш** (*серень*), *последыш** (или *заскребыш**). Особый статус имели первый и самый последний ребенок – именно они (по закону «края») привлекались для исполнения многих обрядов («*Последыш кто в семье, дак того посылали оббегать вокруг огорода в Великий четверг, чтобы курицы летом не бродили*» - Ленск; первый и последний ребенок исполняли обряд пронимания большого собачьей старостью - см. ниже).

Как тяжкий грех, как убийство воспринимались аборт. «Кто так нагрешил, тому надо душевно, очень молиться. Кто ребят *нарушал**, им надо ходить по больницам, отговаривать женщин от аборта» (с. Троицк); «Кто аборт делал, на том свете тех змеи будут сосать» (с. Калинино). Впрочем, имело место, как и в других территориях, использование особых трав и настоев, прерывавших беременность («Осиновой корой напоят, и беременная скинет, и больше детей не станет носить» - Троицк).

Как божье наказание воспринималось в прошлом женское бесплодие. Наиболее распространенным в этом случае становилось истовое моление, прежде всего Богородице. Молились также св. Захарию: «Не можешь забеременеть, святому Захарию молились. Ему в церкви было видение, ангел, он ему сказал, что де жена твоя понесла. А ты перестанешь говорить, как парализует тебя, и не будешь, пока

¹ Бердников Г. Этнографические сведения о жителях Кунгурского уезда. Архив РГО, XXIX.75.

жена не родит тебе сына Ивана. Она ему потом действительно родила, в престарелых годах» (с. Троицк). Это повествование близко к аналогичному сюжету, изложенному в Евангелии от Луки; упомянутый в тексте Иван – это Иоанн Предтеча, Креститель Иоанн, который родился в семье святых Захарии и Елисаветы.

Внебрачные дети в прошлом получали отрицательные характеристики (традиция несколько ослабла в послевоенное время). «Без отца кто - это *зауголок**, за углом сработан» (слово используется в говорах также для характеристики глупого, малообщительного). Называли такого ребёнка *курамыш** (д. Березовка); по всей вероятности, это слово соотносится с тюркским личным именем Карамыш, Кармыш (букв. 'я увидел свет'). Это имя было известно в прошлом и русским, оно представляло «нагулянного» ребенка как инородца.

Место и время рождения

Особое состояние беременности женщины-матери и статус маленького воспринимались как пограничные состояния, когда человек особенно уязвим, открыт потусторонним силам и сам отчасти является их носителем.

Место и время рождения оценивались с точки зрения благоприятности. «Раньше помногу рожали, без больницы, без *акошерки*. Рожать приспелось, ушла в амбар и в амбаре родила. Это ноне никакого *уроду** нет, бабы-те не носят робятишек, хоть и живём хорошо» (д. Берёзовка); «Я в больнице не бывала, дома всё. Раньше как - в конюшню придёт *рожонка**, живо-два родит, в яслях»; «За день-два бывает уйдешь в баню, истопишь, там и родишь, с баушкой» (с. Серга). Если рождение в конюшне и особенно в бане как в мифологически отмеченном, ритуально нечистом месте объясняется тем, что роженица, наделяемая особым статусом, должна была быть изолирована, то использование роженицей амбара, места для хранения зерна, объясняется иными причинами - как связанного с плодородием. Хлебный амбар (в других пермских говорах *житница* – юрлинское)

нередко выбирался также и для устройства постели новобрачных (такие постройку для хранения использовались как место для родов и у народов Кавказа, в частности, осетин).

Определенные отрезки времени воспринимались как неблагоприятные для рождения. «Раньше ведь много умирали. Как начнут летом бобы цвести, ребят вовсе мало останется. У меня родная сестра говорила, что она *на бобах родилась** и заболела» (с. Калинино). Данное представление, вероятно, связано с народным соотношением времени цветения бобов (примерно середина июля) с началом цветения злаков в целом; время цветения растений в традиционной культуре осмыслялось как опасное и мистическое, как момент активизации нечистой силы (ср. гадания на жениха, когда прятались в поле цветущей ржи и слушали, в которой стороне заржет лошадь - сивинское). Кроме того, бобы (также как фасоль и горох) у многих народов выступали как устойчивый символ в представлении рождения и смерти.

Беременность.

Помнятся (впрочем, в основном воспринимаются шутливо) различные способы «заказывания» пола ребенка: «Если надо мальчика, ложь шапку под подушку, девочку – платок, что-то женское. Но это просто только шутки может. Может это только разговоры» (с. Троицк); «Кто топор положит под подушку, чтоб мужик был. Всё больше мужиков хотели» (с. Калинино); «Платье, в котором ходила беременна, брали. Если которая родила девчонку, то женщина возьмет, платье наденет, и тоже девочка будет» (с. Бым). Любопытный «способ» изменить появление в семье только дочерей демонстрирует предписание выбирать имена родившимся детям только мужчинам-родственникам: «Не велел отец моему мужу своих детей называть, не то девки будут. Родня, и свекор, и братовья, всё называли, дак всё равно девки рожались» (с. Троицк).

Появление девочки или мальчика связывалось с разнообразными приметами: «Если беременная встает с постели с правой ноги, родит девочку»; «Смотрят по волосам новорожденного, кто будет

следующий, девочка или мальчик. Если волосы на затылке косичкой - девочка, прямые – парень»; «Если женщина забеременела и *поносится** сладким - девочка, горьким – мальчик» (от *поноситься* – испытывать неодолимые желания, прихоти). Чаще всего предсказывали пол ребенка по форме живота беременной: «Девочка должна быть – тогда брюхо должно быть как бы расплывчато, мальчик – острое брюхо»; «Животик *тычком**, он как-то *востряет** – парня родишь, а с девкой дак вроде широкий живот» (с. Калинино); «С мальчиком ходишь – пятен мало на лице, красивше стаёшь» (с. Троицк); «Если мальчик, то у нее лицо менятся, когда она в положении ходит. У некоторых, может, не у всех. Лицо как-то бледнее, пятнами делается. А девочкой – она не должна меняться, она полная сама по себе» (с. Серга).

Как и в целом в традиции, до сих пор самая живая реакция сопровождает рождение вместо ожидаемого мальчика девочки: «Парня родишь – говорят, *до Москвы доедешь**, а девка чё, чужой товар» (д. Андреевка); «У меня дочь *мокровина**, бракоделка - парней не носила, все девок» (д. Андреевка).

Устойчива характеристика родившей первенца-мальчика *молодуха**, а родившей первой девочку *баба, старуха**: «Парня родишь, дак потом три года молода, молодуха. Если девку, дак все уж, баба стала»; «Девку родит – старухой стала, а перво парня – все молодуха считается» (с. Калинино); «Если парня родила, молодая будет долго, а девку родишь – тебя старухой зовут» (с. Серга). Иронически младенец-девочка называлась *маришка** («Мне все говорили - маришку родишь, по животу-ту. Так и вышло, девка» - Троицк). Несомненно, характеристика создана на счет перехода в нарицательные одного из наиболее частотных женских имен *Мария* (от уменьшительной формы; в пермских говорах, впрочем, иногда *маришкой* называют и мелкую речную рыбу – нытвенское). Ироническая оценка применялась иногда и к мальчикам: «У меня первы четыре парня были, дак мама говорила – надоели твои *штанники**» (с. Зуята). Народные говоры знают много подобных описательных характеристик детей по полу,

особенно девочек - перм. *долговолоска*, *волосотряска*, арх. *важенка* (из названия молодой оленихи).

Состояние беременности воспринимается как мистически отмеченное. Почти повсеместно считалось, что *поно́сы** (или *прихачивания*) беременной должны удовлетворяться: «Мне прихоть пришла – лук жареный есть охота стало. Говорят – надо есть, прихоть велит. Потом сколько годов *на глаза его не надо** было» (с. Троицк). «Убей охота селедку сигавого засола, а не было её. На рынке в Кунгуре нашла, баба только положила рыбину на скалку, на веса, я руками её сохватила и поела. Она только смеётся» (с. Калинино).

На беременную распространялись самые разнообразные запреты – «Рожонке *при последнем време** (т.е. незадолго до родов) на улицу долго не велели ходить, их шибко урочили» (с. Калинино). «Через грабли нельзя было шагать; когда беременная есть, кошек да собак в доме держать нельзя; беременной порог перешагивать не велют – выходит из дому, надо на его вставать» (с. Калинино). В этом предписании проявляется древняя символика порога как места, связанного с концентрацией идеи родного, домашнего, покровительствующего (ср. в свадебной традиции - сваты пинают порог, когда молодые заходят в дом жениха, замечают, кто первый встанет на порог – кто первым, тот и будет главным в доме; нельзя неженатому садиться на порог - никто за него не пойдет - *суксунское*, детей не будет - *карагайское*, невесту уведут – *александровское*). К табуированным зонам относилась также дорога (в традиции символ ухода, разъединения, даже смерти). Поэтому во время беременности женщину старались не отпускать одну далеко от дома, ей не разрешались дальние поездки (в связи с осмыслением дороги как опасной зоны беременная не должна была также контактировать с рядом атрибутов дороги: ей нельзя переступать через дугу и хомут, оглобли, вожжи, перелезть через сани. Подобные запретительные табу были особенно актуальны во время первой беременности, их исполнение играло роль своеобразного посвящения в женщину.

В массе историй фиксируется устойчивый сюжет о том, что имен-

но беременные легко могут получить порчу: «*Ветром** налетит. Раньше часто было, без штанов ходили, а счас не слышно, бабы в штанах ходят. Попадет ветром, и баба родит мыло, или голик туда посадят, или полено даже» (д. Андреевка). «То кусок мяса родится и еще с глазами или мыло. По злости порчу ей посадят. Раньше без молитвы из дому не выходили. «Господи, Благослови!» - долго ли сказать-то? Ведь порчу и на имя пускают и просто, ты не виноватая ни в чем, а порча на тебя попадет, и голик рождается» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р.).

Источником болезни роженицы, по некоторым свидетельствам, мог быть и сам младенец. «Рожонка может сильно болеть от ребенка. Вдруг начнется такая зевота, голова заболит. Пока тебя кто-нибудь не сбрызнет с молитвой. Это плохая штука. Есть у ребенка такой взгляд» (с. Зуята).

Роды.

Исключительность ситуации родов подчеркивалась разнообразными средствами, среди которых – скрывание родов. «Беременная уйдет рожать, спросят, куда *поехала – в Москву** де. Почемуто-ся не говорили, что рожать. В Москву де поехала» (с. Троицк). Выражение известно в других говорах Прикамья и основывается на осмыслении Москвы как одного из святых мест, в которых и локализуются потенции жизни. «Прежде чем рожать пойти, никому нельзя говорить. Как можно чтоб меньше знали люди, что рожать человеку. Если больше народу узнает, за каждого человека надо промучиться. Если стара дева узнает, дак особенно тяжело будет рожать» (с. Бым). Считалось, что особенно тщательно надо скрывать роды и беременность от свекровок и от матерей, от старых дев. «Вот если стара дева встречу попадет, плохо рожать тебе будет, мужик – дак легче» (с. Калинино).

Трудные роды преодолевались молитвами («Я на церкву молилась, чтобы Бог помог родить поскорая»). Активно исполнялись нехитрые приёмы – «Ребенок не идет и все, у меня уж и потугов нет. Тут сестра принесла сахар – кусай со всей силой. Я стала кусать,

и потуги стали» (с. Насадка); «Я зубы нажимала. Как у женщины потуги начнутся, нажимай на зубы, чтобы скоряя родить» (с. Серга). Бабушка-повитуха, помогая роженице, массировала, прогревала ей живот: «А чё - помогала, баню затопит, тряпку горячую нагреет и на живот».

При трудных родах обматывали живот роженицы полотном (широким полотенцем) и туго натягивали концы. «Роженицу, которая трудно рожала, заставляли встать на голову и потрястись маленько – плод-от и поправится» (с. Троицк). Распространенным способом облегчения были роды стоя (мода на стоячие, или вертикальные, роды как более лёгкие периодически возникает, как известно, и в наши дни).

Сверхъестественные свойства новорожденного подчеркивает мистическое восприятие последа, оболочки зародыша. У многих славянских народов рожденный в «рубашке» ребенок считается наделенным особой силой; это герой, способный бороться и побеждать врага как реального, так и мифологического. Оболочку, в которой рождался ребенок, прятали с особыми предосторожностями («Послед в землю закапывают, в огороде хоть, чтоб никто не растаскивал»; «закопают, где не ходят, не пашут»). В отдельных случаях его относили на кладбище (традиция хоронить послед по ритуалу известна до сих пор некоторым финноугорским народам). Рубашку, особенно если в ней родился ребенок, старались хранить, иногда её давали с собой уходящему на войну: «Говорят, что, если ребенок в рубашке родился, рубашку сохраняют. Её сушат и за иконку кладут. А на войну если пойдет парень, то ее в мешочек зашивают вместе с иконкой Спасителя и молитвой» (с. Ленск).

Бабы муки.

Феномен *бабы муки** хорошо известен в русской традиционной культуре. Еще в XIX в. фиксируются сведения о «мужских» родах (которые или испытывались мужчиной по-настоящему, с болевыми ощущениями, или ритуально изображались во время родов его

жены¹). Такого рода муки насылались колдуном (а иногда и самой женщиной – чаще как наказание за супружескую неверность), в Прикамье известны магические способы перевода родовых мук на мужа уже в свадебном обряде (перешагивание через мужа в первую брачную ночь со словами «мне рожать, тебе мучиться»). Считается, что представление о мужских родах есть попытка сделать социально управляемой неконтролируемую женскую физиологию. Поскольку с бабьими муками связывается прежде всего рождение первенца, обряд можно считать и своего рода инициацией, изменением социального статуса мужа.

Рассказы о бабьих муках подчеркивают идею наказания таким способом неверного мужа: «Беременная может свои муки мужику передать. Я в больнице слышала, одна женщина рассказывала. У меня, говорит, мужик захворал, прямо его ворочает, говорит, он и полотенцем живот связывал, под кровать лазил, и на печь, везде, везде. Потом говорит - поехали в больницу. А врач здесь строгая тогда работала, всех знала. Заходит и говорит: «Бл..овать не надо!» Приехал снова домой, полазил, полазил так-то, и вытошнил. Потом только узнали - муки-те сделаны были» (с. Калинино). Некоторые из них бытуют уже только на уровне «бывальщинки»-анекдота: «У мужика из деревни Сырой баба родила, и пошалил что ли кто. Едет на телеге, охает: «Я сырой, мужики, сырой!» Ему говорят – надо де обсохнуть. А *сырой** – значит после родов. Котора баба родит, в карман, значит, подложит че-то, пакостит, а мужики маются» (с. Насадка). В целом же это представление сохраняется лишь в памяти пожилых – «Теперь вот дело прошлое, а я помню, в каждом поселении были свои обычаи. Раньше так бывало: женщине надо рожать - они спокойные, а мужики маются. Такой что ли порядок был. Колдовали там или чё – не знаю» (с. Калинино). В отдельных случаях фиксируется представление о напускании родовых мук на небеременную женщи-

¹ Баранов Д.А. Мужские «роды» (этнографический факт и его интерпретации). - Мужской сборник. Вып.2. Мужское в традиционном и современном обществе. М.: Лабиринт, 2004. С.137 – 140.

ну: «Бабы муки сделались у моей подруги, она помидорку съела у соседки, и ее завертело, закрутило, температура стала, и потуги, и всё. Потом я нашла баушку, та её отговаривала: от восхода солнца и после захода солнца, маслом сливочным поила, наговорит и подаёт» (д. Андреевка).

Приняв роды, бабушка-повитуха в первую баню парила ребенка, правила ему суставы, при необходимости головку («Если лоб широко широкий, сжимают его ладошками, суставчики разминают») (с. Троицк). После родов в течение сорока дней роженица оставалась изолированной от общества. В это время устанавливались максимально тесные контакты новорожденного с матерью, что и давало им возможность привыкнуть друг к другу, открывало у родившей чувство материнства.

Считается до сих пор, что для недавно родившей «сорок дней ворота на тот свет открыты»; «крышка гроба сорок дней открыта» (с. Ленск). Все это время женщина и считалась *сырой*: «Родила женщина, пока молитву в церкви не возьмет, ребенка не покрестит – она считается нечистая, *сырая**» (с. Калинино). Обычай «брать молитву» известен и православным, и старообрядцам, вероятно, он связан с идеей христианского первородного греха и наказания человека, обреченного воспроизводить земной род в страданиях и муках. Представление о шестинедельной послеродовой нечистоте женщины требовало, чтобы весь этот срок за неё молились родные. В православии родившая не имела права посещать шесть недель церковь, а у старообрядцев она не должна была молиться, читать молитвы и даже зажигать свечи.

Каша и крестины.

Два крайне значимых семейных торжества по поводу рождения – родины и крестины. Родины (каша) устраивались обычно на третий-четвертый день. «Рожонка лежит еще, на третий день с пирогами приходят» (Калинино). В нынешней практике нечто близкое к обряду *каша* проводится для роженицы уже в больнице: «Свекровушка

мне, когда я рожала, в больницу шанги принесла. Ходят на роды в больницу, что-то надо принести» (с. Троицк). Обычно же на кашу собиралась родня после возвращения из больницы – с подарками молодой маме и ребенку. Пришедшие обязательно приходят с пирогом (в наши дни с тортом), обязательно также совместное чаепитие, во время которого и высказываются пожелания-напутствия матери и ребенку.

Крещение считается вторым, уже духовным рождением человека. Оно проводилось через несколько дней после рождения и было обязательным («Если некрещеной умрет ребенок, грех родителям» – Троицк; «Даже не брались водиться которые баушки, если узнают, что ребенок некрещеной» – Калинино). Кроме обычного крещения в церкви, еще в недавнем прошлом использовалось домашнее крещение *погружением**. «Бабушка погружает в святой воде, как батюшко крестит. Если церкви не было у нас, дак погружала кака-нибудь *знаюшша** старушка. А потом этого ребенка, говорят, уж боле не крестят. Он погруженный» (с. Бым). Термин *погруженный* вполне эквивалентен слову *крещеный* («Раньше все дети погруженные были, а потом не стали крестить» – Ленск). Как известно, греческое обозначение крещения («ваптисис») буквально переводится как погружение; в христианстве (особенно в старообрядчестве) крещение троекратным погружением было осмыслено (в отличие от поливального крещения) как символическая смерть Христова и Его тридневное воскресение, непосредственно соотносилось с крещением в смерть Христову, которое единственно и давало бытие и существование в православной вере.

Крестные родители несли особую ответственность за крестника. «*Восприёмная** крестная как вторая мать крестнице-то, мать не отвечат за ребенка столь, сколь хрёстна» (с. Серга); «Крестна мать – вторая мать. Подарки крестнику дарит. Говорят, что крестный отвечает больше, чем мать, за все грехи» (с. Бым).

Детские болезни.

Ритуализованный характер носило избавление маленького от болезней. Одно из наиболее устойчивых до сих пор представлений о детских болезнях – вера в *кочергу**, болезнь младенцев, когда на его теле появлялась особая сыпь (считается *родовой* болезнью: «Родовая болезнь, колючка у маленького, колется тело, не спит ребенок. Не выведешь, носки будут быстро носиться, если на шее – воротник быстро носится» - Зуята). Само название болезни метафорично и связано с её проявлением – ребенок гнется, *ёжится*, *корежится*. Впрочем, тот факт, что слово *кочерга* в других русских говорах используется и для называния более тяжелых болезней (типа эпилепсии, родимчика), позволяет предполагать, что значимы для называния болезни и мифологические коннотации изогнутой печной клюки, что речь в данном случае идет не только о искажении-искривлении тела ребенка, а о изогнутости как устойчивом атрибуте нечистой силы и принадлежности больного к потустороннему миру¹. Возможно, значим и тот факт, что *кочерга* – это еще и распространенное антидемоническое средство. Используемые приёмы лечения болезни, напоминающие ритуал (смывание *кочерги* в трех банях, в том числе материнским молоком, вытирание волосами матери) также косвенно свидетельствуют, что эта болезнь может быть осмыслена как нечто «нечеловеческое», пришедшее из потустороннего мира при рождении (ср. близкое, практикуемое в переходных обрядах смывание с невесты дивьей красоты, обмывание покойника как удаление, нейтрализация всего, что связано с жизнью, очищение его от земных грехов).

Бытуют разные объяснения причины болезни. «*Кочерга* – это первая кожа у ребенка, она сходит, первородная, просто грубая. Надо проще помыть получше, и отстанет» (с. Троицк). «*Кочерга* больше у парней бывает. Если не убрать *кочергу*, тело шершавое будет. Вот угрины-то - у которого человека *кочерга* не убрана, обязательно

¹ Баранов Д. Образы вещей (О некоторых принципах семантизации). – Антропологический форум, №2. - eu.spb.ru/anthropology/002/02_3.

лицо некрасивое. *Кочергу*-то уберут, лицо-то прямо как шелковое» (д. Талица). Наиболее типичны следующие объяснения последствий нелеченой *кочерги*: «На руках на ногах у сына *кочергу* не собирала, дак он беда мохнатой»; «У маленького не выведешь *кочергу*, дак тело сделается как рыбье, шелушное. Только нужно успеть, пока он маленький - трех месяцев, двух. А если не убрать, потом тело будет как щетка. Обнимет жених невесту и будет обдирать. У нас вот соседка – мужик спать с ней не может, пока она чулки не оденет. Вот у парней-то со спины, а у девок с рук, с ног, со спины, даже и на ушах бывает» (с. Калинино).

Приемы лечения болезни широко варьируются, хотя в основном заключаются в её *вытирании* и *смывании*. «Возьмешь медовый колобок, из меду, ну, такой густенькой. И как она выйдет эта *кочерга*, шоркайте. В бане надо нашоркать этим колобком, потом накрывают тряпочкой и парят через тряпочку, и вот она выходит. Собирают ее, она на медов-от колобок выходит, и ее нету уже». «Выводят *кочергу* и на грудное молоко. В баню придешь, насцеживаешь прямо на тело, размажешь, пеленкой прикроешь и паришь веничком. У кого-то на дрожжи выходит *кочерга*, у кого-то на мед, у кого-то на молоко материно» (с. Юговское). «*Кочергу* как вытирали - молоко грудное сцидишь стакан и немножко муки. Положишь ребенка и всего обмажешь. И закрыть пеленкой ли, полотенцем ли. Выступает как вот щетина». (с. Калинино). «*Кочергу* гущей выводили. Вот сплошная гуща от кваса. Ей натрешь в бане, начнёшь парить ребёнка, и там как щетина выходит. Бани три подряд попарить и всё пройдет» (с. Серга).

«*Кочергу* выводят веничком маленьким, трут маленького с кислым тестом. В веничек нарощно *блущничку** клали» (с. Троицк). «*Кочергу* соберешь с маленького в бане медовым колобком, потом тело-то смывашь своим молоком и волосами натрешь своими» (с. Калинино). Лечение волосами особенно показательно: волосы концентрируют жизненную силу (ср. также название *кочерги* в чайковских говорах *волосы*).

Более опасная болезнь маленьких – корь, осмысленная также мифологически. «Корь – надо в красную тряпку заматывать ребёнка. Вот у меня совсем маленькая дочь была, дак я её полностью как в пелёнку завертывала месяца три» (д. Пешкова). Верили даже, что красная ткань обязательно должна быть в доме: «Красное сукно очень полезное, хоть маленький кусочек надо в доме держать. Потрешь ребенка, помогает. Корь - хорошо помню, что корь и оспу закрываешь красным». Аналогичным образом лечили рожу («Я слышала, рожа какая-то болезнь есть. Тоже какая-то покраснение. Дак вот ее красным сукном прикрывали»). Больному краснухой ребёнку также клали в зыбку все красное (с. Ленск). В этом случае имеет место прием симпатической магии – лечение подобного подобным. Использовали для лечения краснухи также отвар крапивы, которым мыли маленького.

Пожалуй, наиболее сложные обрядовые манипуляции проводились при лечении *собачьей старости** (народное, широко известное в Прикамье название детского рахитизма или атрофии; название болезни содержит указание на наиболее распространенный способ нейтрализации болезни – перенесение её на собаку). «У нас был, она как последняя родилась, а мужик первый родился. Дак они чё-то делали. У одного парня там в деревне, у него брюхо большущее было. Осину раскалывали и по этой осине, между дерева, продергивали его, с какими-то приговорами. Дочь ему подаёт через середину расколотую-то и чё-то приговаривает, он потом подаёт ей, тоже чё-то приговаривает, и так три раза» (с. Зуята). «Старший ребенок в семье подает, младший принимает. Самый первый ребёнок в семье, и я – последняя, так делали» (с. Серга).

Отправление болезни на осину, как и обереги от болезней из осины, известны многим народам (в Прикамье до сих пор популярностью пользуется «осиновая таблетка» – спил ствола осины, который от головной боли кладут под подушку). Осина использовалась также как средство от детской бессонницы: «Чтобы сон у ребенка был, надо класть под подушку осиново полено с корой. Чтoб молодиньякая

осина. Или хоть веточку отлomiшь в лесу, принесёшь – и под подушку, где головушка» (с. Калинино). Эти поверья связаны с представлением о том, что «в осине живет черт», что «осина - проклятая лесина». В целом же приведенный выше способ лечения собачьей старости связан с так называемой «пронимальной» магией. Он мог проводиться и как проницание через дупло дерева (больных либо протаскивали сквозь полое отверстие в стволе, либо погружали в проем). В этом случае легко реконструируется идея «перерождения» (полые деревья связаны с символикой материнства). В Прикамье (как юрлинское) отмечено исполнение похожего обряда пролезания сквозь расщепленную посередине ветку ивы, которое совершалось, если человек заблудился.

Другая форма «пронимальной» магии – продевание больного через отверстие в земле и большой калач. «Я вот у одной принимала сына, крестник мой. Выкопашь ямку в бугорке насквозь, землю вынешь – чтобы с той стороны и с этой – и калачик большой испекёшь. У выхода калачик ставили. Через калачик его продергивали, чтобы был только первый и последний в семье. Первый подаёт, а последний принимает, и три раза через калачик. Потом калач собаке скормить. Парень, дак кобелю, девка дак суке. Это на меже дыру делали и сквозь нее продергивали ребенка» (с. Серга).

Известный способ лечения собачьей старости – перепекание младенца в печи. В Кунгурском районе фиксируется контаминация этого способа с проницанием: «Истопят печь, две ямки выкапывают, бабушка одну считает живая, другая как мертвая. Ребенка заталкивают в печь, с молитвами какими-то, молятся, достанут в пеленочке из печки, и бабушка спрашивает – в котору ямку положишь. Мать сама определяют. Если выберет мертвую, ребеночек жить не будет» (с. Тихановка).

Из других болезней в крае верят в полуношницу («*Полуношница*», это когда ребёнок ночью не спит, а днём спит. Ребенок мешает день с ночью, не спит, носишь и носишь его. Говорят, траву блушницу надо в качалку такому») (с. Ленск). При лечении весенней лихорад-

ки (*веснухи**) прибегали к старой обрядовой процедуре: «Веснуха – ребенка весной подавали в окно, не в дверь выносили, а подавали, который болеет. Старушки кто-то приходил делали» (с. Троицк). Подобное лечение опирается на устойчивое представление о том, что окно как переходная зона от своего к внешнему связывало человека с Богом и миром предков - оно аналогичным образом использовалось для выноса покойника-колдуна, для захода в дом в новоселье. Считалось, что эта манипуляция помогает обмануть смерть и враждебных духов.

Широко распространена и до сих пор активно применяется знахарская практика «загрызания» или «зачерчивания» болезни (сучком, *нахожей* костью животного, особым камнем - так называемой громовой стрелой, часто просто безымянным пальцем) грыжи: «Если *грызет** у маленького, бабушка зачерчивала. Круг сука так водила, заговаривала и чертила. Сук поделат, потом так же пуп поделат» (с. Калинино); «Когда грызет, пуп ли, пах ли, звали бабушку загрызать. Она как погрызет, пошепчет-пошепчет, так сколь-то дней поделат, и снимат боль» (с. Серга). «Если у маленького грызёт, дак заговаривали. Баушка уголь еще сохватит, кость такая была у нее от скотины, ей лечила. Брус ещё такой. И костью, и брусом с шепотками водила: «Он не принимает ни хвори, ни боли, и чтобы у тебя не было» (д. Мягкое Поле).

До сих пор в народной традиции устойчивы поверья о сглазе, порче, уроках (*уроки** – от *урочить* портить колдовством, ср. древнерусское *урочить* накладывать на кого-л. уроки-обязательства). Эти поверья можно рассматривать как проявление запрета на излишние контакты с посторонними, на сохранение границ своего, материнского пространства. Способы лечения сглаза, порчи и уроков у маленьких широко варьируются. Чаще всего от сглаза, уроков, чтобы их предупредить, сыпали младенцу на темечко щепотку соли (или *солинку*). «Соление» младенца широко применялось и при лечении физических недугов, и сглаза; связано оно, скорее всего, с наделением соли апотропеическими свойствами, ср.: «Солью посыпают ма-

ленького, если он плакать начинает, когда много людей. Сам человек скажет, который придет, что урочливый он или нет. Если урочливый, обязательно скажет – посоли ребенка-то» - Троицк). Впрочем, защитные свойства соли использовались и в других случаях: соль сыпали ребенку на темечко, если он долго не говорил или говорил «нечисто» (с. Ленск).

«Просыпаешься утром и своей *перегорелой** слюной ребенку темечко помажь. Это от сглазу. Этой слюной и болячки можно сушить. Пока ниче в рот не брал только чтоб» (с. Калинино; слюна после ночи широко используется в народной традиции и как средство от мозолей, лишая, как апотропеическое средство – чтоб плохой сон не сбылся, надо собрать с себя *перегарную* слюну с ночи и помазаться). Чтоб ребёнок не урочился, его старались не показывали посторонним («Лишному не показывай робёночка, чтоб не изурочить»). Прежде чем лечить маленького, старались удостовериться в том, что у него действительно уроки. «Вот зеваает ребенок, часто потягается, температура у его. Воду горячую поставят в чашку и в нее уголек бросишь горячий. Если он не тонет, значит, уроки, а тонет, нет, не урочливость. Другой раз, если не помогают, ребенка урочливого бьют даже перекрестят, еще раз перекрестят» (с. Троицк).

Крайне распространено лечение уроков сбрызгиванием. «Бывает такое, что сглазят ребёнка. Я три ложки вымою в чашке, потом через три скобы надо пройти. Ложку воды через скобу-то пропустишь, её обмакнёшь – и через скобу, чтоб вода-то со скобы обратно стекла в чашку. Вот первая скоба, там вторая скоба, навстречу которая, а там третья, встречная. Вымоешь, этой водой прыснешь. Сёдня сделаешь, завтра сделаешь, и поможет» (с. Серга). Для этой же цели используется вода с девятью угольками, вода со стола и из-под ложек: «От уроков лечишь - уголки вымоешь у стола, крест-накрест каждый, воду эту соберешь, в ей ложки перемоешь, и раза три этой водой сбрызнешь. Прочитаешь «Отче наш» и брызнешь, чтобы ребёнок *скольхнулся**. Воду в передний угол потом выливать» (с. Троицк). Другие обрядовые приёмы лечения детских болезней также доста-

точно колоритны. Рыбка, найденная в пойманной хищной рыбе, использовалась при лечении маленьких от недержания мочи: «Возьмут *заглотыш**, его скормят маленькому, он перестанет под себя мочиться» (Калинино). При лечении сильного расстройства желудка могли использовать землю с рассадника: «Вот раньше от поноса лечили - рассадник был, с рассадника землю брали, щепоточку в воду бросили и этой водой напоили, не мешали, ниче. Капустный рассадник. Если к житью, будет легче. А ежели ко смерти, дак умирали» (д. Мягкое Поле).

Одно из крайне значимых понятий родильной культуры – страх. Специальные обрядовые средства (например, запреты, рассмотренные выше) призваны снять страх у матери перед беременностью, родами, и точно также особые приёмы блокирования страха за ребенка выработаны в народной культуре для регулирования поведения детей. К ним прежде всего относятся так называемые *бабьи запуки** (из *запуги* – от *запугивать*), тексты, с помощью которых у маленьких намеренно создавался страх - для укрепления управляющего воздействия на его поступки, для поддержания границ материнского пространства. К образам страха относятся те или иные животные (чаще всего волк), представители другой культуры (татарин с мешком, цыган). «Маленьких цыганами пугали. Раньше ведь воровали цыгане ребят, вот их и боялись. «Вот, щас цыгане придут, отдам тебя цыганам» (с. Серга). Нередко пугали маленьких местными жителями, которые имели те или иные физические недостатки: «Провинишься, так у нас пугали одной бабкой. Она немая, ниче не говорит, только: «Прррр! прррр!» Она маленьких детей любила, а ее боялись. Вот я че-нибудь зареву, дак мама говорит: «Щас вот я тебя *пахоруккой** бабе отдам». Ну, я залезу на полати, в угол спрятаюсь и реветь перестану» (с. Насадка, зап. от А.Ф. Пешковой, 1931 г.р.). В приведенном примере имеет место использование в *запуках* уродств (пугали маленьких также хромыми, деревенскими дурачками и пр.). При запретах уходить одному в лес рассказывали истории типа следующей: «Один мужик пошел в лес, дескать, по грибы и потерялся.

И потом долго, годы-годы-годы его не было. А когда явился домой - у него даже ногти уже вросли в тело».

Применение регулирующего страха могло подкрепляться инсценировкой, когда роль того или иного зловредного духа играл кто-либо из взрослых (надев вывернутую шубу и спрятавшись между гряд, намазавшись сажей, нарядившись в лохмотья и поджидая детей в том или ином неположенном месте, например, за деревней). «Како-то чучело поставят в огород, чтобы мы горох не воровали, а мы по площадке ходим и едим. А большие нам говорят: «Вот, оно тебя поймает и задавит». Так и боишься, тихонько идешь, выбираешься по борозде, по гороху, шарить рукой, шарить. Где-нибудь в картошке спрятаешься да и ешь» (с. Калинино).

Устойчивый элемент создания регулирующего страха – использование мифологических сюжетов при мотивации запретов самостоятельно уходить в лес, в поле, на реку: «Меня вот стращали всё: «Поди-ко туда, за деревню, дак тебя *полуденка**!» Я вот боялася все, что полуденка меня там какая-то поймает» (с. Калинино). Полудница в славянской мифологии (в других говорах ржаница) - дух хлебных нив и полей (ср. польск. *poludnica*, чеш. и словац. *polednice*, словен. *poludnica*), одна из ипостасей полуденных духов, известных с античности (в традиции беспоповцев-староверов было даже принято творить в полдень молитву на изгнание «беса полуденна»). Фактически же за этим персонажем скрывается олицетворение солнечного удара, вызванного им помрачения, обморока.

Часто пугали *бабаем* (фантастическое существо в образе старика). Специфический мифологический персонаж – рыба с детородным органом: «Пугали маленьких – не ходите купаться, там п.рыбица под мостом сидит. Она вас утащит» (с. Юговское).

Игры с детьми и игры детей.

Укладывание ребенка спать сопровождалось укачиванием его в *зыбке-качалочке** («Вот зыбочка у нас старинная, качалочка, ребенка туда, и качашь, наговаривашь – «*Кокаю** да кокаю, я тебя поо-

каю*» - Тихановка). Известно, что качание ребенка в колыбели было не просто средством усыпления. Одновременно это и завечание, загадывание будущего, величание, направленное на преобразование ребенка, поскольку сон для ребенка и есть рост. Пример местной колыбельной – песня «Оеньки-аеньки»:

Оеньки-аеньки, там ребятки маленькие,
Они бегают, режут, Мите спать не дают.
Придет времечко-пора, разбужу тогда тебя.
Разбужу, снаряжу, на коня посажу,
На коня посажу и гулять отпущу.
Дам те маленькой кнуток, поезжай хоть на восток.

(с. Калинино, зап. от А.Я. Мироновой (Анкудиновой), 1916 г.р.).

При играх с маленькими использовались распространенные, известные шутки с детьми: «Сорока-ворона на порог скакала, гостей *намекала**, не придут ли гости, не сварят ли кашку, не наложат ли в чашку». Наговоришь и пощечкочешь маленького». Другой пример - детская потешка «Кысонька-мурысонька»: «Ты, кысонька, ты, мурысонька, ты куда ходила? - Да к бабушке. - А чё там ела? - Оладушки. - Принесла ли мне? – Пойди, в сенях на *полчке**, в синенькой тряпичке. - Где-то нету-ка. Собаки уташили. - А где собаки? - В лес убежали. - А где-ка лес? - Огнем сгорел. - А где огонь? - Водой залили. - А где вода? - Быки выпили. - А где быки? - В гору ушли. - А где гора? - Черви выточили. - А где черви? - В треску ушли. - А где треска? - Девки выловили. - А где девки? - Взамуж выскакали» (с. Калинино, зап. от А.И. Вопшиновой, 1928 г.р.).

Игры девочек «моделировали» взрослые занятия. «Летом на улице клетки делали, в клетках играли. У всех клетки были. Досочки делают, тут и играешь, и стряпали, и все и. Стряпали шаньги из глины, куклы из глины тоже тут делали, ставили» (с. Кинделино). «Играли в *чечки**, в клетках. Чечки – это битая посуда, осколки. Разложишь как на прилавке. Тут и весы, вместо гирек галечки возьмешь. Из глины-то че-нибудь стряпали. *Мелкое** – ну, вот моркошка, калечка, репа, дак тоже нарежешь, тоже будто торгуешь».

Игры в куклы имели свою специфику «В куклы играли девчонками. Куклы сами шили - лучиночку возьмешь, ее всю обвесишь тряпочками, на головку кудели, косы сделаешь, платочек оденешь. Полосочки так тут сделаешь, нарисуешь глаза, рот. Играем, хоть дома где, на подоконнике. Кроватей наделаем из спичельных коробков» (с. Кинделино). «Нам кукол шила мама, мы их называли просто матрешками. Из тряпок, *рямки** какие-нибудь - голова из тряпок, ноги из тряпок, руки из тряпок. Нарисуешь глаза, руки, ноги пришьешь, волосы сделаешь из кудели» (с. Калинино). Иногда изготовление кукол поручалось местным мастерицам: «Тут у нас Катя одна была – она нам шила кукол. За одну куклу чашку-плетенку картошки. Ничё куклы были, баские. Лицо такое долгонькое, покрашенное. Косы заплетены, платье баско... А потом уж стали в магазинах появляться головки. К этим головкам сошьешь туловище, ваты набьешь да, руки, ноги сделаешь. И какие-то имена придумывали им» (с. Серга).

Подвижные игры детей разнообразны. «Мы маленькие в *черту** играли. Нарисуешь мелом на дороге квадратики и скачешь на одной ноге. Сначала дак так просто, а там уже перескочишь. Там домик как сделаешь, домик надо перескочить. Там завоюешь домик, этот домик перескочи, и дальше. Потом другой». Среди подвижных игр была распространена игра в *палку*, или *чур-палку** (разновидность игры в чижа), в бабки: «В детстве мы играли в палку. На колышек надевается деревяшка такая, чижик назывался. Надо было палку бросить и сбить. Чижик-от на колышке. Ставишь колышек, а чижик застроганный, на колышек одевается. По колышку стукнешь на расстоянии, и этот чижик отлетит. И кто вперед поймает».

«*Лутошками** играли - липовые лутошки нарежешь, разрезаешь пополам, как пешки такие. Потом была как бы куча большая, *каша*, её бросишь, и которые лутошки встанут на попа, которые лежат. Их пальчиком сбиваешь - кто больше выбьет, тот победил». «Играли маленькие как - на горе, у церкви в *ярки**. Вот с коровы шерсти надергаем, такие вот *масики** накатаем-накатаем и повесим. Вилочки сделаем и катаем эти масики*. А правила - вот это я уже забыла.

Помню, что у каждого был свой шарик. Вилки у каждого, штук десять, наверно» (с. Калинино). (Название игры, описание которой, к сожалению, слишком неконкретно, возможно, образовано или от глагола *еркнуть* ударить или от названия молодой овцы *ярка*).

«На горе игра была, *крестик** назывался. Шесть столбов было. Мы уж, наверно, каждый день в этот крестик бегали играть. Одна стоит в середине, а все мы стоим у столбиков. Она стопат ногой, мы должны перебегать. А она должна кого хватать, чтобы туто оставить. Если никого не успеет схватить, дак опеть сама туто стоит». Распространенная у маленьких детей хороводная, с песней, игра «Утка» была заимствована у более взрослых. «Вот поют: «Утка шла по бережку, серая по крутому, деток вела за собою. Детоньки, погодите, матушки, подождите. Я схожу во швальню, в ту избу большую. В той избе во швальной шьют порты портные, пуговики золотые, петельки шелковые». Это кругом ходили. Все ведем друг дружку за ручку, нас ведь много, малышат-то. Такой цепочкой, как утка с утятами. А двое стоят вот, как ворота. Мы проходим все туто. А потом в конце-то: «Утка утенка поймала, серого серенка поймала». Которого-нибудь схватит успеет. Руки опускают, и тогда последнего должны *имать**. Он должен проскочить в эти воротца, а не успеваеет и пойманный встает. Еще и загадывали. Вот двое стоят. Допустим, один – конфетка, другой – пряник. Вот этого утенка поймают, спрашивают: «Тебе конфетку или пряник?» Он скажет: «Конфетка». Если я конфетка, он за мной встает, а если пряник, то он за ней. Кто больше наловит таких утят».

Представленные в разделе материалы демонстрируют своеобразные механизмы регуляции поведения всех, кто приобщен к культуре детства, раскрывают основные ритуальные функции участников обрядов семейного цикла, связанных с детьми. Многие аспекты культуры детства в предложенном описании остались лишь намеченными - обрядность имянаречения, собственно детский фольклор, детские игры. Эти сферы мифологизированы и ритуализированы уже в меньшей степени.

2. Проводы в армию

Обряд, некогда достаточно развернутый и детализированный¹, во второй половине XX века предстает уже во фрагментах, которые тем не менее в Кунгурском районе имеют свою специфику и колорит. Исполнение представленных ниже разнообразных обрядовых предписаний имело важное психологическое значение. Оно позволяло снять излишнюю эмоциональную напряженность и с новобранца, и с его родных и близких, делало событие не просто запоминающимся, а исключительным. Сами информанты ощущают близость обряда проводов в армию к другим обрядам, связанным с изменением статуса задействованного в обряде, в частности, к свадебному. Отсюда и частушечные аналогии рекрута и невесты: «*Повезли меня в солдаты, как невесту от ворот. Заревела моя мамонька, заплакал весь народ*».

Призывнику полагалось определенное время (от двух недель до месяца) гулять (*некрутить**). «*Целый месяц парень некрутит, по родне ездит, гулят с друзьями, как он же. К тетям, дядям едут, с гармошкой, на гармошках платочки повешаны, ленточки*» (с. Серга). Повсеместно в районе отмечается как устойчивая следующая деталь: на проводах гармошка обязательно украшалась ленточками и носовыми платками: «*Парней в армию провожали – ленточки на гармошку обязательно вешали*» (д. Зуята, зап. от Ситниковой В.К., 1930 г.р.); «*Парней провожали, на гармонь через меха крепили резинку, на неё все девки платки навешают. Гармонь играет, резинка-то растягивается, и ленты, платки вместе*» (д. Зарека).

Наиболее заметные обрядовые манипуляции связаны именно с носовым платком; платочек в народной традиции – устойчивый символ печали и расставания. «Делали парням платки из белого коленкора или там был другой матерьял батист. Обвязывали платки цветными нитками. Девочек нас было много, всем мальчикам дарили платки. Они уходили - махали нам платками. А то все платки девочки себе».

¹ См. реконструкцию обряда в его прикамском варианте: А.М. Белавин, И.А. Подюков, А.В. Черных, К.Э. Шумов. *Война и песня*. Пермь, 2005.

рем в кучу, наберется, может, штук пятнадцать-двадцать, на булавочку сколем и даем тому парню, которого провожаем» (с. Калинино). «Девки сами вышивали платки, надписи делали всякие, он их соберет и все приколет на грудь в одном месте. Ещё ленточки на грудь весили - каждая барышня. Платков много станет, их сделают в узел, свяжут друг с другом за концы. Они обвязаны нитками цветными, кружавчиками обделаны» (с. Серга). «Парень сколько девок соберет на проводины, столько ему платков и подарят» (д. Пустынники). Когда рекрут со всей своей родней, со всеми гостями идет по деревне, каждый в деревне, прощаясь, также вручал ему платочек (дарили и деньги, нередко с бумажником). Кроме особых прощальных платков, девушки дарили парням кисеты: «Девки кисеты шили, табак класть под махорку. Вышивали имя его на кисетах» (с. Юговское).

«С собой в дорогу собирали котомочку: еду, курево положат, котомочку мать собирала» (с. Калинино). «А на войну если пойдет парень, то в мешочек зашивали вместе с иконкой Спасителя и молитвой немного земли. Иконку ему и в портмоне зашивали, потому что одежду всю отберут, а портмоне останется. С собой давали еще ложку, кружку, полотенце» (д. Кузино).

«Крестики, молитвы вшивали в воротник. Есть *знаменуемая** молитва – её с собой надо на службу брать. Списывали молитву на ленту и пришивали к одежде. Хранили всю службу» (с. Тихановка). Упомянутая *знаменуемая* молитва, скорее всего, та, которой *знаменуют* (т.е. символически благословляют) – в данном случае на бой, на сражение.

«Проводины делали, оплакивали, кто уходит. Парень уходит в армию – благословение родителей самое главное» (с. Серга). «Благословят парня родители с иконкой. И в церковь бывает ходят. Как вот раньше в свадьбу падали в ноги, и в армию идут, тут тоже родителям в ноги падает призывник» (с. Калинино). «Благословляли - у многих именные иконы свои были, они из поколения в поколение передаются. Именная - это на имя. Благословляют когда, на голове так вот икону повертывают, по солнцу, с молитвой» (с. Калинино).

Благословляя иконой, крестили новобранца, обычным пожеланием были слова «Ступай с боушком».

Перед выходом из дома призывнику велели посидеть на лавке. «Из дому парень выходит, снимает шапку и на стол ее - это чтоб воротился. Выйдет, назад вернется, тогда уже шапку-то одевает» (с. Зуята). При выходе из дома новобранец бросал в передний угол шапку, за которой возвращался через некоторое время. «Всякие *запуки* делали – шапку кидали в угол» (с. Калинино). Чтоб солдат домой вернулся, из дома его выносили на руках, вдвоём. «Выносили в двери его товарищи спиной вперед: подхватят, как на скамейке, каждый берет за одно запястье, руки крестом». «Вот в армию пойдёт, некрут шапку на стол положит, потом возвратится за ней, чтоб вернуться. Ещё ведь бутылку зарывали. Пойдёт, заставят его зарыть бутылочку, чтобы, как вернулся, её нашёл. И волосы некрутам стригли, матери. Возьмут немножко и куда-то запрятуют волосы-те. Потом, когда вернётся, тогда убирают» (д. Зарека).

После выхода рекрута запрещалось убирать со стола, в этот день не мели и не мыли пол (с. Серга). «Дня три-то все равно уж не надо мыть-то. Из избы не надо выносить что-то, из избы ничего выносить не надо» (с. Ленск).

Если призывника отвозили на лошади, украшали конскую сбрую, на дугу привязывали ленты. «Вон Ваську Галузина отправляли, увозили на грузовой машине, и машину тоже украшали. Всё березами было обделано, с лентами. До самого Кунгуру так везли, с песнями, нас там еще милиция задержала: думали, шофёр тоже пьяный» (с. Бым).

Среди наиболее часто исполняемых на проводах в армию песен, как и повсеместно, в Кунгурском районе отмечены песни «Последний нынешний денечек» и «Как родная меня мать провожала». Любопытна также исполнявшаяся в недавнем прошлом песня «Вот пролетело красно лето» - достаточно развернутый по объему текст, устойчиво соотносящийся по своей образно-символической структуре с многими традиционными военными песнями.

В частушках, которые чаще всего и пелись на проводах в армию,

отразились многие детали обряда проводов рекрута (сборы котомочки, *провождальные** платочки, катания-гуляния призывников, обязательный вечер проводин). В них отложилась и память о том, что служба в армии могла закончиться участием в войне (отсюда тексты о Красной Армии, обещание «разместить до одной пылинки» фашистов).

Публикуемые частушки записаны от З.А. Богдановой, 1927 г.р., К.М. Польшгаловой, Т.Я. Мальцевой (все из с. Серга), А.Е. Букиревой, 1927 г.р., д. Зуята.

Последний нынешний денечек

Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя родня.

Заплачут братья мои, сестры, заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая, с которой шел я под венец.

Машина к дому подъезжает, колеса о землю стучат.
Колеса громко застучали, с коляски громко закричат.

Вставай, отец, бери икону, а мать, поставь хлеб – соль на стол,
Благословите напоследок, быть может, я на смерть пошел.

(с. Серга, зап. от Т.С. Лукиной).

Вот пролетело красно лето

Вот пролетело красно лето, пришла осенняя пора.
А мне сказали: «Собирайся, настала очередь твоя».

Пришла повестка мне явиться в большой военный белый зал.
Меня начальство осмотрело, и доктор «годен» мне сказал.

Вот ближе к дому подъезжаем, а мать встречает у крыльца.
Скажи, скажи, сыночек милый, куда зачислили тебя.
Меня назначили в пехоту, мене винтовочку дадут,
И завтра рано, часов в восемь, меня в солдаты повезут.

Вот по деревне мы проходим, девчата песенки поют,
А позади идут родные и горько-горько слезы льют.

Плачет мать, и плачут сестры, и плачет вся моя семья.
А в стороне идет и плачет, наверно, милая моя.

И подошла она, склонила ко мне головушку на грудь.
И тихо, ласково сказала: «Ты про меня, мил, не забудь?»

Тебя я, милка, не забуду, письмо всегда я напишу,
Быть может, еду я на время, быть может, жизнь свою сложу.

И вот пригнали нас в Одессу, знакомых нету никого.
Девчата ходят в белых платьях, а я вздыхаю тяжело.

Нас, товарищ, только двое, только двое, и оба мы в одних годах.
Меня убьют, тебя споранят, пиши на родину письмо.

Придет письмо с печатью черной, только черной,
заплачет вся моя родня.

Они заплачут, спогорюют и вспомнят мальчика меня.

Да ну какой же я вояка, ведь мне всего семнадцать лет.
В руках винтовка не бывала, и не умею заряжать.

Но там научат и покажут, как из окопов выступать.

(Записано в селе Серга от группы исполнителей. В комментарии исполнители отметили: «Эту когда провожали - пели. Один запе-
ват, а другие подхватывают хором»).

Частушки

Подхожу я близко к дому, дом невесело стоит,
Собрата моя котомочка, на лавочке лежит.

Некрута, вы, некрута, вам дорожка не туда,
Вам дорожка во прием, зелена крыша – новый дом.

Я в приемну шел с кудрями, из приемной без кудрей.
Я оставил свои кудри у приемных у дверей.

Некрута, некрутики ломали в поле прутики,
На дорожку ставили, по милочке оставили.

Погляди, родима мамонька, в окошечко на нас,
Не покатытся ли слезоньки горячие из глаз.

Самогоночка душиста в медну трубочку бежит.
Собирайтесь, ребята, в Красну армию служить.

Повезли меня в солдаты как невесту от ворот.
Заревела моя мамонька, заплакал весь народ.

Вы гуляйте, некрута, забретые головушки.
Не видать вам, некрута, родимые сторонушки.

Вы гуляйте, некрута, пока головка не брета.
Головушка обреется, совесть переменится.

Милый в армию поехал, ты возьми меня с собой.
- Ты молоденькая девушка, запросишься домой.

Милый, в армию поедешь, сделай вечериночку.
Буду петь, буду плясать, не выроню слезиночку.

Милый в армию поехал, мой платочек у него.
Ну и пусть он вытирается, любила я его.

Милый в армию поехал, он на Дальной на Восток.
Только я девчонка слышала от поезда свисток.

Милый в армию поехал да и мне наказывал:
– До приезда моего не влюбляйся ни в кого!

На Урале было весело, шумели елочки.
В это время отпраплялись в армию милёночки.

Ты не плачь-ко, моя мамонька, не плачь-ко обо мне.
Ведь не каждого солдата убивают на войне.

Пойдем, фашиста разметим до одной пылиночки.
Повоюем, к вам придем, молитесь Богу, милочки.

Мой-от милый на войне, он воюет на коне,
Он воюет где-то там, а я здесь дробы дам.

Глава III.

КУНГУРСКАЯ СВАДЬБА

В череде событий семейной жизни свадьбе отведено особое место; в культуре любого народа свадьба более всего наполнена ритуалами и имеет абсолютно доминирующее по сравнению с другими обрядами фольклорное сопровождение. Традиция свадьбы в XX веке существенно меняется («*какие годы - такие и моды*»), современная свадьба коренным образом отличается от традиционной, она теряет многое из магической ритуалистики и символики, свертывается и редуцируется в обрядовых эпизодах. Местные жители иронично говорят о нынешней свадьбе: «Раньше свадьба была дак свадьба - с приданым, с игрой, а теперь - свадьба в Малиновке токо, комедия. «*Всё де сами, как купим и наживем, так и свадьба будет*», - молодёжь-то так говорит. А надо от родителей ведь» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р.). Безусловно, такая оценка вытекает из традиционного понимания свадьбы как семейно-родовой обязанности. Старые люди особенно не одобряют нежелание нынешней молодёжи играть свадьбы: «Раньше в шестнадцать лет уж замуж отдавали, а нынче бегают до тридцати *пустоволоски-те**» - д. Пустынники).

Кунгурская свадьба ещё не была предметом специального исследования. Пожалуй, впервые информация о её специфике была представлена в 1845 г. Г. Бердниковым¹. Он отметил немало колоритных деталей кунгурской свадьбы: то, что на смотринах жених с невестой стоят в красном углу и угощают всех квашеным медом и вином (каждый гость берет с подноса у невесты стакан, ставит его на стол, троекратно целует обоих, выпивает и снова целует; затем невеста уходит на кухню, к подружкам, где плачет, ударяя руками по коленям).

¹ Бердников Г. Этнографические сведения о жителях Кунгурского уезда. Архив РГО, XXIX.75.

Им описана масса специфически местных особенностей: при встрече молодых по приезде свадебного поезда невеста идет к жениху с поклонами, кланяясь при каждом шаге; жених дарит невесте чулки, башмачки, мыло, зеркало, гребень, а её подругам булки и рыбный пирог; девушки ритуально вручают дружкам ленты - первому дружке алую, второму голубую. Утром после брачной ночи невеста переодевает мужа в приготовленную от себя рубашку и порты, а снятое отдает его матери; мать жениха трижды ударяет её плеткой со словами «Это свёкровка, это свекровка, это мужава гроза». Любопытное свидетельство об обряде то, что на второй день хозяйка жарит для гостей пироги (отчего и возникло название этого дня *пирожный*). Г. Бердников приводит сведения о том, что заключает свадьбу блюдо из коровьего языка (подобная традиция ещё фиксируется на севере Прикамья).

Представленное ниже описание кунгурской свадьбы во многом соотносится с материалами середины XIX века – и это притом, что повсеместно в Прикамье свадебный обряд в его традиционном виде был разрушен. Семидесяти-, восьмидесятилетние бабушки (их собственные свадьбы приходились на послевоенные пятидесятые и шестидесятые годы XX века) свидетельствуют о том, что многие детали обряда воспроизводились и на их свадьбах. Кое-что из традиции сохраняется и даже творчески развивается и по сей день.

Предсвадебный этап кунгурской свадьбы – это сватовство (или, по-здешнему, *приказы**), девишники (или дивишники; слово *дѣвишник** здесь фиксируется в той же форме, что и в северной, чердынской традиции), невестина баня и прощание с красотой, обручение (или *первая свадьба**, *первые столы**). Собственно свадьба – это сам свадебный день с венчанием и гостеванием, мероприятия второго и третьего дня с испытаниями и розыгрышами молодых и гостей, с шуточной баней. Послесвадебные события включают такие эпизоды, как прикатывание половиков, хлибины, поездка молодых на блины к родителям невесты.

1. Предсвадебный период

Сватовство. Приказы. Догооворы (сговор).

Знакомство будущих молодых чаще всего происходило на деревенских вечерках. «Вечерки собирали. Например, нас четыре девки, эту неделю – у меня, завтра – у другой подружки неделю, там у третьей, у четвертой, все туда собираются» (с. Калинино); «Раньше где вечеровали все, там и знакомились. Дом был. У нас бабка такая была, мы дом-то у нее откупали на вечерки. Она нам на балалайке играла, а мы танцевали «Парижанку», «Юго-Осокинску», «Кадриль» (с. Бым). Невесты выказывали себя и на ярмарках: «Ведь раньше ярмарки были, дак опять нарядаются девки, ходят» (с. Калинино). Чаще, однако, невесту подбирали сами родители: «Родители подглядывали невесту, чтоб родство было получше» (с. Калинино). Любопытный способ поближе узнать будущую жену сына – наём её в работницы: «Раньше ведь нанимали работниц. Наймут и смотрят, как работает. Если нравится, потом к родителям сватов зашлют, уговорят» (с. Калинино).

Время свадеб было достаточно жестко регламентировано. «Раньше-то знали время, когда свадьбу играть. Во все посты: Петров, Успенский, Рождественский, Великий, на Заговенье - не разрешается свадьбы играть, и на Светлу Пасхальну Седьмицу» (с. Серга); «Летом вроде никогда не было свадеб-то. С Михайлова дня только, когда уж уборка закончится» (с. Калинино). Существовали и другие ограничения: нельзя было младшей сестре выходить замуж раньше старшей: «Раньше было, если ту девку не отдали, которая старше, то и младшую не отдавали» (с. Зуята); нельзя было родне делать одновременно две свадьбы («Две свадьбы на одном столе не делают. У нас вот была с сестрой, мы правда повенчались, сестра нет. Да вот она и погибла - прожили только четыре года» (с. Троицк). Достаточно жестким было требование к невесте сохранить невинность до свадьбы. «Позорили, которы гуляют. Когда катаются в маслену, бывало, парни так делали. Яичко возьмут, выливают его, в скорлупу

наливают дегтя и в оградные двери-то бросят девке. А мазанные двери где, это уже нехорошо, знают, что тут девка живет, котора с тем погуляет, с другим» (с. Троицк). «Модно было, чтоб девушка выходила замуж девушкой» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.).

Широко в районе известен старый ритуал «выжигания старых дев», связанный с теми, кто не вышел замуж в свой срок. «В Масленицу, чтобы невесте быстрее замуж выходить, под окошком пучок соломы зажигали, кто палку соломой обмахнет, жжёт» (с. Калинино). «Старых девок выжигали. Наберут соломы, в виде снопа сделают или куклой. Вот по дороге бежишь, подожжешь и бросишь около дома, где девка старая живёт, только чтобы никто не видел. Стары-то девки сердились: «Вот молоденьки бегают, нас выжигают, да кому мы надоели» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Старых девок *выкуривали**, под окном солому жгли. Старую деву-то надо выкурить, стара дева, мол, засиделась. Это ребята в маслену так баловались» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

Сватовство обставлялось рядом ритуальных условностей. «Он меня предупредил, что сватать придет. Ну и вот ввечеру они пришли» (с. Серга). Сватовство часто называется *приказами*: «Родители договариваются, в какой день идти на приказы-то. Сначала-то ведь приказали – по нашему-то как сватали» (с. Калинино). Мотивирующий слово глагол *приказать* (объявить чью-л. волю, распорядиться, обязать выполнить требование старшего), по В. Далю, в значении ‘свататься’ известен в костромских говорах и хранит память о традиции выходить замуж и жениться по воле родителей (слово в южных говорах Прикамья постепенно приобретает и более широкий смысл, *приказаться* – это и обвенчаться, и зарегистрировать брак в сельском совете: «*Жених приехал, посватался, и потом приказались в сельсовете*» - Кишертский район).

Свататься обычно шли или ехали на лошади сваты и родители (в том числе крёстные) вечером со своим угощением. Нередко с ними шел сам жених. Установленный порядок сватовства предпо-

лагал часто обязательных два-три визита. «Первый раз мать сама сватать приезжала, во второй уже с сыном» (д. Весляны); «Сперва родители приходили, а потом с женихом придут» (с. Зуята); «Два раза обязательно сватать приезжали» (д. Зарека); «Вот слышала, три раза тут одни свататься ходили. В третий-то раз сватья-то на порог чё-то соскочила, чё-то приговорила и: «Всё, - говорит, - наша будет» (д. Дураково). В сватовстве могло участвовать большое количество родни - до шести, а то и более человек. «С крестным, с матерью и дедом пришли по меня свататься» (с. Троицк); «Свекор со свекровкой, жених, его крестна, крестный приходят свататься» (д. Патраково); «Свекор со свекровкой сам приехали, и с им ещё приезжали муж и жена, вместе работали с им, пять человек они приезжали» (д. Кузино); «Свататься их пришло шесть человек: мать, он, да сестра с мужем, да друга сестра с мужем» (с. Калинино). Такое количество сватов нехарактерно для северной прикамской свадьбы и, скорее всего, связано с тем, что уже сватовство в здешней традиции превращалось в достаточно развернутый семейный праздник.

Повсеместно отмечено присутствие в группе сватовщиков своего рода сельских профессионалов, сватальщиц-*хлопуш**. «Вот сватать идут, берут крестна, крестную, там родители. Еще специальные сваты были, придут уговаривать невесту, сваха приходит, уговариват» (с. Калинино). «Сперва пришли мать-отец, привели каку-ту хлопущу, ей девки соломенну шляпу сплели, косу большушную сделали взде. Всяки тряпки разные, обрези в концы косы и на это шляпу ей все навязали. Хлопуша и сватала, всё хлопотала, вела разговор-от про свадьбу-то. А он сперва-то не был, может, за оградой стоял, а скоро и он прилетел, как я сказала «Согласна». Дверями сбрыкал оградными только. Мама самовар вскипятила, на стол собрала» (д. Одина). Сватья-хлопуша могла так и называться – «*соломенная шляпа**»: «Ещё раньше соломенная шляпа была. Бывало, девушка с пареньком не дружит, а кто-нибудь нахвалит невесту-то, вот эта женщина, называлась соломенная шляпа, она и идёт. Она и на свадьбе в соломенной шляпе бывает» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.). Ис-

пользование подобного наряда более типично для дня самой свадьбы - в местной традиции это уже элемент ряженья, предвосхищение свадебной игры.

Заходя в дом, сваха предпринимает особые действия, чтобы получить согласие: «Свахи есть свахи, они что-нибудь да вытворяживают. Надо ей – стучит ногами, не надо – нет. Так иной раз наговорит, родители может против, она поговорит, и они сделать ничё не могут» (с. Зуята). Также сватовщикам предписывалось идти по одной половице. «По одной половице надо идти, ни жениху, ни сватовщику никогда не переступать, иначе невеста откажется. Сядут, половицу на половицу не встанут» (д. Весляны). Для удачи сваты садились на мужскую лавку - «Сидели сваты на одной лавочке, которая стоит вдоль по полу» (с. Зуята).

Переговоры велись в иносказательной форме, при этом сватовщики не переступали полатный брус, пока не получают согласие. «Пришли под порог, у нас там полати были, вот там стоят: «У вас есть товар, у нас купец». Пока не скажешь, что согласна, все стоят под полатями» (с. Калинино). «Зашли в дом, а дальше порога, матницы не прошли. Сваха начинает: «Вот, мол, у нас петушок, у вас курочка». Там всё шутки-прибаутки» (с. Троицк). Обычные формулы иносказаний – представление себя покупателями, купцами, охотниками: «Сватовщики-то: «Мы из лесу приехали» (д. Мягкое Поле); «Продайте нам, покупать товар приехали»; «Мы непотерянно ищем. Дак вот найдем, нет? У нас парень есть, у вас девка»; «Нетеряно ищем. Не потеряли, а ищем», - сватовщики-то так начинали» (д. Дикари). Приведенная формула *искать нетеряно (непотерянное)* особенно показательна тем, что напоминает загадку, соотносится с магическим иносказанием. В прошлом обереговые, эти формулы постепенно приобретают игровой характер (ср. каламбурное осмысление одной из формул в следующем рассказе: «Пришли и говорят: «У вас есть телочка продажна, нам надо эту тёлочку». Тятя покойный и говорит: «У нас телочка была, да закололи», - на смех сказал» - с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р.). Нередко их заменяют и прямые

обращения - «Вот мы пришли, ваша невеста, наш жених. Можно их *спарить** или нет?» Родители отвечают: «Если вам нравится наш товар, то можете» (д. Плешково); «Вот мы чё приехали, у вас девочка, у нас мальчик, пора бы вместе им быть»; «Приехали вот совместить жизнь вместе, - скажут. У вас невестка есть, а у нас жених, вот нельзя ли сродниться» (с. Зуята).

Обычно невеста сразу не соглашалась на предложение («Ну, сколько-то не соглашалась, поломается немножко, невесте поломаться надо перед женихом, а как же» - Калинино). Часто это было чистой условностью – «Ведь всё равно договариваемся прежде с женихом-то. Если нравится, дак моргнешь ему, если нет, то не моргай» (д. Заспалово).

«Пришли вот Риту сватать, я говорю: «Чё пришли?» – «А дело». – «А чё?» – «А свататься». – «Она не пойдет». – «Сговорим». Тут пять человек, до матницы все. Сколь громадны, и така сума у них. Я говорю: «Давайте проходите, пожалуйста». Не проходят дальше *матницы**. «Мы ведь пришли делом». – «А чё?» – «Дак ведь у вас цветочек, у нас садочек. Дак нельзя ли ваш цветочек посадить в наш садочек?» Молчала-молчала Рита, сваха опять начинает. Рита отказала, говорит: «Буду ждать брата из армии». Потом через несколько дней опять приходит эта пятера, вот эти же все. «Ну, опять, наверно, не по чё пришли». Опять сватья начинает слова. Жених, Толя-то, подсел к Рите, чё-то пошептался-пошептался и говорит: «Согласна». Рита-то и слова не проронила. Тогда мои сватьяшки начали раздеваться, стол разделали, у них такой саквояж был с собой, все угощение достали» (с. Калинино, зап. от Л.Г. Логиновой, 1929 г.р.). Чтобы невеста не *попятилась*, в доме невесты сваты раскатывали половики. «Половик катнули на пол – высватали» (д. Весляны). Накрывание пола – важный элемент свадьбы в целом – на голом полу свадьбу не играют. Еще раз раскатывание половиков предпринимается в знак окончания свадьбы (см. подробно ниже).

Сватовство заканчивалось сговором, когда брачующиеся стороны окончательно договаривались о свадьбе. Сговор мог проходить

сразу, как только невеста давала согласие, а также и во второй, а то и третий день сватовства. «Сватать шли, потом сговор назначили» (с. Тихановка). Знаком успешных переговоров являлось приглашение сватовщикам «чаю откушать» – если невеста отказывала жениху, самовар не ставили и за стол не приглашали. «Если понравились, посадят за стол, ставят самовар, угостят. Че есть, тем и угощают. Если нет, то и не угощают» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). «Вот договорятся, дак тут чай, пирог рыбный на стол» (с. Калинино). Очевидные и в других деталях сватовства игровые элементы проявляются в шутках над сватами. «Мы тут ещё шутили над сватовщиками. Вот одни пришли сватать, а мы взяли да лагун-то* украли у них и в голбец. «Чё, сватальщики, поехали сватать и лагун потеряли? Выкупать надо, давайте выкупайте» (с. Юговское).

Во время чайной церемонии обсуждались вопросы, связанные с организацией свадебного стола, количеством приглашенных на свадьбу родственников, с приданым невесты. «Собрали стол и давай обсуждать, на какой день свадьбу сделать» (с. Калинино). «Договорились, когда свадьба, когда обручение, или с обручением или без обручения, это все решалось на сговоре. Свадьба ведь была на одной стороне* и на обеих сторонах*» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Станут договариваться, как свадьбу делать: обручение или гостинцы*. Обручение – договорятся, как к невесте ехать, со своей ли выпивкой. Тут едут к невесте. Побыли у ней, к ночи домой едут. А на завтра уже едут венчаться. А гостинцы-то другое – только приехали к невесте, только угостили их немножко у невесты и всё. Если гостинцы, так тут меньше гуляют. Пришли, пирог отрезали и все» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). «На просватанье договариваются, у кого сколько гостей будет, выражают, чего невесте надо покупать, чего жениху» (д. Патраково). «Девушка-то ленту выряжала, ещё, выряжала, мол, она не гулёвая. Это когда сватовство идёт» (с. Зарубино). Когда после сватовства сговариваются о свадьбе, жениху с невестой связывают полотенцем руки и садят рядом (г. Кунгур).

Обсудив все ключевые моменты свадебного церемониала, родители невесты затепливали свечу и благословляли дочь. «Чай поставили. Договорились, когда свадьбу делать, когда чё. Свечку затеплили, иконой благословили» (с. Кинделино). «Как чай попьют, благословляют иконой еще мать с отцом невесту. С иконой встают и с иконой благословляют, дают свое согласие» (с. Калинино). «Когда свататься приезжали, тогда мама-то меня и благословила. Она икону взяла Иисуса Христа, над головой меня благословила. Сватовщики были тут же, и жених тут, а мама меня благословляла. Он смотрел, сидел, а меня благословляли. Чай еще пили» (с. Калинино, зап. от А.И. Анкудиновой, 1928 г.р., родом из д. Макеевка). Обоих вместе, и жениха, и невесту, благословляли только перед отъездом молодых из дома невесты или уже в доме жениха.

Символически закрепляя брачный договор, родственники «*рассекали руки**». «Пересекали вот руки, чтоб руки распались, что согласна. Это как сосватались» (д. Будаики, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.). «Руки рассекали, жених с невестой взялись, а отец им пересек. Чай им там приготовили, мама готовила. Вот уже всё, через месяц свадьба» (с. Серга). «За руку возьмутся, кто приехал. Кто свататься приехал, тот и рассекат, а может и мать рассекать, отец» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). Когда руки были даны, отказываться от брака считалось уже невозможным: «Руки рассекают, а руку дал, дак отказываться нельзя уже» (с. Зуята). После того как договорились о свадьбе, родители уходили, а жених некоторое время еще сидел с невестой.

Нередко – особенно когда сватались из другой деревни – над сватами подшучивали, в том числе и не вполне безобидно. «Иной раз сватовщикам гужи обрезали, парням если жалко девку-ту отдавать, вот сватам-то и обрежут» (с. Троицк).

Дúвишник. Сидёлки (посиденок, посидены).

Следующим этапом свадебного обряда являлся девишник, или дúвишник, ключевыми моментами которого были встречи жениха и

невесты, подготовка приданого, поездки к родителям жениха «окошки мерить», баня и расплетение косы невесты, когда она «сдавала красоту».

«До обручения у девки был девешник. К свадьбе готовятся три недели. На девешник я приглашала всех девок. Накануне свадьбы пришли, ночевали, кто стирал, кто мыл, кто шил» (с. Зуята). «Всё готовили, чего у невесты нет, подушки шили или еще чего, чё вот ей надо» (с. Зуята). «*Сиделки** были, так девешник называется, две недели ходят подруги к невесте – песни пели, шили там занавески и прочее» (с. Троицк). «В девешники девушки делали из соломы плетёнки-*платики** на сельницу, шили тут же полотенца» (с. Ленск). «В девешник девки шили платики на чашки, *плетёнки**, на *квашиницу**, *сельницу**» (д. Весляны). «Дивешник был - девки насобирались, мешки шили под зерно, полога, рубашки» (д. Дикари). «Девки недели три сидят, вышивают полотенца. Свекровке – парочку, золовке можно платок, можно кофту, кака невеста богата. Деверю, жениха брату, если богата, то рубаху, если бедна, то носовой платок» (с. Зуята). «Приданое готовили. У меня была пуховая шаль, пальто, правда, не шикарное. А так вот занавески, скатерки - все было сделано» (с. Бым). «Полотенца вышивали, скатерти, занавесочки шили, раньше ведь ничего не было. Купим ситца или сатину, и, значит, скатерти делали. У меня было две или три, все были куплены материалом и всё сами, где вытегали нитки, где как узоры делали. *Посидены** это и есть» (д. Елкино, Т.А. Жукова, 1932 г.р.). «Полотенешно вышивали нитками цветными - раньше мулине было. Чашешники сделали, ну, это посуду вытирать, маленькие» (д. Одина). «Вышивали полотенца, скатерти, *думки** – такая небольшая картинка на стену – все тут вышивали, кружева, *поднавесы** делали подружки-то, последнюю-то неделю» (д. Патраково). «Платочки обвязывали, надпись делали: «Кому дарю, того люблю» (с. Калинино).

Предмет особой заботы – свадебное платье (ткань для него обычно покупал жених), цветы на голову, цветы подружкам. «Платье шили с подружками, и на второй день тоже ведь надо платье, его тоже

шили» (с. Калинино). «Мне на платье красивое купил, материал-то, красивое. Вот когда высватал, после этого принёс» (с. Зуята). «Платье белое, завсегда уж белое. Вуаль длинная, рукава длинные, платье длинное, само платье длинное, цветы красивушшие надеты. Цветы-то вот какие красивые делали» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). Изготавливая восковые цветы, замечали: «Если, когда делают венки, ни веточка, ни воск не отпали, прилепились и висят, то детей много будет у молодых, жить хорошо будут» (с. Серга). «С женихом мы ходили, заказывали цветы вместе, сколько дружек, столько и цветов и тоже из воска им, как и невесте. Что цветок на грудь невесте, то и подружкам прикалывали» (д. Будайки, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.).

Здесь же на девешнике готовили к свадьбе пиво и брагу. «Свадьба через месяц - ну, дак надо приготовить, наварить пиво, все наварить» (с. Зуята). Девушки заранее спевались – «До обрученья девки разучивали песни, спевались, в посиденок-то. Спевались со старухами, чтоб они умели тоже петь. Потом даже семьдесят рублей мы напели - дарили ведь деньги» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «Девешник за две недели, вышивают, вяжут, песни пели, спевались, чтобы всем песни отхлопать, деньги заработать» (д. Заспалово).

Частыми гостями на посиденках были жених и его друзья. «Жених на девешник приезжал, привозил с собой конфет, орешков, семя, это всем привозил девчонкам. Ещё вуаль покупал, цветы и платье, все это дарил невесте» (с. Бым). «Жених ездит каждую субботу на выходной, девкам гостинцы везет. Дружки приезжают с ним, девок катают по деревне, лошадей украсят ленточками. Летом дак *долгушки**, сели, поехали. На каждой долгушке песни играли на гармоне. Песни поешь - беда весело было» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой). «Девичник был перед свадьбой - играют кадрили. У нас изба была малехонькая, два окошка всего было, дак полна-преполна изба народу. Повернуться негде, все равно играли. И девки и парни» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.). «В дивешник все дарили невесте. Мыло подружка ей обязательно дарила, потом это мыло в карман и

венчаться. Его хранили. У детей заболят глаза или там что, дак этим мылом умывали» (с. Троицк, зап. от Истоминой, родом из д. Кукуй).

По вѣники ездить. Окошки мерить. Половики мерить.

Весьма специфична в крае ритуальная процедура, связанная с посещением дома жениха в дни девишника, чтобы мерить окна или пол, попросить веники. По нашим материалам, этот обрядовый эпизод имеет жесткую географическую привязку. Обрядовое действие *мерить окошки** (или, реже, *половики*) распространено в деревнях Калининского, Ленского и Троельжанского поселений. Аналогичное по смыслу действие *ездить по веники** (также визит к жениху до свадьбы) фиксируется в основном в деревнях, расположенных на территориях нынешних Тихановского и Неволинского поселений.

«Девишники были, ак этъ шили всё, надо ведь, всё обмеряют, чѐ надо, шторы надо, и чѐ и, все. Дак девки обмеривают у жениха, специально ходят к нему. Кого пошлешь, идут, меряют. Обмеряют, скажут, сколько льна. Потом шьют, кто на руках, у кого машина есть, дак машиной» (с. Калинино, зап. от З.А. Красильниковой). «Девки окошки мерять ездили, какие занавески, какие шторы надо будет, с невестой ездили. Их там угощали» (с. Бым). «Невеста окошки меряла, шторы делала в дом жениха, еще на зеркало тоже накидку делает, потом свахи в свадьбу повешают» (д. Весляны). «*Прикажут** невесту, высватают, она идет к жениху шторы мерить, клеенки там на стол. Эта сваха первая приедет, все приданое повесит, и свадьба начнется» (с. Калинино). Обмерять окна могли также сватья, мать жениха, так называемая постельна сваха, отвечающая за приданое. «Вот сосватаются, от невесты крестна или сваха едет к жениху, меряют приданое, окошки, пол, там всё по размерам ведь надо сделать» (с. Калинино). «Специально день был, когда ездили половики мерять. Выберут день, постельна сваха да невестка, вот они и идут к жениху, меряют окошки, занавески надо шить, половики. Это *постельная сваха** все смеряет, потом на девишнике всё сошьют» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

Поездка за жениховыми вениками обычно проходила вечером, ехали только подруги невесты. «Перед самой свадьбой уж девки по веники ездили, подружки-то, а невеста дома сидела. Они одни к жениху ездили. На лошади поехали, обратно на дугу тут веники навешают. Приедут ещё к жениху-то, их брагой угощают» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.). «По веники ездили – это в девишник, вечером. Девки ездят без невесты. Родители жениховы встречают, на стол накроют, чай, вкусное че-нибудь про девок. Веники на дугу навешают, и они едут обратно с имя» (с. Троицк). «На лошадь-то ленточек навяжут, веников навяжут, где на шею, где за хвост ленточки привяжут. Это еще до венчания делали, до свадьбы. Это с женихом так катаются, крестна и сватья тут сидят, катаются» (д. Колпашники). «Ещё за вениками приезжали до свадьбы к жениху. Лошадь украшали вениками полностью, на оглобли даже вешали. Это до обрученья было. Была свекровь дома, она угощала девок-то, бражкой угощала. На одной лошади ездили, без невесты» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «Веники на лошадь весили, это когда девки ехали в гости к жениху до обрученья. Там их угощают у жениха-то. Веники навешают, лапти, кто че придумает. Лошадок вениками обвешают, а в свадьбу-то уже только ленточками. А тут веники вяжут на оглоблю да на дугу, к саням сзади еще лапоть привяжут» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). Иногда в этом действии участвовала и невеста – «Девушка ещё до свадьбы-то ездила к жениху по веники. У жениха невесту чаем напят, на дуги веники повесят, так домой и отправят, по три четыре веника, потом уже этими вениками невесту-то и парят» (д. Весляны).

Баня.

Баня для невесты готовилась непосредственно перед свадебным днём. «Баню топят девки, подружки-те. Топят осторожно, если постучать там по головѣшкам, девку будет муж бить» (с. Зарубино). Когда невесту ведут в баню, она держится за полотенца, ей поют припевы – причеты (с. Тихановка). «В баню идут с веником, от жениха

привезли который. Девки и вымоют невесту» (с. Кинделино). «Вот невесте веник дадут, невеста этим веником машет, и кого первым из подруг ударит, та вроде как замуж должна выйти сразу после невесты» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «В бане мылись когда девки с невестой, дак тут опять веник бросали, веником тут девка-то всех напарит, *нагужгат** комлем-то, чтоб запомнили» (д. Зарека). «Невеста зажмурится и кого первого на полке или где ли махнет веником, заденет, та девка замуж и выйдет вскоре» (д. Одина). «Невеста должна была мыло бросать, в кого попадёт. Она бросает его за себя, в котору девушку попадёт, та в тот год замуж выйдет» (с. Зарубино). «Мыло бросали через спину, кого задело, та и замуж первой выйдет» (д. Мягкое Поле). «После бани невеста тут подружек своих еще полотенцем колотит» (с. Бым). «На девичнике полотенце скрутят, и кого этим полотенцем невеста ударит, девушку-то, та скорее за невестой замуж выйдет» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

Следующее действие последнего вечера – заплетание невесте косы. «Придут из бани и косу заплетают. Невеста должна реветь, а подружки песни поют. После бани-то ещё одну косу заплетали» (с. Троицк). «Сестра плетёт, заплетёт косу крепко, чтобы потом не расплести было» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.). «Косу плели в дивишник. В одну косу плели, тут ещё ленту вплели одну, на конце косы бант сделали» (с. Троицк). «После бани косу девке заплели, она увязалась. Платок повяжут, вот так под подбородком пропустят концы-то платка и на затылке увяжут, да ещё узлов навяжут тут. Это чтобы волосы-то не распались» (с. Зарубино). «Косу-то одну на девичнике заплетают, крестна ли, мать ли. В песне-то мать: «Заплети, родима мамонька, да косу русую» (д. Патраково). «Ещё вот вытьё было, когда жениха-то не было ещё. Невесте припевают там жениха, своих родственников. Когда плетут косу, поют. На конце косы-то ещё бантик сделают. Вечером мать плетёт косу девушке, после бани-то, тут и плачут, вот и вытьё:

Ты, родимая моя мамонька,
Подойди ты ко мне младёшеньке,
Заплети ты-ко мне русу косоньку,
На роду-то не впервые,
Да в дивьей красоте во последние.
(с. Зарубино).

Весьма специфичен проводимый в последний девичник обряд *невестина каша*. «После бани невеста подруг кормит. Вот поставит на стол кашу, ложку воткнёт и так в ладошках ручку-то вертеть начнет. Вот в кого каша попадет из девок-то, они тут же сидят, та быстрее замуж выйдет. В кого больше каша прилетит, та быстрее выйдет» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Подружки кашу едят обязательно. И не знаю кто, наверно, невеста под потолок кашу-то бросает. То ли невеста, то ли крестная её. Так швырнет кашу, она в потолок повесится» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Невестину кашу» знают многие народы – у норвежцев, например, она готовилась из пшеницы со сливками и подавалась, когда невеста уже переодевалась в костюм замужней. В Прикамье (с. Барда) зафиксирован оригинальный сюжет с невестинной кашей, когда горшок прятали как можно тщательней перед приездом жениха. «Горшок с кашей спрятают, кому-нибудь бабам хоть под подол. Дружки приедут, ищут. Если найдут, уже всё, никаких выкупов, невеста наша де, увозят. «Каша наша, и невеста наша» (Печмень). Отмеченный в с. Калинино ритуал приурочен к другому моменту свадьбы и совпадает с другим действием – с угощением невесты молоком (чердынское), когда она должна, с силой ударив по столу и по ложкам в чашках, расплескать его на подруг.

Редкий в прикамской традиции ритуал – укладывание невесты в вечер перед свадьбой в передний угол. «Вечером невесту спать укладывают в переднем углу. Там лавки, вот там и спала в переднем углу в последнюю ночь-то. Коса у неё заплетенная с ленточками» (с. Зарубино). Иногда она оставалась сидеть в углу до утра закрытая платком.

Обручение.

Обручение в местной традиции – то же, что свадьба у невесты (или *первые столы*): «Свадьба у невесты называется обручение» (с. Серга); «У девки обручение, у парня свадьба» (д. Ключ). На обручение приходили не все родственники молодых, а только те, кому посылали в виде приглашений *каравашки*, специально приготовленные обрядовые хлебцы (с. Ленск). «Если на обручение было шесть человек, значит со стороны жениха тоже должно быть шесть человек» (с. Троицк). «Много-то тут не были: отец, мать и крёстная, крёстный, если есть, самые близкие только» (д. Патраково).

«Вот приехали в дом родителей девушки, всем поезжанам песню поют»:

Не было ветру, не было ветру, вдруг повеяло,
 Не было гостей, не было гостей, вдруг приехали.
 Полна ограда, полна ограда вороных коней,
 Полные сени, полные сени молодых парней.
*С песенкой** вас, гости дорогие
 (г. Кунгур).

Одно из главных событий обручения – вывод невесты. «Когда невесту срядили, жених приезжает, тут дружки, тысяцкий, крестна, всех посадили за стол, и тут уже невесту мама выведет, если отца-то не было. Жениху передаёт по платочку. Жених принял, мама вышла» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.). «Крёстный выводил невесту за платочек, или отец. За платочек держится, и он её передает жениху. Жених садит её с собой рядом, потом он может за платочек её держать, а может и за руку» (д. Обухово). «Молодые сидят с платочком, они за руки не *имаются**, правыми руками за платок держатся. Им все время тут вместе надо было, чтобы вместе всю жизнь жили, такая примета» (с. Зуята, зап. от Т.Е. Пачиной, 1926 г.р.).

На вывод невесты пелась особая песня «Выводил меня тятенька, становил меня тятенька за столы-те дубовые, да за скатерти шелковые». Обязательно исполнялась песня от лица невесты «Не сама я во замуж пошла»:

Не сама я во замуж пошла, не сама поохотила.
 Поохотил мой тятенька, приневолила мамонька,
 Посоветовали люди добрые да соседи хорошие.
 Выводил меня тятенька да за правую рученьку.
 Становил меня тятенька среди пола дубового,
 Да велел низко кланяться, одному на особицу,
 Да Ивану Ивановичу
 (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.).

Обязательный элемент обручения – бросание невестой свадебного калача. «Когда невесту за стол ведут, она ещё калач бросит. В кого из девушек попадет, та замуж-то и выйдет. Калач мать стряпала» (с. Кинделино). «Вот полка была, грядка, через неё калачик бросали. Девчонки ушли к дверям, а невеста лицом к иконе встанет и кидает калачик девчонкам через спину, кто поймает. Кто вперёд поймает, тот вперёд замуж выйдет» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.).

Пока молодые стоят за столом, им поётся песня «Из-за леса из-за темного»:

Из-за леса из-за темного, из-за садика зеленого
 Собиралась тучка грозная со снегами со сыпучими,
 Со морозами да со трескучими.
 Дочка к матке собиралась, поссорившись, дочь поехала,
 Ой, поехала дочь да недоехала.
 Лошаденка утомилась, тележонка изломилась.
 Все каточки раскатились, ко дубочку прикатились.
 На дубу сидит соловушка.
 – Ой, ты, птушка, птушка вольная, ты лети в мою сторонушку,
 К матушке во зелен садок, к батюшке во нов терем.
 Ты неси, неси, соловушка, матушке да низкой поклон,
 Батюшке челобитьице.
 Ты скажи, скажи, соловушка, что пропали наши головы,
 За боярами да за ворами.
 Гонят малого, гонят старого на работушку ранешенько,

А с работушки позднешенько
(с. Серга, зап. от К.М. Польшгаловой, 1928 г.р.).

Песня «Ой, пашенька не пахана» пелась для жениха:

Ой, пашенька не пахана, да ой да,
не пахана, не боронена, да ой да.
Зарастай, моя полосонька, да ой да,
частым ельничком-березничком, да ой да.
Горе-горьким да осинничком, да ой да.
Как во этом во осинничке, да ой да,
отстроёна нова темница, да ой да.
Как во этой новой темнице, да ой да,
посажён был добрый молодец, да ой да,
Чернецов Захар Захарович, да ой да.
Он по темнице похаживал, да ой да,
из окна в окно поглядывал. да ой да,
Со друзьями разговаривал, да ой да.
– Вы, друзья мои, товарищи, да ой да,
не с моёй ли вы сторонушки, да ой да.
Я пошёл бы с вам во полюшко, да ой да,
у мня рученьки завязаны, да ой да,
У мня ноженьки закованы

(с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р. К.А. Ситникова, 1928 г.р.).

Вообще к жениху как к гостю было обращено несколько песен. Это песня «По полю, полю Макарьевскому» («По полю, полю Макарьевскому. чьи это кони бегут вороные, чей это конь наперед-от бежит – это же конь Николаюшков...»), песня «Винная ягодка»:

Ещё винная ягодка да виноградная веточка,
Да разудалый добрый молодец, да свет Иван да Васильевич,
Да со своей, со обрученной да душой красной девицей,
Да свет Настасьей Ивановной.
Что и всех вас по имени да и всех вас по отчеству,
Одному на особицу,

Да разудалу добру молодцу, да свет Ивану Васильевичу,
Со его со обрученной да с душой красной девицей,
Со свет Настасьей Ивановной
(г. Кунгур).

Песня «Прилетел сиз голубочек» иносказательно представляет приезд жениха и чаепитие:

Прилетел сиз голубочек на мой теремочек,
Со моего теремочка на красно окошко.
На окошечке воркует, сам голубку будит:
– Ты, голубка, разголубка, радость, пробудися.
Я не первый раз пришёл, открывай мне двери,
Если двери не откроешь, открывай окошко.
Я окошко отворяла, милого пускала,
За правую ручку брала, в горенку водила.
В нову горенку водила, на диван садила.
На диванчике садила, чаем напоила.
Чаем-кофием поила, дружку говорила:
– Ты поедешь, мил, кататься, ты мною не хвастай.
Если будешь похвеляться, будем расставаться
(с. Серга, зап. от З.А. Богдановой, 1927 г.р.).

Непосредственно момента становления молодых за столы касается песня «Русые кудри за стол пошли»:

Русые кудри за стол пошли, русую косу за собой повели.
Ох, парень у Маши выспрашивает:
– Скажи мне, Марусенька, кто тебе мил?
– Ой, мил мне милешенек батюшка,
ещё-то милей родна матушка.
– Ой, это, Маруся, не правда твоя,
ой, это, Ивановна, не истинная.
– Скажи мне, Марусенька, кто тебе мил?
– Мил мне милешенек ты, господин

(с. Калинино, зап. от А.И. Пустобаевой, 1909 г.р., А.И. Фофановой, 1914 г.р.).

В обручение (при свадьбе «на обеих столах») перепевался весь свадебный репертуар, особенно много исполнялось величаний. Песню «Да во саду да виноград цветет» исполняли недавно поженившимся, молодой паре:

Да во саду да виноград цветет да ягода малина,
по горам она цветет.

Виноград-от – Николай господин, зеленый Семенович.

А ягода малина – Анна душа.

Им же люди позавидовали, что в совете и любви
хорошо они живут.

Не дивуйте, люди добрые, на нас, уж вы сами таковы
(с. Серга, зап. от Т.С. Лукиной, 1928 г.р.).

Песня «То не винная река протекла» также пелась гостям-супругам:

То не винная река протекла, то не винна, не патошная.

Среди нова города прошла, воротушку белокаменну нашла.

Средь Москвы да становилася.

По той речушке судёнышко плывёт,

на судёнушке немножко людей,

Да по моёму счёту девять человек,

да что десятый удалой молодец,

Да свет Иван да Васильевич,

Да со своей со обрученной, да душой красной девицей,

Да свет Светланой Ивановной.

Что не всех вас по имени, да не всех вас по отчеству,

Да одному на особицу,

Да разудалу добру молодцу, да свет Иван-от Васильевичу.

Да со своей милой ладушкой, да со своей со обрученной

Да душой красной девицей, свет Светланой Ивановной

(г. Кунгур).

Стояние молодых за столами продолжалось и когда начиналось угощение гостей. «Они приехали со своим, давай угощать невестинных гостей, по три подачки подавали, подходили, выпивали, закусы-

вали. Жених пирог рыбный привозит и вино. Кто подходил, выпивал, пирогом-то и закусывал. Три стакана стоит, лагунчик бражки. Крестный приглашает: «Подходите, ваша пара, ваша пара». По три человека подходят, каждый берёт по рюмочке, пьют, пирожком закусывают. Там верхняя корка снята, рыбку поддевают вилочкой. Молодые за столом в это время стоят. Пока три подачи идёт, все гости на ногах стоят. Это обручение считается» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.). «Молодые тут не пьют, стоят, на второй день венчаться, вот и не пьют» (Ключ). Когда гостей приглашают за стол, с одной стороны садятся гости невесты, с другой гости жениха (с. Троицк). «Невеста сидит под иконой, рядом с ней её крёстная, со стороны жениха сидит тысяцкий, его крёстный, дальше его крёстна. Его родители-то тут не приезжали, и невестины родители тут не садились за стол» (д. Плешково).

Опеванье гостей по очереди включало исполнение песен жениху с невестой (их поют сначала), затем тысяцкому, его крёстне, другим гостям и в последнюю очередь дружкам (д. Плешково).

Тысяцкому исполняли песню «Пристало черемухе»:

Пристало черемухе во саду цвести,

Пристало княж-тысяцкому за столом сидеть.

За столами дубовыми, за скатерками шито-бранными,

За яствами сахарными, за питьями медвяными.

Ты подвинься, тысяцкий, под иконы небесные,
под свечи воскуярые.

Под тобой полы дубовые, под тобой ковры постелены.

Мы тебя узнали по лицу по румяному,

По ясным очам, по черным бровям, удала добра молодца.

– Ой, вы, девицы-красавицы мои, да помолитесь Богу за меня,

За дорогого за гостя, за доброго молодца, княжи-тысяцкого,

Ивана Степановича.

Да ещё вы помолитесь за мою ладу милую,

За свет Прасковью Ильиничну,

Да за моего сына милого, свет Петра Ивановича,

Да за мою дочь милую, за невесту – голубушку,
Свет Анну Дмитриевну
(д. Плешково, зап. от П.И. Мелковой, 1938 г.р.).

Для именитого гостя исполнялась песня «По лугу, лугу по зеленому»:

По лугу, лугу по зеленому ездил-поездил удалый молодец,
Свет Иван да Васильевич.
Конь-то под ним да пятьсот рублей, гриву-то несет,
всё чисто поле метёт.

Хвост-то несёт золотой грубой
К дому подъезжает, жену спрашивает:
– Дома есть не дома жена барыня моя,
Жена барыня моя, свет Настасья Ивановна?
Если спит не будите её, если в саду, то я сам пойду.
Сам пойду, за собой приведу дорогую жену,
свет Настасью Ивановну

(Песня записана в г. Кунгур; исполнители откомментировали песню следующими словами: «К этой песне можно еще припевку-то добавить, если дети есть у гостя-то - ещё есть у вас милый сын да свет Иван-от Иванович, ещё есть у вас милая дочь да свет Катерина Ивановна»).

«Девки песни споют, с блюдечком подойдут, им деньги на блюдечко-то кладут. Вот тут ещё женихова крёстна была, ей припевают:

Ты, княжна, больша свашенька, да дорога любя гостюшка,
Да дорога, небывалая.
У тебя лицо белое, да у тебя брови черные,
Да как пером наведенные, со пером со чернилами.
Молода жена боярыня да со своим да со крестничком,
С Михайлом Александровичем,
Со его со обручную, со Татьяной Васильевной.
Молода жена боярыня что Лариса Ивановна

(д. Плешково; исполнив песню, девушки поздравляли величаемого: «С песенкой!»).

Большой свахе в обрученье исполняли песню про гостюшку:

Чья, чья гостюшка, дорога, небывалая,
Да княжна больша свашенка, Степанида Яковлевна.
Ты откуда приехала, из какого ты города?
Мы не можем узнать, мы не можем распознать
Дорогу нашу гостюшку, дорогу небывалую,
Да княжну больше свашенку.
Мы теперь узнали, мы теперь распознали
Дорогу нашу гостеньку, дорогу небывалую.
По ее лицу белому, по ее лицу румяному,
По говору хорошему, по поступке веселому.
По её по ясным глазам.

– Ой, вы, девицы – красавицы,
Да помолитесь Богу для меня,
За дорогу за гостюшку, за княжну большу свашенку,
Степаниду Яковлевну.
Да вы ишо помолитесь за моего ладу милого,
За свет Сергея Леонидовича.
За моего сына милого, за свет Михаила Николаевича.
За мою дочь милую, свет Ирину Геннадьевну.
За невестку- голубушку, свет Анну Дмитриевну»
(д. Плешково, зап. от А.И. Сайдаковой, 1947 г.р.)

Исполнялась в обрученье и песня для гостыи-вдовы:

Чья, чья, гостюшка дорогая, небывалая,
Да Наталья Ивановна
Мы не можем узнать, мы не можем опознать
Дорогу нашу вдовушку, гостюшку небывалую.
Не по лицу белому, по её порушенному,
По её по ясным очам, по её черным бровям,
По её платьишку светлому.

Платьишко на гостюшке колыхается,
Да речкой разливается.

Мы теперь узнаем, мы теперь опознаем

Дорогу нашу гостюшку, дорогую, небывалую,
Да Наталью Ивановну.

Чья, чья гостюшка, дорогая, небывалая
(с. Серга, зап. от В.А. Мульковой, 1939 г.р.).

Другая песня для одинокой женщины «Грановитая палата» обращает на себя внимание использованием городской тематики:

Грановитая палата, грановитая палата становилася, становилася.
Как во этой во палате, будет свадебка, будет свадебка.

А на свадебке, а на свадебке будет гостюшка, будет гостюшка.

Свет Настасьюшка, свет Ивановна.

Во компании не сиделося, не сиделося.

Её буйная головка разболелася, разболелася.

Все угары в голове расшумелися, расшумелися.

Вся фабричная посуда разбрэнчалася, разбрэнчалася.

Все дубовые столы расшаталися, расшаталися

(г. Кунгур).

«Вот крёстна приехала, заходит в избу, её опять встречают
вытьём:

Ой, не от ветра, ой, да не вихоря, ой, тяжело двери открывалися,

Ой, на пяте двери становилися,

Ой, на ту пяту на хрустальную, все на петельки на шелковые.

Вон идёт же ко мне да и жалует восприёмная крёстна мамонька

Да со дарами да со великими.

Не осуди меня да крёстнушка, я не вышла тебя да не встретила,

Во слезах да не увидела, во кручинушке не услышала»

(с. Зарубино).

Для молодой супружеской пары пели:

Мимо саду, мимо саду, мимо зеленого

Летел голубь, летел сизой, золотая головка,

Вот Иван да Иванович.

Позади летит голубка, позолочена головка,

Молода его жена, свет Настасья Ивановна.

Мы бы летом, мы бы летом, мы в карете золотой,

Мы зимой, мы зимой, мы на лаковых санях,

На воронных лошадях,

Чтобы конику решить молодую жену везти,

Свет Настасью Ивановну

(г. Кунгур).

Песня «Как у чарочки у серебряной» восхваляла семейную пару:

Как у чарочки у серебряной золотой её веночек.

У Ивана молодца у Васильевича дорогой его ум-разум.

Где не ходит – не гуляет, что не кушает - не пьёт.

Домой едет ночевати, всё велит жене встречати.

– Уж ты, женушка, встречай, дорогая, встречай.

– Недосуг, сударь, встречати, сынка милого качаю,

Себе сношеньку начаю,

Сноху, сноху молодую, заменушку дорогую.

– Уж ты, женушка, встречай, свет, Настасьюшка встречай.

– Недосуг, сударь, встречати, дочь милую качаю,

Тебе зятюшка начаю.

Зятя, зятя молодого, себе гостя дорогого

(г. Кунгур).

Еще одна песня для гостей-супругов «Во горенке свечки горят»:

Во горенке свечки горят, белые восковые да вытаивают.

То Мария по горенке гуляет, свет да Афанасьевна.

Туту ходила, гуляла молода жена – боярыня.

Да доходила, догуляла да до спаленки.

Да своего друга милого да она бужила, побуживала.

Да ты уж встань, душа друг, родный, пробудись.

Отвязался твой добрый конь от столба, столба точеного,

Да от колечка серебряного.

Да убежал твой добрый конь, да он на воду побежал,

Да он повытоптал зелены сады,

Сад со калиной, сад со малиной,

сад со черной ягодой смородиной.

Да не тужи ты, мое умное, да не тужи, мое разумное.

Уж мы поживем, наживем пятьдесят рублей,
 Уж мы повыкупим, мы повыкупим сад со калиной,
 сад со малиной,
 Сад со черной ягодой смородиной
 (с. Серга, зап. от Т.С. Лукиной, 1928 г.р.).
 Мотивы угощения содержит песня «Как из горницы в горницу»:
 Как из горницы в горницу тут и ходила, гуляла
 Молодая боярыня свет Настасья Ивановна.
 Во руках она носила в правой ручке зеленова вина,
 В левой ручке меду ставленого,
 Под пазушкой бел крупинчатый калач.
 За ней ходил удалой молодец.
 – Подай, жена, пить зелена вина,
 Подай запить меду ставленова,
 Подай заисть бел-крупитчатый калач.
 (с. Калинино, зап. от А.И. Пустобаевой, 1909 г.р., А.И. Фофановой, 1914 г.р.).

Песня для холостого парня – любопытный пример побуждения к браку друзей жениха и невесты:

Под передним окошечком да вырастали два зелёные дубка.
 Да как на дубчиках голубчики сидят
 да меж собою речь-говорю говорят,
 Добра молодца выхваляют, свет Ивана Васильевича:
 – Пора, молодец, жениться тебе, времечко-пора свататься.
 Взять бы девушку хорошую тебе, да свет Светлану Ивановну.
 (Песня записана в г. Кунгур. В комментарии исполнители отметили: «Вот у парня девушка-то если есть, её и можно назвать. Как говаривали стары люди – на свадьбах заводились другие свадьбы».)
 Молодым гостям пели «Голубочек мой сизенький»:
 Голубочек мой сизенький, да лебедочек мой миленькой,
 Да где ты, голубь, ты был – спобывал?
 – Был я, был я у молодца в гостях,
 да у Максима Александровича.

– Да и что сударь поделывает, да ишо чем занимается?
 – Занимается занимочкой, поутру встаёт ранёшенько
 Да умывается белёшенько.
 Вытираться тонким белым полотном
 Да одеват рубашку шелковую да ишо троечку триковенькую.
 Да пошёл-вышел на параднее крыльцо,
 Да и вскричал он громким голосом своим:
 – Уж вы, слуги, вы, слуги мои, да, слуги верны, неизменные,
 Да вы сходите во конюшенку, да вы поймите самолучшего коня
 Да самолучшего-лучшего.
 Да я поеду по всем улицам гулять, себе сужену-ряжену искать.
 Был я, был я в Петербурге и в Москве,
 да не нашел я невесту по себе.
 Да я еще же назад ворочусь, да во собор схожу, Богу помолюсь.
 Да ты создай, Боже, Господи, да мне судьбу-ту хорошую,
 Да мне невесту-дочь барышню,
 красну девицу постелю устилать,
 Про удала добра молодца, про Максима Александровича
 (д. Плешково).
 Песня «Синее море, синее море» соотносится с причитаниями:
 Синее море, синее море на волнах стоит, на волнах стоит.
 Наша невеста, наша невеста во думах сидит, во думах сидит.
 Сдумавши она, сдумавши она, слово молвила, слово молвила:
 – Сяду, посижу, встану, погляжу, кто вино пьёт, кто зелено?
 Папенька пьёт, папенька пьёт по три кружки вина,
 по три зеленого.
 Папенька, пей, папенька, пей, да меня не пропей.
 Сяду, посижу, встану, погляжу, кто вино пьёт, кто зелено?
 Маменька пьёт, маменька пьёт по три кружки вина,
 по три зеленого.
 Маменька, пей, маменька, пей, да меня не пропей.
 Сяду, посижу, встану, погляжу, кто вино пьёт, кто зелено?
 Братец мой пьёт, братец мой пьёт по три кружки вина,

по три зелена.

Братец мой, пей, братец мой, пей, да меня не пропей
(г. Кунгур).

Аналогична ей песня «Взойду ли я, взойду ли я...»:
Взойду ли я, взойду ли я на приверх города, на приверх висока.
Посмотрю ли я, посмотрю ли я, да как мамонька пьет,
да как папенька пьет.

Мамонька, пей, да меня не пропей.

– Ой, мила дочь, ой, мила дочь, ты давно пропита,
ты давно пропита.

Права рука, права рука наперед задана, наперед задана.

Русая коса, русая коса запровожена, запросватана.

Буйна голова, буйна голова запоручена, запоручена.

Ой, свет, да за Иваном Ивановичем, ой, свет,
да за Иваном Ивановичем.

(д. Плешково, зап. от П.И. Мелковой, 1938 г.р.).

Песня «Как по сениям, по сеничкам» посвящена супругам:

Как по сениям, по сеничкам, по частым переходичкам

Тут и ходила-гуляла молодая боярыня.

Во руках она носила два бриллианта, две жемчуги,

Две алмазных булавошки.

Положу их на лавочку я, полежите малёшенько,

Покуль я молодёшенька, покуль детки малёшеньки.

Я пойду погуляюся я из спальни во чайную,

Из столовой в нову горенку.

Погляжу я в оконенку, не светел ли светел месяц,

Не ясно ль красно солнышко.

Еще весел ли милый друг, свет Иван-от Иванович.

Веселым-веселёшенек, молодым молодёшенёк

(Зап. от З.А. Богдановой, 1927 г.р.).

Вариант песни «Розан» исполняли дружкам в доме родителей невесты в день обрученья:

Розан мой, розан, виноград зелёный,

Кто у нас хороший, кто у нас пригожий.

Михаил хороший, Михайлович пригожий.

По горнице ходит, манерно ступает.

Во сенцы выходит, сенцы воскрипают,

На крыльцо выходит, крыльцо колыбается,

Крыльцо колыбается, конь-от подвигается.

На коня садится, конь под ним бодрится.

По улице-то едет, его люди видят.

Все люди глядели, молодца хвалили:

– Чей такой хороший, чей такой пригожий.

Михаил хороший, Михайлович пригожий.

«Вот песенку спели, сказали: «С песенкой!» Девки с тарелочкой стоят. Споют песню, им на тарелочку деньги кладут» (д. Осинки). «Тут жених им деньги даёт, за песни-то, потом пирог подаёт» (с. Троицк). «За песни девчатам выкуп был. Кому-нибудь споют песню, тот положит деньги на блюдечко и говорит: «Выкупайте». Девки тут его должны были все поцеловать. А то возьмёт и сам девок всех перецелует» (д. Плешково).

«Вот тут посидят и идут плясать, а жених сидит за столом, не пляшет. Как пойдут плясать, тут все начнут дробить, только шум стоит. Русскую заиграют, и все кругом пойдут под частушки. Гармонист хороший, так и выпивки-то идёт меньше. Вот тут гармонист был – приехал, закусил, встал на лавку, петухом закукарекал и давай играть. Так все до четырёх ночи никто сесть не смог, все плясали».

Исполнение частушек, представляющих в совокупности целый цикл со свадебной тематикой, иллюстрируют следующие тексты:

Я пойду переодену юбку коротаечку.

Посмотрите, что вам будет, девки, за духанечку.

Подружка моя, каленая иголочка,

Побойся бога и меня, не отбивай милёночка.

Запою, раздайся голос по всей нашей стороне.
Не услышит ли мой милый, не вздохнет ли обо мне

Дорогой залеточка, я не самолёточка.
Я не в первый вечерочек остаюсь сироточка.

Не ходи, машина, лесом, не ломай сосёночки.
Не садись, милёнок, рядом, садятся девчоночки
(д. Плешково).

В ряде случаев уже в обручение родители благословляли молодых («И в обручение молодых-то благословляют. У каждого своя икона была, мужская и женская, дак ими» - Троицк). Отмечен и обмен дарами («На обручение жених невесту дарил, брал ей на платье матерьял» - Одина; «Невеста свекру, свекрови покупает тоже подарки, подаёт» - Троицк).

«Побыли у невесты, к ночи домой едут. Скажут, к сколько часам приедут за невестой» (д. Заспалово).

Как и в последний девишник, в ночь после обручения невесте предписывалось спать сидя за столом (или на лавке в переднем углу). «Невеста спать перед венчанием легла, где сидела, за столом на лавке» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой). «Когда к невесте приедут на обручение, тогда свекровь дарила в подарок шаль, как закрывать невесту. Вот шалью закрывала, привезет шаль-то и покрывает. Невеста за столом сидит, она на голову одевает, а в это время девчата поют. И вот невеста должна под этой шалью ночевать - ночует там, где сидела» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Вот попили, поели, и свекровь накрывает платком, шалью ли невесту, чтобы, мол, она к ним пришла в дом, от сглазу как. Я и спать должна была на этом месте на лавке-то, под иконами. Лавка-то у стенки вдоль половиц была, вот на ней и спала» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «С обручения как гости поехали, свекровь меня полушалком, с глазами прямо накры-

ла. Я за столом сижу, и меня тут и накрыли. И они уехали» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Жених пойдет, невесту платком закроет, она остаётся сидеть за столом. Закроет большим платком, не завязывает концы, по груди спустит только» (д. Осинки). «Я за столом так и осталась накрытая, а жених уехал домой. Утром проснулись все, давай собираться» (с. Троицк, зап. от М.И. Бельшевой). Иногда рядом с невестой на ночь оставляли ближайшую подругу: «Когда гости уезжают, невесте всю ночь спать нельзя, вот девку-то и оставляют рядом. Это перед венчанием» (д. Будайки).

По некоторым рассказам, обручение, как свадьба на стороне невесты, могло заканчиваться подменой (далеко не шуточной) невесты. «В деревне свадьба была соседней, не у нас. Приехали на обручение, вышла невеста одетая, встали за стол. А жениху-то привели невесту-то не ту, другую. Мать-то его, дескать: «Не та ведь девка-та». А он был смирный такой, говорит: «Ну, пусть, ладно». И вот их женили, они выжили, всю жизнь прожили. И он её всё звал подкидышем, никак имем не звал. Дак если б он сразу сказал, мол, мне эту не надо, давайте ту, которую я сватался. А раз ладно, ну и чё, и вот» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.).

Вытьё. Косу расплетать (садить, отбирать). Красоту сдавать.

В день венчания главное событие – прощание невесты с красотой-девичеством. «Вытьё было раньше-то – это перед тем, как жениху приехать. Я сильно ревела. Девки как запели, даже сердце не выдерживат. Это в последной день только, когда косу отбирали» (с. Серга).

Прощание девушки с красотой могло проходить как накануне свадьбы, так и в день венчания. Это зависело от того, как договаривались родители на «просватанье». Если свадьбу делали с обручением, то ритуал сдачи красоты проходил вечером, сразу после невестиной бани. «Вечер перед женихом - вытьё, невеста тут ревёт. Косу расплетали, каждая девка подходила к ей, по плетешку раздёргивала» (д. Зарека, зап. от А.А. Стерлиговой, 1935 г.р.). «Косу до обруче-

ния расплетали. Когда жениху приехать, тогда уж она *косу садит**. Невеста не отдаёт косу-то, а крёстная отбирает» (с. Зуята). Если на совете родственников невесты и жениха на «просватанье» договаривались делать свадьбу с «гостинцами», расплетение косы девушки проходило утром в день венчания. «На следующий день после бани придет крёстная и косу расплетат. Девка ревет, косу не отдает» (с. Кинделино). «Невеста отдает красоту утром, перед тем, как жениху приехать» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.). Ритуальную процедуру «сдачи красоты» могли исключать в том случае, если девушка выходила замуж *«завитая*»* (т.е. не девушка). «У меня-то коса против Сылвенского моста осталась, я завитая была. Вот и не расплетали косу-то» (с. Троицк).

Сама процедура сдачи варьировалась незначительно. «Девки отнимают косу после бани. Заплетают-то в бане, а когда домой привели, за стол посадили, косу отнимали. Отобрали косу, считай, что не девушка будет. Девушки ведь носят косы-те» (д. Плешково). «В косе одна ленточка, невеста сидит на лавке, ревет» (с. Зуята, зап. от Т.Е. Пачиной, 1926 г.р.). Ленточек в косе могло быть и много – по числу подруг: «Столько ленточек привязано у меня было – взад тянуло. Потом все девкам раздала, подругам» (с. Серга).

«Если мамы нет, отца ли, она сперва в углу сидит, ещё с косой, её платком-то повяжут, потом за ворота выведут, там постеляют на землю платок, она на нём там падает и плачет» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Плакали ещё, а у меня мамы-то не было, так меня на улицу выводили, по направлению на гору-то, где мама схоронена, я туда плакала, прощение-разрешение просила. На улицу-то подруги выводили» (с. Калинино). Следующий фрагмент плача-вытья обращен к отцу:

Кто-то стукатся, да кто-то брякается,
не идет ли мой родимый тятенька,
Не несет ли во правой рученьке благословеньице-то господнее,
А в левой рученьке платье цветное,
платье цветное, да подвенешное.

(с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.).

«Если родители есть, невесту в красный угол посадят, платком закроют» (с. Калинино). «Выть начнут, такую песню заведут, что ты сам заревёшь» (с. Насадка). «Старушки поют, *к земле припевают**, девке просватанной, это такие старинные песни. А девка наклонится к полу, на коленках ревет» (с. Серга). «Подруги приходят, поют: «Отдам я тебе девью красу». Всякие слова, я уж не помню. Вот каждая девка, они кругом сядут и поют. К каждой подружке на колени она падает головой и ревет. А остальные-те поют все» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Девка на подруг падает со слезами: «Поплыла де моя тесова кровать». А потом еще поют: «Недолго веночнику на стулике лежать» (с. Калинино). Девки запевают или невеста: «Я отдам свою дивью красоту задушевной своей подружке посреди полу...». Отцу припевают так же, матери, крестне» (с. Калинино). «Тяте приделывали слова, потом матери. Невеста к родителям подходила и ревела на плече-то, к каждому. На плечо навалится и завоет. Жалко ведь оставлять-то» (с. Калинино).

Во время вытья и проходило расплетание косы. Процедуру расплетания начинала мать или крестная невесты, потом по плетешку раздергивали косу девушки отец, крестный, сестры, братья, наконец, подруги девушки. «Косу расплетают и песни поют, приговаривают мать, она тогда и расплетает, девушки только поют» (с. Зуята, зап. от Т.Е. Пачиной, 1926 г.р.). «Я волосы пальцами всяко повыпутывала, чтобы она не отобрала у меня, мама-то. Не за столом, на табуретке. Я на табуретке, она на табуретке сидим, девки поют» (д. Плешково, А.П. Третьяковой, 1935 г.р.). «Косу расплетают, сначала мать начинает, невеста-то не дает, потом девчонки, хоть маленько да тиснут, косу расплетут» (с. Калинино). «Невестина крестная расплетает, и тут песню поют «Русу косу отдает». Девка не дается, на правую руку навёт её и дёржит, чтоб не расплетала. А сама ревет. Крестна косу из-под руки достанет и расплетет» (с. Кинделино).

«Мама завела меня за стол, перед образа. Сели девки кружком,

давай расплетать. Я держу косу-то, не даю, они навалились, каждая по плетешку расплетала» (с. Зуята). «Вырывают ленточку у неё, она не даёт. А ей дадут полотенце, навяжут картошку в полотенце-то, завертят, она вот каждую девку и хлещет им, не отдает ленту» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Девки-то косу расплетали, дак каждая по очереди подходила» (д. Мягкое Поле).

Ох, ты меченьки, да мне тошнёшенько,
ретиву-ту сердцу тяжёлёшенько.
Расплелась да моя трубчатая коса,
что рассыпались-то русы волосы
Да по моёму да платью цветному,
платью цветному, подвенешному
(с. Зарубино).

«Ленты из косы ложат на блюдце. Невеста держит тарелку, там цветы и ленточки. Ленточки красные, белые, цветы. Потом девкам их отдаст, и вытье заканчивается» (с. Серга). «Косу расплетают, вот ленты на тарелочке лежат, и потом невеста девчонкам их дарит. Кому брошь подарит, всем дарит» (с. Калинино). «Ленточки, сколько девок зовёшь, всем по ленточке раздашь, а красоту-то её в книгу, в церковь» (д. Будаики, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.). «Дарит девка ленточки, они нарезаны, покупали красны атласные ленты, красивые. А саму главную ленту она оставляет в церковь, венчаться. Там клала в Евангелие большое её» (с. Бым). Ленты раздаст, а большую ленту вешала за пояс. Широкая – белая или розовая, в церковь это. Тут тоже поют:

Я раздала свою красоту по кумушкам, по подруженькам,
Да по душам да по красным девицам
Тут каждую девушку взвеличают –
«Вот тебе я дарю, свою красоту отдаю»
(д. Плешково).

«Вот расплели, волосы у невесты распущены, песню споют. Потом взяли ленточку и одним концом стянули волосы у затылка-то» (д. Мягкое Поле, зап. от А.Н. Бурматова, 1927 г.р.). «Косу-то ей пе-

ревяжут, перехватят так у затылка» (с. Калинино). «Как красоту сдадут, невеста волосы распустит и до венца ходит с распущенными волосами. Расплетенная и к венцу едет» (д. Весляны, зап. от К.И. Афанасьевой, 1929 г.р.).

«Когда красоту отдадут, песни все перепоют, начинают невесту одевать, причёсывать. Невеста умоется и платок, с которым стояла, ревела, на полати бросает и говорит: «Оставайся, значит, дома, девичество» (с. Бым).

2. Свадебный день

Утро свадебного дня.

К приезду жениха родственники девушки готовились самым тщательным образом: накрывали на столы, снаряжали невесту. «Вот нас с подругой заставили лечь на землю и слушать: идёт, нет свадьба-то. Вот мы легли и только слышим: топ, топ, топ» (с. Серга).

Девушки и крестная мать снаряжали невесту: одевали подвенечное платье, *увальни**, на голову надевали веночек и «ленту-красоту». Цветы в венке обычно делали из воска, на проволочке, украшали его зелеными листочками. «Веночек кто покупали к свадьбе, а кто сами делали, умели, его одевали. Как по невесту приедут, она уже в венце-то и сидит, волосы-то еще распущены тут» (с. Троицк, зап. от Н.И. Болотовой, родом из д. Мушкалово).

«Жених уже вот-вот должен подъехать, тут платье оденет невеста, *уаль* оденет, на неё *светы* и ленточки. Светы на лоб одевают. У меня высокие такие светы были» (с. Зарубино). «Сама девка шила себе платье. Белое, завсегда уж белое, вуаль длинная, рукава длинные, само платье длинное, цветы красивушшие надеты» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). «Невесте увальни делали - специально надевали на её из реденькой тюли накидку – белая, до полу, пышная» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Сряжают девки, а потом кресна доделывает всё: цветы прикалывают, красоту

прикалывают» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой). «У меня цветы восковые были, в три ряда делали на заказ монашки» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.). «Цветы-то с черёмуховую ягодку такие из воска были» (д. Плешково). «В церковь-то её соберут, веночек оденут восковой, вуаль на распущены-то волосы» (с. Калинино). «Если добрая девушка, то ещё тут на грудь красоту прикалывают бантиком на правую сторону. Мама, крестна прикрепляет. А если недостойная, то не прикалывает» (д. Плешково).

По правилам обрядования запрещалось надевать венки, вуаль и красоты-ленточки девушке, если она выходила замуж «нечестной» (недоброй, недостойной). «Я не девкой вышла, дак не делали веночек. Ленточки тоже не было. Нельзя ложить, если не девушка» (с. Калинино). «Раньше *уваль** не каждой тоже надевали, только если невеста себя сберегла до свадьбы» (д. Подъельничная). Запрещалось также невесте пользоваться чужим «снарядом»: «Чужой венок невесте нельзя и чужое платье: как *растаргиваешь** своё счастье» (с. Троицк).

Утром в день венчания, получив родительское благословление, жених с родственниками отправлялся в дом невесты. «Ивана дома мать благословила, и эту-ту икону в церковь-то и повезли потом венчаться» (с. Бым).

Свадебный поезд жениха обычно включал нечётное количество лошадей и был украшен колокольцами, ленточками (иногда венниками и даже лаптями). «Лошадок-то старались нечетное число делать. За невестой едет жених с крестным, дружки» (д. Ключ). Правило, чтобы в свадебном поезде было нечетное количество лошадей, соблюдалось довольно строго. «Если богатая свадьба – двенадцать лошадей, победней – девять лошадей, или семь лошадей, или пять. Самая бедная – пять лошадей» (с. Юговское, зап. от Е.П. Пауковой, 1927 г.р.).

«Трой дружки были - первые, вторые и третьи. Кони все украшены, с колокольцами, ленточками. Колокольчики привяжут, раньше венчались ведь с бубенцами, наредят дугу, ленточки навяжут и едут.

Такие кони снарядные, всё блестит на них, ленточки дуются» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р., С.М. Букирева, 1929 г.р.). «Лошади в бубенчиках, дуга украшена, оглобли ленточкой перевиты» (с. Калинино). «Лошадь украшали колокольцами, цветами, цветы делали - раньше была цветная бумага. И такая упряжка специальная была, не то, что по дрова поехали» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковской, 1918 г.р.). «Кошёвки украшали стружкой, она такая длинная была, не лыко, нет, но такая, как мочало, её навешают на оглобли, на дугу да ещё разукрасят, голубая там, всякая. На первую лошадь обязательно вешали» (д. Осинки). «Ленточками украшали лошадей, пузырями надувными, как шары, на дугу навешают, на збрую навешают» (с. Троицк). «В кошёвке половички такие были постланы цветные» (с. Зуята). «Лошадям ещё косички заплетут, венки навяжут, кто на спину, кто на хвост - это когда за невестой едут» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «На лошадь венки вешали, ленточки, лапти» (с. Юговское); «Коней попонами закроют» (д. Патраково). «Обязательно в каждой кошеве гармонист был свой. Гармонь ленточками украшали, ленты-то прямо к ремням привяжут» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.).

Не доезжая до дома невесты, свадебный поезд останавливался. «За деревней встанет поезд у дороги и стоит - нельзя дальше. Свадьба не двинется, пока не *подружат**. Выходит один дружка с *витнём** таким и начинает дружить, наговаривать» (с. Зуята). «Дружек пять, а то и шесть было, по количеству родственников, а дружил-то один» (с. Ленск). «*Шофера** раньше еще были на свадьбах-то, помогали вести» (с. Калинино, зап. от Л.Н. Тамбовцевой, 1939 г.р., В.Ф. Безводинских, 1929 г.р.).

«Дружек сначала в дом не пускают. Они в окно, двери стучат: «Здесь ли живет наша невестка?» Да ещё с приговорами. Раньше ведь люди знали чё-то» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). «Дружки в окошко стучали плетками» (с. Серга). «В руках у боярина витень, сделанный из небольшой палки, с лентами. Старший дружка неженатый, самый бойкий парень» (с. Калинино). «Витень такой у

дружки, вот это палка и тут шнур. Плетка в общем» (с. Зуята).

У дома родителей невесты свадебжанам готовили испытание. «Иные все двери закладут дровами. Вот дружек и заставляют разбирать» (с. Серга). «А то опять приедешь к кому, двери все закладут дровами. Нарочно делается, что ли? Вот дружек заставят, где-ко дрова были, их все сложить, тогда к невесте пустят. Дружки должны эти все дрова стаскать, где были, на место» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Тут ведь даже двери заколачивали, да ещё до дому-то дорогу загородят, деревьев, досок наложат» (с. Ленск). «Придешь когда по невесту, тебе нальют банку трехлитровую воды, там ключ пустят, говорят: «Пей, выпивай всю банку, пока не выпьешь эту банку воды, ключ не достанешь» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.).

«Дружки ещё ходят, наговаривают: «На меня, на дружку, не бросьте соплей мотушку», – это как в дом зашли» (с. Серга). «Девки поют друженьке-то, а дружка пляшет. Или песни поет с имя же» (д. Обухово, зап. от А.М. Третьяковой, 1939 г.р.). Вариант песни «Розан», исполнявшийся дружкам жениха в день свадьбы:

Розан мой, розан, виноград зеленый,
 Кто у нас хороший, кто у нас пригожий.
 Ванюшка хороший, Григорьевич пригожий.
 По горнице ходит, головушку чешет,
 Кудри завивает, рядок разнимает.
 На коня садился, конь под ним бодрился.
 Плеточкой он машет, конь-от под ним пляшет.
 По улице идет, все-то люди смотрят,
 Чей это хороший, чей это пригожий.
 К дому подъезжает, мать с отцом встречают.
 Мать с отцом встречают, сыном называют:
 – Сын ты наш, сыночек, сизый соколочек,
 Где же ты гуляешь, кого забавляешь?
 – Был я у девицы во светлой светлице,
 Во светлой светлице, играл на скрипице,

Завёл я девицу, свет Татьяну Ивановну.

(д. Плешково, зап. от А.И. Сайдаковой, 1947 г.р.)

«На столе под скатерть соль кладут на тарелочку, дак вот дружка с витнем-то придёт, дак всю тарелку разбьёт. С витнём придёт, щёлкнет по столу-то» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.).

Невесту (место) выкупать

Ритуальные действия, связанные с попаданием жениха в дом невесты, в местной традиции активно варьируются. В деревнях и селах Троельжанского, Калининского, Плехановского поселений (по современному административному делению) особенно детально развернута процедура купли-продажи невесты (*выкуп невесты*), включавшая в себя такие действия, как подношение даров невесте, перебрасывание обрядового хлеба через перегородку, ряжение.

«Жених добирается до невесты, а её прячут, не отдают. Он с товарищем раскидывает народ, народу-то полна изба» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Невесту прятать надо. Дружки бегают, ищут её. В чулан закрыли, да и всё. Тут выкупают невесту-то» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой). «Жених придет, подружки невесту на кухне прячут. Жениха не пускают, выкуп просят. Вот ещё невесту спрятали, мама моя невестой нарядилась, вместо её пошла. Потом невесту нашли, дак опять туфель спрятали у неё» (с. Калинино, зап. от Л.Н. Тамбовцевой, 1939 г.р., В.Ф. Безводинских, 1929 г.р.). «Старуху нарядят, выведут жениху, вот мол, мало дал, дак на тебе таку-то невесту. А то опять всех девок простынями закроют и жениха угадывать заставляют» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Старуху скорехонько снарядили, в чулан посадили. Я зашла, смотрю - сидит, правда, халат на ей, дальше не видно, платок тут на неё одели, сидит, в чулане спряталась. Жених-от *на чистую монету** туда рвался, рвался, чуть двери вместе с косяками не выдрал. Потом уж я говорю: «Изломат ведь, отпустите». Отпустили, он туда влетел: «Ох! Мне её не надо» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р. К.А. Ситникова, 1928 г.р.).

Своеобразная состязательная игра – перебрасывание через грядку (или *поличу** – полку, отделяющей кухню) калача. «Раньше калачи через поличу подавали, где девки-то с невестой, игра как такая была, одни кидают калач, другие ловят» (с. Калинино). «Невесту спрячут, девки за её кругом встанут, песни поют. Приедет жених, и тут хлеб кидают. У него крестный кидает через полицу, девкам калач-то. Выкупают как невесту. Девки опять калач ловят. Кто поймает, та первая замуж выйдет» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковской, 1917 г.р.). «Дружки тут привозят *ерушничек** такой сдобный и бросают в девок, считалось, в кого попадут, та замуж выйдет» (д. Плешково). «Жених обязательно калач привозил. Кто и подшучивал. Вот я помню, черную лепешку один привез с фермы, её телятам пекли, а он привёз. И через грядку этот калач жених подает девчонкам, чтобы потянулись девчонки-то. Жених бьётся, его ещё не пускают ведь к невесте» (с. Серга).

Когда жених проходит к невесте, она встречает его с угощением. «А как пойдет к невесте-то, дарит ей гребешок да что да. Тогда она подаёт ему тут платочек и стопочку на подносике, ещё некоторые стопочку-то перевернут кверху дном. Кто не растеряется, тот перевернёт вместе с подносом и пьёт» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Жених привозил духи, одеколон, печатку мыла, гребень. Невеста потом к грудям мыло клала, венчаться поедут дак. Потом эту печатку берегли: мало ли, глаза болят ли, ребенок ли заболевает. Берегли, мыли этим» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.).

В населённых пунктах Сергинского, Тихановского, Зарубинского поселений обрядовая процедура, содержащая требование платы за место за праздничным столом и ритуальную кражу пирога, получила название *место выкупать*. Фрагментарно (только на территории Зарубинского сельского поселения) встречается ритуальная процедура бросания обрядового хлеба. «Жених с гостинцами едет. Без гостинцев-то не пустят, невесту-то выкупить надо. Он идет с гостинцами, с подарками, с калачами ездили, с хлебом. Надо выкупать невесту-то

– вот девки с ребятами борются» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). «Девки и дружкам цветки, и жениху, ему цветок, и дружке от жениха девушки прикалывают. Если дружки или гармонист, то тут бант и ленту вязали. Да не даром. Ещё дружке песни поют: «Уж ты, дружка, ты храбрая», – тут называют, величают его. «Вот тебе цветок, одари» Ленточку и цветок восковой ему прикалывают, он опять должен одарить. Мне даже двадцать пять рублей дали. «Розан» ещё дружкам пели» (с. Зарубино). «Для дружек делали цветы белые, прикалывали дружкам с ленточками голубыми, белыми» (д. Плешково). «У жениха, у дружек синие ленты такие, ещё жениху делают маленькие такие цветочки, восковые тоже. Эти цветочки жених выкупает у девок, те опять на костюме ему ладят» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). Выделяются костюмом и свахи – они были обычно одеты в чёрные кашемировые шали (г. Кунгур).

«Как приезжат свадьба, сначала невесту не дают. Она тогда дарят этот калач, ну, калач, каравай, девкам. Парни-те жениха-то, дак оне выкупают у девок невесту, дарят этим девкам. Через людей вот эдак кидают. Девки стоят, а парни по ту сторону. Невеста у девок, а жених у парней. Раз выкупают дак. Вот они и бросают среди девок. Какой девке попадет, той, говорят, и вперед замуж выйти. Потом едят его, каравай-от» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.).

Распространенная забава – пересолить свадебное угощение. «Жених приехал, сам пересолил всё и сказал: «Ничё не умеет молодая делать. И мать не умеет, и она сама. Давайте воды». Попробовал питьё, опять: «И даже вода-то у них соленая» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «На свадьбу шафер привёз соль и всё пересолил, а всё равно всё съели, выхлебали» (с. Калинино).

Выкуп невесты обставлялся как самостоятельный игровой эпизод. «Невесту выкупать заставят. Дружки перво идут в дом, там невестина родня займёт место-то, вот выкуп требуют, дружки расплачиваются. Раньше *кумышка** была белая, её на хлебе гнали, её не как брагу перегоняли, это называется *перегон**, а кумышку-то квасили перво, она хлебная была, вот ей выкупали» (д. Зарека, зап. от

Н.А. Пешковой, 1940 г.р.). «Невесту не показывают ещё сразу-то. Дружкам-то: «Давай выкуп» (д. Будаики). «Дружки у жениха выкупали. Займут за столом место у молодых: тут или сестра или братья сядут, и просят тут: «Сколько на столе уголков, столько нам пятаков. Сколько на столах цветочков, столько нам корочёчков. Сколько на узле завязочек, столько нам десяточек» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Платок с горошками возьмут: «Сколько горошков, столько и рюмок». А то невесту тут спрячут, не отдают, платок-то тут и тащат, чтоб выкуп за девуку взять. Чем мельче горошки-то, тем больше выкуп-то будет, там рюмок ли конфет, кто деньгами» (д. Патраково). Не пускают как - снарядят невесту, какая-нибудь старушка сядет, ей вуаль сделают из тюли, из венка венки сплетут; жениха еще ей снарядят, а когда и маленьких оденут. Место де занято, вот его выкупать надо» (г. Кунгур).

«За стол-от сядут, дак там садятся свадебжане, кто попроторнее, мужчины. Вот надо выкупить место жениху-то, а тут на месте ведь девки сидят. Целу пол-литру как-то у нас спросили» (с. Серга). «Место выкупают – родители трех крепких мужиков посадят за стол. И от жениха которые, они должны подать им по три стакана браги, тогда жениховы гости только садятся за стол. Три, наверно, стакана браги, тогда ведь брага была, выкупали. Они по три стопки выпьют, место уступят» (д. Плешково, зап. от А.П. Третьяковой, 1935 г.р.). «Накрывают на стол, ихни гости садятся, а дружки подходят ко столу, наливают. Три подачи выпьешь сподряд, значит, всё, невесту выкупили. А не выпьешь – канитель, начнут спорить» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р., С.М. Букиревой, 1929 г.р.). «Опять тоже там ведь пирог оне везут, гости. Так ведь девки воруют пирог-от. Кто-нибудь там под стол залезет, надо пирог-от как украсть. Вот выпьют и вылезают с места, и жениховы гости садятся» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.).

Вывод невесты

Вывод невесты – торжественный момент. Жених ждёт невесту за столом, ему поют особую песню «Винная ягодка»:

Ой, ты, винная ягодка, виноградная веточка.

Удалой да молодец, Николай Степанович.

У тебя, у молодого, у тебя лицо белое,

У тебя лицо румяное.

Мы не сможем узнати, мы не можем распознати

Удалого молодца, Николая Степановича.

Мы теперь узнали, мы теперь распознали

Удалого молодца, свет Николая Степановича.

По его лицу белому, по его лицу румянному,

По пестушке веселому, по его по ясным глазам

(д. Плешково, зап. от А.И. Сайдаковой, 1947 г.р.).

«Вот гости жениховы уже за стол встали, девки начинают петь: «Я не выйду не выступлю без родимого тятеньки, без его правой рученьки, без крупитчата колачика» (д. Плешково). «Красоту пели: «Выходила красна девица». Отец выводит невесту к жениху под песню «По лугам вода вёшная» (с. Калинино).

По лугам вода вёшная, по лугам разливалась.

Унесло и увяло три корабля от бережка.

Что де первот корабличек с сундуками коваными,

Что второй-от корабличек с шитой-браной постелею,

Что же третий корабличек со душой красной девицей,

Со Татьяной Васильевной.

Оставалася мамонька на крутом бережочике,

На желтом на песочике

Стоючи она плакала:

– Ты, родимое дитятко,

Ты оставила мамоньку.

Да еще ты оставила свои алые ленточки.

– Я по ленточки ворочусь, я по алые ворочусь.

И сказали подруженьки

– Не бывать не воротишься.

Ты теперь во замуж пошла за чужого чуженина,
За удал добра молодца, за Максима Максимовича.
Да душа красная девица, да что Татьяна Васильевна
(д. Плешково).

Невесту выводили к жениху или отец и мать, или крёстные родители. «Отец выводит невесту за стол за платочек. За платочек держится и передает жениху. И жених садит её с собой рядом» (д. Обухово). «Запоют, тут отец-то выводит за стол. Жених за столом сидит, отец заводит, все гости встанут, тут отец-то и ведёт» (с. Зуята, зап. от Т.Е. Пачиной, 1926 г.р.). «Невесту за стол заводит за платочек-то крёстный» (д. Будаики). «Мать ведёт невесту за платочек за стол. А жених тоже берёт её за платочек» (д. Плешково). «Жених невесту на кухне находит и забирает, она идёт рядышком, постельна сваха тоже рядышком, идут вот за стол. Жених за руку ведет за стол. Тысяцкий идет вперед, потом молодые, потом постельна сваха» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «Невесту заставляли на ноги смотреть жениху-то, наказывали, такая примета там была почему-то» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.; непонятный рассказчице наказ смотреть жениху на ноги - такое требование было и при сватовстве - можно связать с запретом на прямой визуальный контакт молодых, с обязанностью невесты демонстрировать покорность).

«Место у молодых в первом ряду. Справа жених, потом родители жениха. Невеста слева. По одну сторону жениховы, по леву – невестины родственники сидят» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). Застольные песни также адресуются гостям:

На море, на море, на острове, на острове
Сидит дивна девушка на камушке, на камушке.
Плакала у нас Аннушка по косе, по косе,
Плакала Ивановна по русой, по русой:
– Верно тебя косынка не прятывати, не прятывати.
В косы алых ленточек не вязывати, не вязывати.
С красными девушками не гуляти, не гуляти.

С холостыми ребятами не живати, не живати
(с. Серга, зап. от В.А. Мульковой, 1939 г.р.).
Песня «У пташечки, у касаточки» содержит мотивы причитания:
У пташечки, у касаточки на лету крылья трепыхаются,
Как у душечки, у красной девицы ни ума не было,
ни разума во замуж идти,
Да во чужие люди, во крепкие руки.
Завёл родню родимой папенька, завела родню родима маменька.
На торги пойдут дочери, пойдут с торга, зайдут с торгов,
Идут – то не платье несут.
Носи платье да не складывай, терпи горе, да не сказывай.
– Ох, папенька родименький, ох, маменька родимая,
Поселите вы на сине море да серых гусей.
Какое гусям плиты да супротив воды,
Таково мне жить во чужих людях, да во крепких руках.
Ох, вы, девки – девушки, голубиные семена,
Много вас было сеяно, было сеяно три поля,
А уродилося два поля.
Меж теми двумя полями протекала речка быстрая.
По той речке быстрой бежали три корабличка...
(с. Серга, зап. от В.А. Мульковой, 1939 г.р.).
Песню «У родимой у матушки» исполняли молодой паре:
У родимой у матушки да под передним окошечком
Да выростало-то дрявочко.
Да у красна у это у дрявочки да по четыре пруточика.
Да как на этих пруточиках да по четыре листочика.
Да как на этих листочиках да по четыре винны ягодки.
Да что первая-то ягодка - да разудалый добрый молодец,
Да свет Иван да Васильевич.
Да что вторая винна ягодка - душа красная девица,
Да свет Светлана Ивановна.
Разудалый добрый молодец, да свет Иван да Васильевич,
Со своей со обрученной душой красною девицей,

Свет Светланой Ивановной

(г. Кунгур).

Крёстному пели:

Ты, княжой большой тысячкой, разудалый добрый молодец,

Михаил Михайлович.

Ты подвинься по лавочке да что да вдоль по скамеечке.

Над тобою же да тысячкой да что Никола со милостью,

Да Егорий со храбростью.

Да под тобою же, тысячкой, да три ковра да три шитые.

Далеко по их езжено, да дорого за них давано.

Разудалый добрый молодец, Михаил да Михайлович,

Со своим да крестничком, со Максимом Максимовичем,

Да со его со обручною, да со Татьяной Васильевной

(д. Плешково).

Большой свахе исполнялась песня «Дорога любя гостыюшка»:

Дорога любя гостыюшка, да ты откуда приехала,

Да со которой сторонюшки.

Да у тебя лицо белое, да что белей снега белого.

Да у тебя брови черные, да что пером наведенные.

Да у тебя щеки алые, да что алей маку алого,

Маку алого, раскудрявого.

Да ты откуда приехала, дорога любя гостыюшка,

Да со которой сторонюшки,

Да свет Настасья Ивановна

(г. Кунгур).

Вариант песни «Чья это гостыюшка» исполняли большой свахе в обручение и перед отправлением молодоженов в церковь:

Чья-то гостыюшка, дорога, небывалая,

Ты, княжна больша свашена, ты откуда приехала,

Из Москвы иль из Астрахани, из Сибири богатые?

Да платье-то на гостыюшке да водою колыхается,

Да рекой разливается.

Да и ехала гостыюшка да полями да чистыми

Да ехала восхвалялася.

Да ударю я поля чистые я пшеной белояровой.

Да и ехала гостыюшка да лучами земляными,

Да травами шелковитыми,

Да сама восхвалялася.

Да ударю я луга зеленые да травами шелковыми.

Еще ехала гостыюшка да лесами дремучими,

Да сама восхвалялася -

Да ударю я леса дремучие я куницами-лисицами.

Да доехала гостыя до своего сына милого

(с. Серга, зап. от А.П. Сосниной, 1928 г.р.).

«Вот женщинам-то тут пели:

Грановитые палаты, грановитые палаты становилися.

Как во этой во палате будет свадебка.

Как на этою на свадьбе будет гостыюшка да веселая,

Что Лариса-та Ивановна веселая.

При беседушке ей не сидится,

Её буйная головка расшумится.

Тут наехали купцы со дарами.

Тут дарили молоде да ей на платьице,

Мужу барину её да на всю тройку.

Молода жена боярыни да что Лариса Ивановна

Да со своим со племянником, со Максимом Александровичем,

Со его со обручною со Татьяной Васильевной

(д. Плешково).

Важная деталь застолья - «раскрывание пирога». «К столу тут обязательно пекли пирог, чтоб жених его разрезал, не вынимая ножа» (с. Бым). «Пирог раскрывал тысячкой - резал не кусками, а по кругу. Снимает корку, разламывает. Потом только маленько выпьют по стопочке, закусят. Даже не разрешалось попить до венца, как вот теперь к причастию ходят» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «Пирог разрежут по кругу, корки на несколько частей разрежут, и эти части снимают, как вместо

хлеба берут, а рыбу едят вилками. А как съели, так нижнюю корку тоже разрезают и едят» (с. Калинино). «Пирог каждый должен был по кусочку съесть. Его мать невесты разрежет, а сваха всех угощает. Это когда уже под венец» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Раньше так ведь было: пирог на стол - невесту за стол, это перед венцом-то» (с. Зарубино).

«У невесты только три закуски было - пирог, холодец и уши вот тут поджаривают. И только вилочками у неё кушают» (с. Серга). «Обязательно три закуски. Перед отъездом в церковь третье блюдо выносили закрытым: две пустые тарелки одна на другую поставят и несут. Вот первое-то блюдо – холодец, второе – суп, третье – пустое» (д. Весляны). «Три ествы, по-моему, ставили, и четвёртое *сносное** обязательно, закрытая тарелочка. Это означало конец, жених забирать должен невесту и выходить из-за стола. И потом отправляются в поезд» (д. Елкино, Т.А. Жукова, 1932 г.р.). «Закрытое – ну, хоть чё, хоть капусту, хоть чё, принесут, всё, из-за стола надо убираться. Это у невесты-то в столовань» (с. Зуята). «У невесты выходишь из-за стола, когда тарелочку на тарелочку закроют, подадут» (с. Серга).

Благословление молодых

В свадебной традиции Кунгурского района перед отъездом в церковь производилось благословление молодых родителями невесты. «За стол когда ведёт жених невесту, тогда и дают благословение» (д. Елкино, зап. от Т.А. Жуковой, 1932 г.р.). «Отец своей иконой благословлял» (д. Елкино, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р., родом из д. Закурья). «У жениха мужская икона, у женщины женщина - Божья Мать у невесты, у жениха Чудотворец» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «Над головой благословляют, раз *союзные**. Это у матери благословляют, потом с этими иконами едут в церковь» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р.). «Мать и отец обводили вокруг головы невесты иконой, затем хлебом, потом стукали и тем и другим, крест-накрест. Потом так же делали свекровь и свёкр» (д. Весляны). «Иконой благословляют молодых-то -

они на колени падут и просят: «Благословите». Сначала мать благословляет, потом отец, иконкой-то по голове им» (с. Калинино).

Отъезд к венцу

«Молодые из-за стола выходят, невеста стол за собой тащит. Это когда от невесты уже поехали» (с. Зуята). «Жених повезёт, дак невеста за собой стол потянет, вот прямо за край возьмёт и тянет» (д. Будаики, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.). Когда невесту повели из дому, пели песню «Погодушка да погода-погодушка»:

Погодушка да погода-погодушка, даплыли три кораблика.

Да во первом корабличе да мягка постелюшка.

Да во втором- то корабличе сандуки дубовые.

Да во третьем корабличке да невеста-красавица.

Провожала её мамонька да со слезами большущими.

Говорила ей мамонька:

– Да родимая доченька,

Ты поехала оставила да во светлой-то комнатке,

На дубовом-то столике, на серебряной тарелочке

Золоты свои ключики.

– Да родимая мамонька, я не это оставила.

Да я не это оставила, я оставила свою красоту

Да свои белые цветики.

Тут ответили подруженьки, тут ответили кумушки:

– Ты теперя замуж пошла

(с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.).

Вариант песни «Поднималась погодушка», записанный в с. Зарубино, имеет более развернутый сюжет:

Подымалась погодушка со ветрами великими,

Отбивала погодушка три корабля от бережка.

Что первой-от корабличек с сандуками коваными.

Что второй-от корабличек со постелею мягкою.

Что и третий корабличек со душой красной девицей,

Свет Натальей Ивановной.

Оставалась мамонька на крутом бережочике,
На желтом на песочике.

Оставался, плакала, во слезах слово молвила:

– Ты, родимое дитяtko, ты забыла, оставила
Трое золоты ключики во новой, новой горенке,
На дубовом на столике, на фабричной скатёрочке,
На златой на тарелочке.

– Ты, родимая мамонька, мне теперь не ворочаться
От удал добра молодца.

Я зыбыла, оставила во новой, новой горенке,
На дубовом на столике свою русую косоньку,
Да со алой со ленточкой.

«В сани-то тут сам жених невесту ведёт. Провожают: «Давайте с Богом поехали, да и всё» (д. Заспалово). «Все усядутся в сани около дому. На первой лошаде кричат: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас». А на последней лошаде кричат опять: «Аминь!» И поехали. У нас, например, было три лошади. На первой лошаде жених сидит, тысяцкой, парень какой-то, дружок. На второй лошаде свахи сидят, а на третьей лошаде невеста со своей крестной» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.). «В церкву-то они поехали врозь: она с крестной, он с крестным со своим» (д. Дикари). «В церкву-то я поехала со свахами, у меня их две было, сестры мои старшие, а напереди невесты жених едет с дружком, с крестным, тысячко» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.).

«В церкву-то в разных ехали кошёвках. Дружки ехали, невеста с крестной, жених с крестным» (с. Троицк). «Жених впереди с крестным, потом невеста с крестной, постельные свахи самые последние» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Венчаться *порáзнь** ехали. Первая лошадь – дружки от жениха, от меня девки, дак вместе с парнями сидели. Вторая лошадь – провожатые с иконой. Третья – жених с тысячко. Потом его сваты. А тут уж мы за ними. Мы за женихом, я со своими свахами ехала» (д. Одина). «В церкву-ту только крестные ездили, родители невесты дома оставались» (д. Патраково).

Обязательное сопровождение отъезда – частушки на свадебную тему. «Молодых провожали с гармошкой, частушки пели» (с. Зуята). Примеры такого рода – следующие тексты:

Мама, мама, вырой яму, зарой голову мою.
За гульбу, за волюшку зарой мою головушку.

Вы, родители-губители, губите заодно.
У меня и у миленочка задумано одно.

Вы, родители, советуйте от милого отстать.
Утоплюся в синем моречке, попробуйте достать.

Поработайте, родители, хоть годик без меня.
На тяжелой на работушке вспомните меня.

Меня сватали, не отдали в семейку милую.
Видно, я не надоела тятеньке родимому.

Ох, ты, тятенька, ты, тятенька, какой же ты отец.
Купил белого на платье и поставил под венец.

Меня сватали сваты, приезжай, миленок, ты.
Приезжай на перебой, не откажуся, дорогой.

Меня сватали сваты, на окошечке сады.
На столе клееночка. отдайте за миленочка.

Милый, свататься поедешь, встану на запяточки.
Ты отдай мои платки, пуховые перчаточки.

Милый женится - разженится, разженной хочет жить.
Ох, я этого разженюшку опять буду любить.

У миленка дом не город, его можно обойти.
Ему бедную не надо и богатой не найти.

У миленочка была, стояла под полатями.
Я за то его люблю - один сынок у матери.

Ох, миленочкого мать, что она ругается
Мимо дома не хожу, не насылаюсь, кажется.

Пожила бы в этом доме, поносила бы воды.
Вот придет судьба несчастна, поношу, да не сюды.

У миленочка в дому чешите голову мою.
Русые волосоньки делите на две косоньки.

Меня тятенька просватал в чистом полечке-поле.
Собирайтесь, подруженьки, на дивишник ко мне.

Я у тяти дочь одна, у мамы горемышная.
А у брата, у снохи стала в доме лишняя.

Не ходите, девки, замуж, замуж трудно привыкать.
С половички на другую не дают переступить.

Я иду по улочке, улочка плетеная.
Повезли подруженьку – коса незаплетенная.

Мы с подружкой на катушке - покаты да покаты.
Раньше я была на моде, а теперь, подружка, ты.
(с. Серга)

Приехавшие за невестой могли подвергаться вышучиванию, порой далеко не безобидному. «Девка в другу деревню засобиралась, так ребята отрезали оглоблю, лошадь-то без саней ушла» (с. Тро-

ицк). «Дед был один, его на свадьбу не пригласили, так он что, такой здоровый мужик был, взял всех лошадей на сарай стаскал. А ещё вот распрягут лошадей, в забор оглобли вот так вталкивают и с другой стороны забора запрягут, это у гостей. Те понять ниче не могут - лошадь тут, а телега за забором» (с. Бым).

«Невесту увозят к жениху, девки остаются в доме невесты пол мыть, посуду убирать, они к жениху-то уж не ездят» (д. Будайки, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.).

Венчание

«Приехали к церкви, жених невесту выносит из кошёвки. Берёт на руки, и вот пошли» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой). «В церковь начали заходить, меня муж понес. Я тут на порог должна была наступить» (с. Троицк).

«Сразу там на круг встают, там круг постеляют, как палас. Постеляют, они, молодые, встают на него, к венчанью-то. Сватья, крестная и крестный встают по сторонам» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Раньше-то на венчание родители не ездили - только крестный с крестной и сватья» (с. Зуята). «Жених с невестой, а тут свахи двойные. От невесты две свахи, *кочур** – за конями кто, он на кошёвках всё сидит. У жениха тоже две свахи: первая, да втора, да тоже кучер» (д. Одина). «Пока венчание идёт, девчонок поставят в церковь с одной стороны, потом, пока венчание-то идёт, их в дом жениха отвезут, чаем напоят, и всё, по домам» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка).

Каждый предмет, которым пользовались жених или невеста в момент венчания, приобретал сакральные качества. «В церковь подруги носили под ноги или ковёр какой, или большой платок, подшалок. Если невеста наперед встанет на него, значит, будет *большачить**, а мужик будет подчиняться» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковской, 1917 г.р.). Надо обязательно с правой ноги на ковер – раз, ступить» (с. Юговское). «*Подножно** берешь, матерья с метр, в церковь-ту, венчаться, дак чтоб стать на его. Кто вперед встанет, тот *большину** будет иметь

в семье» (Талица). «Ещё коврик вот в церкви-то, кто вперед встанет на коврик, тот и хозяин будет» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка).

«Мыло ещё обязательно, в церкву его возили. Это мыло берегли, ребят мыли потом новорожденных» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «Крестна мыло-то дарила, невеста это мыло в церкву берёт, в полотенце замотат и в церкву. Полотенце на животе, под платьем, венчально-то. Его тоже хранили, потом дочери можно было отдать. И мыло-то особое было, им лечились потом» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ).

Ключевым событием обряда венчания являлось возложение священником венцов на головы молодых и разжигание венчальных свечей. Культовые предметы, символически заключающие в себе общую идею жизни, находились в поле зрения всех участников ритуала: по горению свечи, например, можно было определить будущую жизнь молодоженов.

«Батюшко начнёт петь, потом на невесту венец наденут церковный. Свечки у всех в руках. У меня венец очень тяжело на голове был, вот и жизнь тяжелая была» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Батюшка читал, потом надевал на головы венцы, у меня был шибко туго, у него тоже туго было, вот жизнь и не сложилась» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «У меня венец теснило как-то, вот у меня жизнь-то тяжелая и была» (с. Калинино). «Если тяжелый горшок, венец, жись тяжела будет. Тяжело венцы держать, тяжелый и год будет. А иной даже не слышит, что на нем венцы. Плохо, если венец пал. Венец падат, дак не кланяйся. Иногда не венчают, если венец с головы пал. И свечки смотрят, чья быстрее сгорит, тот быстрее умрет» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). «По свечкам смотрели: у кого больше сгорит, тот быстрее умрёт. У кого раньше свеча во время венчания потухла, тот проживет меньше» (с. Ленск). «У невесты и жениха свечки в руках у венца-то, в левой. Этой молится, а этой свечки держат. Ещё им наказывают, мол,

держите свечки прямее, а всё равно не одинаково сгорят. Когда потушат, скажут: «Передайте там тысячку или крестной». Сразу примечают, у кого свечка больше сгорела, тот раньше умрёт. Вот у моего обручального свечка сгорела быстрее, дак его уж три года как нет» (с. Зарубино).

В церкви девушка окончательно прощалась с «дивьей красотой». «Вот в церкви девичество всё и отдаётся. Теперь уж она будет женщина, а не девушка» (с. Бым, В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «После того как венцы надели, икону поцеловали, батюшка начинал петь, вот тогда ленточку-то и клали, красоту-то. Жених стоял, я вышла да и положила в Евангелию» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «Венчалась, так я в ленточке была, а потом положила её в книгу. Батюшка читал, открыл книгу, вот я должна была тут ленточку положить. Сама невеста сняла и кладёт. Она не завязана, так вот одета, два метра. Это когда там уж всё, надеты на голову венцы. Икону поцеловали, а потом он начал петь, вот ленточку и кладёшь» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «В церкву ленточку несёшь. У меня была ленточка полтора метра, розовая. Ленточка висит на левой руке, а правой молишься. Ленточку в церкви оставляешь» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «Ленточка красная или голубая. У меня с метр была, оранжевая. Яркий-яркий цвет был» (д. Одина). «В свадьбу-то невеста встанет на круг в церкви, лента-то у неё висит на левой руке, на запястье. А когда в церковь едет, эта лента розовая у неё на шале висит, летом на *уваль* притыкали. Далеко видно. И когда красоту в Евангелие надо положить, вот девушка идёт, так перекрестится, некоторые даже в землю падают, и тогда уже красоту-то положат» (с. Зарубино). У меня голубая ленточка была, мне наказали: «Он раскроет Евангелие, и надо класть» (с. Троицк, зап. от М.И. Бельшевой). «Ленточку из косы невеста на грудь себе цепляет, когда едет в церковь, там она отстёгивает и кладёт в Евангелие» (с. Ленск). «Ленточку за пояс вставляли – широкая, белая или розовая. Вот венчание-то пройдет, её в Евангелие» (д. Плешково, А.П. Третьяковой, 1935 г.р.).

По тому, как распоряжалась девушка своей красотой во время венчания, участники обряда судили о добропорядочности будущей супруги. «*Балайка*-то* кака не носит красоты в церковь, красоту которы рано теряют» (с. Кинделино). «Ленточку невесте прикалывают светлую, если хорошая. А плохая – прикалывают красную. Красную она в Евангелие не должна класть. Если положит, потом будет сильно болеть» (д. Обухово, зап. от А.М. Третьяковой, 1939 г.р.). «Розовую ленту в Евангелие делали, а если нечестная положила, болеть будет сильно. Бога-то не обманешь. Евангелее-то считают святой книгой» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ). «Бывает, девушка *вырядит** красоту-то, а она её не стоит. Ак потом крестный её выкупает, негоднo опять, говорят, она положит, а потом болеть будешь» (с. Зарубино). «Если добрая девушка выходит замуж, ленту в церкви в икону кладут. А если она обманула, болеть начинала. Тогда она идёт, выкупает её, тогда ей будет легче. Выкупит и домой возьмёт» (с. Зуята, зап. от Т.Е. Пачиной, 1926 г.р.). «Если девка выйдет уже нечестная, то красота, ленточка, в Евангелие смокнет вся. Модно было, чтоб девушка выходила замуж девушкой» (с. Бым).

Существовали и другие приметы, по которым участники свадебного ритуала пытались прогнозировать будущее молодых. «Крест упадет, которым благословляют в церкви, - худая жизнь ожидает жениха и невесту» (с. Троицк). «К разводу дело, если кольцо упадет при венчании» (д. Патраково). «К плохому, если свадьбе похороны встретились» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Вот венчаются когда и свадьба ещё одна приехала, жизнь заладится, а привезли покойника отпевать, жизнь, значит, плохая пойдёт» (с. Зуята, зап. от Т.Е. Пачиной, 1926 г.р.).

Своеобразной платой за венчание в местной традиции выступали пирог, вино, полотенце, мёд и воск. «Пирог с собой брали, венчаться-то ездили. Его батюшке отдавали, и бутылку вина отдавали» (д. Будайки, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.). «В церкви полотенце оставляли» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р.). «У

меня за венчание кадушку мёду тятя отдавал в церковь» (д. Дикари). «Его крестный да моя крестная за венец деньги платили, по иконе молодым покупали» (с. Серга). Каждый крестный покупал, с его стороны и с её, новую икону. Они каждый обязаны были купить» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.).

Заслоны ставить

После венчания молодые отправлялись в дом жениха. «Обвенчуются, невесту жених за руку берет и ведёт в кошёвку» (Плешково). «Перво дружки из церкви едут, потом опять дружки, потом жених с невестой, третья лошадь как, за имя едут *лагунные**, самые последние. Мать с отцом самые последние едут, лагунные, им в ноги наставят лагунов. В каку деревню заезжаешь, тут останавливают всю свадьбу полностью, лагун достают, подают. В деревню поезд заедет, его не пропускают, мол, давай выкупайте, вот тут лагунные-то и стараются» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково).

«Заслон сделают свадьбе, дорогу снегом завалят или бревнами, пока не угостишь брагой, не пустят» (с. Троицк). «Свадьба была у одних. Вот тут встали, мужчина и две девчонки такие. Встали они на дорогу и всё, дорогу-то закрыли. Вот и выкупали. Мужу дали пол-литра вина, а девкам дали конфет, печенья, всего дали, они с дороги-то ушли» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Заслоны делали: растянут какую-нибудь веревку, остановят, кинут ещё чего под ноги, чтобы остановить лошадь-то. Это когда к жениху ехали» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Вот нынче свадьба была у внучки, дак дорогу тоже пересекали. Кто трактор поставит, кто сам встанет посереде дороги - проезду не дает. Раньше вот лесину бросят на дорогу, перепилят её, а нынче-то трактор» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «Когда поедут, тут дорогу закрывали, потом ворота закрывали, всё выкупали тут» (д. Патраково). «Недавно свадьба была, надо было в Кунгур ехать. Дак один мужик, у его родня на железной дороге, он договорился, к поезду

поезд даже подогнал, перегородил дорогу-ту. Смеху-то было сколь» (с. Калинино).

Сундуки возить. Приданое выкупать

«Девка в колыбельке - придано в *коробейке**», - говорили в местных деревнях, подчёркивая таким образом особое отношение к приготовлению приданого невесты, необходимость думать об этом с детства. Передавая молодой предметы домашнего обихода и живность, родственники тем самым напутствовали её в самостоятельную жизнь. Вероятно, поэтому ритуалам, связанным с девичьим приданым, придавали особый смысл, и современные свадьбы без родительских даров воспринимаются негативно.

Определялось особое время и место для одаривания, назначались чины, ответственные за приданое, за его доставку. Приданое невесты в дом жениха привозили родители девушки, крёстные, постельные свахи – *хлопуши** (делалось это обычно во время венчания). «Хлопуша-то соломенну шляпу на свадьбу одевала. Вот она, как с сундуком ехать, шляпу-то и одела» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ). «Сваха-хлопуша, она и приданое везла. Она на венчание не ездила, а в дом жениха приданое везла» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «Приданое свахи постельные привозят в дом жениха. Они в церковь не ездили. Только свадьба уезжает, собираются к жениху с приданным. Сундуки на лошадь и в дом жениха» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). С приданным могли ехать и родители невесты. «У девки родители с приданным едут. Свадьба уехала когда, и потом родители с приданным едут» (с. Кинделино). «Родители, пока молодые венчаются, везут приданое. На венчание их нельзя, только крестные туда едут» (с. Серга).

«Лапти привязывали на дугу - это постельна сваха едет когда с приданным» (с. Троицк). «Когда невесту и жениха увезут в церковь, на коней всё приданое сложат и двух свях посадят» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.).

В дом жениха приданое сразу не заносили, требовали выкуп. «Вот привезут приданое, ящик какой-нибудь, сундук. Вот сидят на сундуке, *коряжатся-кочевряжатся**, чтобы их угощали» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Маленького садили на невестин сундук, выкупать, мол, надо приданое» (Калинино). «У меня села на сундук сестра: «Никому не отдам. Выкуп». Ей насыпали конфет, полный поднос. А женщины кричат: «Мало, мало насыпали, проси ещё больше» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Постельные свахи с приданным-то куражились, сваху-то со стаканом надо встретить, с рюмкой ли. Она на сундуке и сидит» (с. Троицк). «Сваха сядет на сундук, пока не подадут, сундук не отдаёт. Раньше брага была, *кубышка**, вино кислое, вот и подают её» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.). «Для выкупа приданого надо три подачи подать, потом только отдадут» (с. Серга). «Приданое выкупали, водку просили, на уголок сундука поставят, четыре бутылки по уголкам-то и поставят» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ). «Приехали, привезли там сундук, постелю, дак до того напутали там верёвок, дак скоко браги выпили, пока развязали его, пока весь распутали. За каждый узел просили брагу. Как мерёжку сделают, попробуй развяжи» (с. Зарубино). Постельные свахи сундук привезут, постелю, перво не отдадут, надо выкупить. Ещё тут лапти привяжут к ручкам-то сундука, на лапти-те сядут, всяко-всяко тут. Там невестино приданое, дак на каждый угол требуют по бутылочке, на замок ещё привяжут че-то, там плетеные корзиночки были, дак их привяжут. Вот, мол, в корзиночку положить надо. Ещё тут приговаривают на смех: «У сундука-то дырочка большая, там все расковырено, расковеркано». Невесту-то просмеивают, бутылочку выторговывают» (с. Троицк).

«А в дом понесут, тоже заносят сундук с оговорами. Сундук узкий, вот такой, вдоль. Ак мужики нарощно его поперёк завозят: «Не проходит! Не проходит! Че-то надо делать, сундук никак не проходит в двери». Эти дружки-те. Вот их опять бегут тоже встречать с брагой» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.).

Избу выряжать. Смотреть приданое

Сразу по приезде дом украшали (*выряжали*) невестиним приданным. «В дом всё занесли: «Всё, мы на ваше приданое посмотрели, давайте наше приданое». Вот тут приданое и растрясаят. Всё вешают, на окна шторы, подшторники, стелют скатерти на столы свахи» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Крестна мне в приданно сшила шторы, накануне свадьбы, *дом-то на четыре окошка** был, я выходила. Задергущечки небольшие были. Половики ещё были, *новинá**, как свёрнутые в рулон, по старинному-то как новина считалось. Крёстная моя там развешивала всё в доме» (с. Калинино).

«Пока свадьбы нет, свахи тут заправляют постель» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Кровать у меня была варшавская, матрац пружинный. Она с бомбошками, покрашена голубым, а бомбошки большие и маленькие. Вот её заправляли тоже, у жениха-то» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «Развешивают везде по избе добро-то на гвозди» (с. Кинделино). «Протянули шнуры в комнате, придано навешали, показали все» (с. Зарубино). «Невесте давали всю избу вырядить – шторы, скатерть, занавески, постель» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.).

Требование иметь приданое и *выряжать* им избу было жёстким. «Вот придано-то худое было у одной, штаны да рубаха. Так притащили девки с фермы худые половики, шторки худые, мешки-то и всё повешали на окошко, женихово всё сняли и это худое всё повесили, невестино-то. Потом невесту заставляли пол мыть: «Давай, невеста, стели половики, привезла, дак стели». А она вообще не принесла ничего. Смеялись, по-соседски все девки-то были. Одна подружка пол моет, другая стелет. А девки-то ещё потом принесли ведро воды и давай подавать гостям, угощать как. В бутылку воды налили и давай гостей угощать. Девка даже заревела: «Чё вы надо мной надсмехаетесь?» - «Ты не на место пришла, тебе здесь делать нечего было», - девки-то ей говорят. Она того пуще реветь, на печку забралась и всю свадьбу просидела» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Я выходила, мне на окна половики повешали, добра-то мало было

дак. Приедут с приданным, и надо на окно навешать, хоть и шторы, и че. Раз невеста ниче не вешат, ей тряпье како-нибудь повешают или чего, позорят» (с. Троицк). «Когда невеста не привезет приданое, вывешивают худые половики везде, всё, чё у свекровки самое негодное есть» (с. Бым). Соседи обязательно приходили его осматривать. «Приходили смотреть приданое. Свахи развешивают, а люди-те идут и смотрят. *Смотрельщиков** было на свальбе – пуговики оторвёшь, пока в избу полезешь» (с. Зуята).

Благословение молодых

В дом родителей жениха молодых заводили со всеми предосторожностями. «Как заходить в дом к жениху, молодым под ноги кидали веники. У кого мало добра, веники, половики стелили - это чтоб к богатству» (с. Троицк). «На голом полу свадьбу-то нельзя, дак солону носили в дом» (с. Серга). «Когда едут молодые от венца, дак по голому полу-то чтобы не шли, нанашивают соломы, а богатые дак ковры стелили. Это чтобы достаток в семье был, чтобы свадьба не по голому полу шла» (д. Патраково). «Чтобы колдовства-то не было, вот молодые в дом заходят, дак перед молодым разметаю пол веником, притворы дверные у порогов тоже прометаю» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Пихтушки втыкали снаружи у прохода в дом, когда молодых вели» (с. Троицк). «Пихтовые веточки втыкали, вот с улицы проход в дом украшали, это вот из-под венца-то в дом когда ведут молодых» (с. Калинино). Примеры с украшением входа в дом для жениха с невестой здесь любопытны: в северной прикамской свадьбе во время, когда молодые входят в дом, им под ноги бросают пихтовые ветки.

Жених заводил невесту в дом за платочек, молодых обсыпали зерном («к достатку»). «Невеста ещё тут застукивала отца, в окошко стучалась» (с. Серга; обычай стучать невесте в окно – подавать знак своему отцу не прояснен, использовался он, когда у невесты отца не было в живых). «В дом жениха пошли, тут невеста на порог не должна встать, порог как препятствие» (с. Калинино, зап. от А.Д. Са-

моловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Ленточки навяжут к дверным косякам, жениху тут надо перенести невесту. Он несёт, старается, чтобы ленточки не задеть» (с. Серга). «Ещё на ковер запрыгивали, при входе он лежит в доме. Кто вперед запрыгнет на него. Свахи-то выдернуть его пытаются, а жених или невеста быстрее на него прыгают. Вот успела первой, хорошо жить будешь, первая в доме-то станешь. Вот молодые и бьются» (с. Серга, зап. от М.П. Новиковой, 1940 г.р.). «Тут крёстные опять прыгают на половики-то, кто верх будет держать. Если крестна невестина прыгнет, верх невеста будет держать. Это как в дом жениха-то приехали, вот тогда тут, кто выбежит вперед» (д. Зарека, зап. от Н.А. Пешковой, 1940 г.р.).

«А в избу когда молодые зашли, их в передний угол проводят» (с. Зарубино). «Вот мы под икону-то встали, народу много, тогда шибко это было заведено, вся деревня, все на полатах, везде *угланы** лежат, все смотрят на жениха с невестой, молодяжник-то, голов десять-двенадцать, мода была заведена такая, полные полаты, на печи, везде смотрели на жениха с невестой» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.).

В местной традиции родители или крёстные жениха молодоженов в доме жениха также благословляли иконой и хлебом. «Вот мы за порог зашли, нам ковёр постелили, там мы встали перед иконами, и мать уже меня благословляла иконой да караваем» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «Поклонились молодые, землю рукой заделали, потом родители поклонились. Потом нас благословляли иконой. Вот мы рядом встанем, головы склоним, нам по кругу водят иконой, крест-накрест, и заставляют поцеловать икону ещё тут» (с. Юговское, зап. от Т.И. Торсуновой, 1917 г.р.). «Мать иконой над головами кругом три раза делала» (с. Бым, В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «Вышли свёкр со свекровкой, с иконой. Мы в ноги им упали, вот они нас тут и благословили иконой» (с. Серга, зап. от Н.Д. Новиковой, 1929 г.р.). «Род жениха благословляли Иисусом Христом. Иконой стучат крест-накрест молодым по головам, чтобы слушались» (с. Ленск). «Говорили ещё, когда благословляли: «Во имя

отца и сына и святого духа. Аминь». Иконой по голове крест-накрест стучали ещё» (с. Серга). «По чужим не шариться наказывали, не бегать по чужим-то как» (с. Калинино). «Крёстна подходит женихова, она уже тут должна икону поднести, поцеловать, благословить. И невеста тогда крёстную крёстной называет. И мама подойдёт. Мама женихова благословляет. Женихова мать должна тоже благословить, чтоб невеста её матерью назвала. Оттого ведь и зовут матерями, иконой благословляют дак» (с. Зарубино).

«Хлеб выносят, хлебом благословляют, зерном обсыпают. Крест-накрест делали хлебом, как и иконой. Хлеб ещё откусывали молодые, кто больше откусит, тот и хозяйничать в доме будет» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Молодые хлеб кусают. Хлеб пекли специально круглый, по краям тонкая полоска из теста кругом, а в середине клетка из теста» (с. Ленск). «Мать жениха вышла и вынесла нам каравай, и солонка на нём, на вышитом полотенце» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Благословляла нас крёстная, хлеб давали кусать, кто больше откусит, тот хозяин будет, и все кричали: «Больше кусайте, больше» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «Если большой кусок откусишь от свадебного караваев – будешь богато жить» (с. Калинино). «Кусок караваев разорвали. У жениха-то больше осталось, дак сказали, мол, экономный будет» (с. Серга). «Кто из молодых больше откусит, тот дольше будет жить» (д. Зарека, зап. от А.А. Стерлиговой, 1935 г.р.).

«Жених откусит и отдает откусанный кусочек своей крёстной, та завернет этот кусочек в тряпочку. Это же самое делала и крёстная невесты, только уже с кусочком, который откусывала невеста, это хранить» (с. Ленск). «Эти *укусы** берегли - вот я в коробке всё хранила» (с. Калинино). «*Откусы** эти хранили, у меня вон до сих пор в сундуке лежат, не испортились, ничё» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.). «Хлеб-от, куски-то откусенные не съедали, хранить их заставляли. Вот и мыло хранили невестино. Загадка даже такая есть. «Скажи, чего бабушка у себя в сундуке хранит?» - «В одном углу мыло, в другом крестик, там и кусочки хлеба», - загадка надъто

такая была» (д. Зарека, зап. от М.Н. Корсакова, 1939 г.р.). В ряде мест кусочки откушенного молодыми хлеба клали на божничку. «Не ели эти кусочки. Говорят, когда будешь рожать, дак ребят будет если грызть, так этими кусочками пупик надо обводить. Я хранила всё» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.). «Кусочками можно пуповину чертить, если заболит» (с. Кинделино). «Долго надо было хранить эти сухарики-то. Будто первого ребенка родишь - вот ему их надо размачивать и кормить» (д. Одина). «Хлеб на божничку клали, он полежит, высохнет, потом его птичкам раскрошат» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.).

Оставшийся хлеб разрезали и ставили на стол, на него ставили солонку (с. Кинделино). «Этот каравай, от молодых, потом режут, и все едят» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.).

Куфту закручивать. Кулышку заплетать

Строго выполняемое правило первого дня свадьбы – чтоб на молодых пришло посмотреть как можно больше соседей. «Человека, говорят, три раза смотрят: когда родился, когда женился, когда умер. Все идут» (д. Зарека, зап. от Н.А. Пешковой, 1940 г.р.). «В селе все ходили смотреть на молодых, до того набьются в избу, пройти нельзя» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Как благословили молодых, за стол завели, и там люди приходят, хвалят их. Могут даже ядовитое что-то выкрикнуть, мол, жених лучше невесты» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Соседи *хорошили** молодых: «Хороши ли, хороши?» - «Как не хороши». Тут уж кто как кричит» (с. Троицк, зап. от М.И. Бельшевой).

«Потом уводят невесту из-за стола, переодевают её, веночек снимают, заплетают две косы, по-женски одевают» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «К венцу-то у невесты волосы распущены были, а когда от венца приехала, крестные веночек снимают, волосы разделяют» (с. Зарубино). «Невесте на две половинки волосы делят, и тут родня жениха заплетает две косы» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Крест-

ные сперва невесте голову чешут, та и другая. С жениховой стороны крестна и с невестиной стороны тоже крестная, вот они и разделяют ей волосы-те. Кто из крестных вперед заплетёт, и с той стороны, на них похожий ребенок будет» (с. Зарубино). «Крестные косы плетут, смотрят - кто быстрее. Из молодых дольше проживёт тот, чья крестная быстрее в косы-те волосы заплетёт» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.).

При заплетании косы были свои правила. «Если у девушки-невесты не было отца, во время свадьбы ей заплетали косы только до половины» (г. Кунгур). «Вот до замужества кверху плели, а после замужества уже книзу плели. Как замуж выйдешь, уже книзу надо плести» (д. Дураково). «Заплетут вот, потом *куфту** закручивают - гребенкой прицепят волосы, и всё. Узел-от – куфта-то. Там гребенка, гребенкой их прицепят» (с. Бым). «Невесте *кулышку** заплетут, волосы на затылке в пучок уложат» (г. Кунгур, зап. от К.И. Салтыковой, 1927 г.р.). «Две свахи две косы заплели, завязали, надели на невесту чёрную *фальшонку**» (с. Юговское, зап. от Т.И. Торсуновой, 1917 г.р.).

Цветы с волос невесты на хранение укладывали в икону (иногда это делали, когда меняли прическу невесте, иногда – непосредственно после брачной ночи). «У жениха тут спрашивают: «Ну, куда будешь светы эти класть?» «В икону, и ленточку туда положу», – говорит. Встал, взял цветы, икону взял с божницы и на стол, при всех положил эти цветы в икону, потом на божницу поставил. Ну, а если нечестная, я уж там не знаю, как они, за икону-то не кладут, нельзя класть-то» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.). «Иконы-то были в абажуре, вот под стекло-то цветочек и кладут с невесты» (с. Зуята). «Цветы делали из парафина с листочками, их в иконку клали, которой благословляли. У Богородицы-то нимб есть, вот веночек на него и цепляли под стекло» (с. Серга, зап. от М.П. Новиковой, 1940 г.р.). «Цветы в иконку кладут, за стекло, и обе свечки тут же, венчались которыми» (с. Юговское, зап. от Т.И. Торсуновой, 1917 г.р.). «На свечах повязочки делали, котора жениха, котора невесты, приме-

чали, их тоже хранили» (д. Зарека, зап. от М.Н. Корсакова, 1939 г.р.). «Двухъярусные цветы были, и свечи венчальные. Я всё это в икону положила, которой благословляли. Потом пришли соседи, попросили себе - не на чё было купить-то. Я из иконы достала цветы да отдала. А говорят, это нельзя делать, примета такая есть, плохо жить будешь. Вот отдала, дак плохо и жила потом» (с. Троицк, зап. от М.И. Бельшевой). «Если ты девушкой вышла, веночек-то в икону положат и свечи положат. Честно прожила всю жизнь с мужем, так веночек ещё и венчально платье тебе в гроб положат» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.).

«Цветы положили в иконку, фальшонку одели молодой, она теперь уже не невеста, женщина. Всё, в фальшонке уже села за стол. Крестная, крестный тоже за стол. Тут все свадебжане опять: «Хороша ли молодая?» Кто пришли глядеть-то, отвечают: «Хороша! Молоденька шибко» (д. Одина). «Тут смотрельщикам подают, они тогда все уходят, и начинается столованье» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Всех угостят, кто придёт, даже кто не приглашен, и тех угощают. Раньше пили-то не так убойно. Охочие-то, конечно, напивались, а так не пили» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Смотрельщиков-то на свадьбе - ой, ой, они у порога стояли, смотрели, им тут же и подавали. Малышня на полатях коя сидела, им тоже там конфет подадут ли чё» (д. Осинки). «Посмотреть-то посмотрят, а как станет свадьба за стол садиться, так все уходят, кто не приглашен» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «Раньше всё по приглашениям ведь было, кого пригласишь за стол, уже со стороны никого не было. А нынче-то - вались *комар да муха**, где какая гостьба» (с. Калинино).

Стол открывать

После ритуального переплетения волос жених с невестой садились под иконами за столы. На место, где сидели молодые, обычно стелили ковер. «Место у молодых в первом ряду. Справа жених, потом родители жениха. Невеста слева. По одну сторону жениховы, по

леву невестины гости садились» (д. Заспалово, зап. от А.И. Смирнягиной, 1929 г.р.). «Стол-от открывали молодожёны. Вот начинают кушать, жених с невестой берут хлеб и кусают его. Все смотрят, кто больше откусит. Если у невесты кусочек больше, значит, она верх в доме будет держать. Эти куски-то ещё хранили, вот умрёшь, дак их в гроб положат» (с. Калинино).

Обязательное блюдо – рыбный пирог. «Выносили рыбный пирог на стол и подавали его - обязательно через грядку» (г. Кунгур). «Жениху давали вилку, нож: «Давай, пирог режь». Вот он крестиком изрежет, потом на кусочки, пока не изрежет, никто не ест, ждут» (д. Дураково). «Тут пироги рыбные, холодец, мясо жареное без гарнира. Ещё раньше всегда суп подавали мясной» (Зарека). «Петушков делали ещё: обычут их перьем обжаренных, украсят, голову делают, ещё ведь запоют по-петушину, несут дак. Сядут столовать, по стопочке обносят. За первым обносят, потом второе несут, там холодец, опять обнесут. Каждому на подносе» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Ещё курицу делали, на её платье сошьют и на его перышек наделают. Курице и голову приделают на проволоку, начинят курицу и в латку. Ну, вот так её проведут по столу и уберут, потом только на второй день уже её молодые ели, *распочинают** и едят» (с. Юговское, зап. от А. Смирновой, 1928 г.р., родом из д. Парфеновка). «В первый день на свадьбе ели без ложек, только во второй» (с. Троицк). «На свадьбе еда вся только вилками» (с. Калинино).

«Сидят когда, придумывают. Положат в стакан вилку, ложку, говорят: «Порошок, порошок, доставайте порошок». Это так молодых заставляли целоваться» (с. Троицк). «Кинут возьмут вилку в рюмку. И пока молодые не поцелуются, не пьют. «Горько! Горько! Нельзя, невозможно горько». Как поцелуются, тогда сладко делается» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.).

Во время столования приглашенные на свадьбу родственники дарили молодым подарки. «Делали какие-то подарки: платки, раньше больших подарков не было, обрезы на материал дарили, просто ма-

териалы на платье, да чё да» (с. Серга, зап. от М.П. Михайловой). «Поставят за стол жениха с невестой, около него свахи стоят, тысячекый. Остальные женщины подходят ко столу с мужьями по очереди, и вот невеста с женихом наливают водку или бражку. Гости подходят, поздравляют и дарят подарки, а молодые угощают» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Гости подходят и поздравляют, по трое, три рюмочки на подносе и стоит. Крёстная разливает, жених подает, поздравят молодых. Идут вот все свои, по очереди» (с. Зуята). «Крёстная скатерть дарила, тарелку и шаль ещё» (с. Серга, зап. от Н.Д. Новиковой, 1929 г.р.). «Подарки-то скромные были: платочки, гребни, деньги кладут, ленты в валенки или ботинки» (д. Весляны, зап. от Афанасьевой К.И., 1929 г.р.). «Первый стол - дарят нам все, а на другой день жених уже дарит родителям невесты, а невеста родителям жениха» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

Во время свадебного застолья всем свадебжанам исполняли величальные песни. «Когда сели за столы, пришли бабки, проголосные песни стали петь, сначала молодым, потом родителям, крёстным, а те их одаривают деньгами, мелочью. Одна стоит, фартук подняла, или шаль длинную делает так, вот туда денежки-то и кидают» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «В свадьбу жениху поют «На горе было, на горушке»:

На горе было, на горушке, на высоком косогорушке,

Ой, стояли два зелены дуба.

На тех дубчиках голубчики сидят, свои речи говорят,

Добра молодца выхваляют:

– Хорош, хорош, удалой молодец, зачесана головушка,

И завиты русы кудри-те.

Ишо кто тебе головушку чесал, ишо кто тебе кудри завивал?

– Мне чесала головушку да родимая мамонька,

Завивала русы кудри-те родимая сестрица.

Завивала, приговаривала:

– Тебе быть добрым молодцем

У родимого у тятеньки, у родимой у мамоньки.

(с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.).

Песня «Как под городом Кунгуром» тоже посвящалась жениху:

Как под Кунгуром стояла сила развеликая,

Как во той силе воеводою сидит разудалый молодец,

Алексей Михайлович.

Он хвалится-похваляется:

– Ох, я этот град во полон положу,

Каменны стены каблуком прошибу,

Красных девиц за бояр поберу,

Душечку Зою за себя замуж возьму.

(д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.).

Песня «Как во этой во палате» исполнялась невесте:

Как во этой во палате будет свадебка, будет свадебка,

Веселая, веселая.

На этой на свадебке будет гостья, будет гостья,

Будет гостьюшка, будет гостьюшка веселая, веселая,

Ровно кукулка, ровно куколка наливная, наливная.

У беседушки, у беседушки не сидится, не сидится,

Её буйная головка, её буйная головка росшумелася,

росшумелася.

Все дубовы столы, все дубовые столы застучали, застучали,

Все фабричные скатерки, все фабричные скатерки зашумели, зашумели.

Тут наехали знявьё, тут наехали знявьё со дарами, со дарами.

Тут дарили молодцу, тут дарили молодцу ей на платье,

ей на платье.

И тут барина её, и тут барина её да на тройку, да на тройку.

(с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.).

Свахам исполняли песню «За лесом за березничком»:

За лесом за березничком огонёк разгорается,

Высоко поднимается, высоко по поднебесам.

Широко расстилается по сырой земле-матушке.

– Вы откуда наехали, со которой сторонушки,
По которой дороженьке.
Вы встречайте же гостыюшку да большу княжу свашеньку,
Да Раису Ильиничну.
Да меньшу княжу свашеньку да Татьяну Ивановну.
Вы берите за рученьку да ведите во горенку,
Да садите на лавочку, за столы за дубовые,
За питья за медовые, за яства за сахарные.
(д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.).

«Ещё свах величают: «По морю, морю, тамоплыли-восплывали
два-те, два-те корабличка, два-те, два-те развесёлых. На первом ко-
рабличке ехал сам князь воевода, на втором-то корабличке молода
его княгиня» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом
из д. Ключ). «Величают тысячко. Тысячко - непростое местичко.
Тысячкому-то величальная – «Пристало черемухе во саду цвести»
(д. Плешково, зап. от П.И. Мелковой, 1938 г.р.). «Чей-то хороший»
девки друженьке поют, а дружка пляшет, песни поет с имя же»
(д. Обухово, зап. от А.М. Третьяковой, 1939 г.р.). «Песню споёшь, к
гостю подходишь с блюдом и денег требуешь: «Красным девушкам
на прянички, молодушкам на наливочку» (г. Кунгур, зап. от Верти-
праховой Е.С., 1927 г.р.).

Брачная ночь

Во время свадебного застолья свахи или крёстные жениха гото-
вили брачную постель. Чаще всего свадебное ложе для жениха и
невесты устраивали в чулане или в доме родственников, соседей.
«Молодых в каку-нибудь избушку спать уводили. У нас зарод сена
был, друзья сена натеребили, натаскали, половиков туда набросали,
в дом его, и вот туда спать молодых и свели» (д. Колпашники, зап. от
М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Надо было молодых как-то спрятать, что-
бы дружки-те не знали. Я вот их домой увела к себе» (с. Серга, зап.
от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). Реже их отправляли в голбец, подклет
(«Молодых ведут спать в *подызбицу**» – Весляны). «В чулан спать

ложили – о, о, хоть замерзай, хоть оживай. Навалят там на них *лопо-
ти**, хоть того холоднее, не озябнут» (с. Зарубино).

Постель готовили либо девушки, подруги невесты, либо крест-
ная мать. Нередко в постель подкладывались посторонние пред-
меты, которые жених первым делом должен был найти. «Долото в
постель молодым возьмут да подсунут. Шутка как» (с. Серга). «В
постель молодым клали полено или кирпич, иные сноп положат, или
даже брёвна насыют. Жених все препятствия должен был убрать» (с.
Ленск).

«Привели нас на готову постель, крёстная тут насаказала: «Дай бог
парня да дочь». Крестная и наведёт, как там на постели-то надо себя
вести» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешко-
во). «Вот всё сделали, и крестный закрыл нас на *крюку**, чтобы спать
легли, пробовать» (с. Троицк, зап. от М.И. Бельшевой).

«На подклете-то невеста разувала жениха, у него из сапог де-
ньги валились, это уж обязательно, это она себе брала» (с. Ленск).
«Он первый ложился, я-то ведь девушка, стыдно первой-то. Знаю,
что через него перелезть нельзя, примета такая, говорили, переле-
зешь, дак, мол, уйдёт мужик-то» (д. Весляны). Если желают, чтобы
родилась девочка, во время первой брачной ночи девушка одевала
на голову косынку, а для мальчика в постель молодым клали топор
(с. Ленск).

«Молодых «караулили» всю ночь сторожа, не пили, ничё, чтоб им
не мешали» (с. Зарубино). «А спать-то невесте и жениху ладом всё
равно не дадут - то в стекло постучат, то в двери» (д. Колпашники,
зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Время от время дружки стреля-
ли из ружья в ночь в брачную-то» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковской,
1918 г.р.).

Действия свадебжан в брачную ночь носили откровенно разгуль-
ный характер. «У одних вот ночью двери с петель сняли и прислони-
ли к избе-то, где гуляли. А тут опять двери по реке отправили. Вот их
искать потом. Или вот двери украли, где молодые спали, положили
их посередь улицы, соломы накидали: «Во де, спите». Хозяева опять

утром встали - нет дверей. Вот забегали по деревне, искать стали. «Че бегаετε?» – «Двери ищем». – «Наливайте, найдем. Спите всё. Наливайте» (с. Бым). «В проулке дрова лежали, парни, кои на свадьбе были, все дрова перетаскали, сложили поперек дороги. Вот утром встали все: «Чё это у нас тут дрова-то?» Давай их снова таскать во двор» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.).

3. Второй и третий день

Будить молодых

Развернутый самостоятельный эпизод – поиски молодых утром второго дня (часто молодых уводили на брачную постель тайно от гостей). «Свадьба гуляет вот, тут очнулись – ой, потеряли, потеряли молодых. Давай искать. Всю Сергу обходили, нигде не могли найти. Вот как прятали невесту и жениха-то» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). «Утром бегали, искали молодых. Мы вот в другом доме спали. Дружки нашли, дак чуть двери не вышибли» (д. Осинки). «Молодых тысяцкий приходил будить. Прямо с венника обрызгивает их» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «С ночи-то молодых будят, водой обливают» (с. Серга). Тысячкой летит ранёшенько: «Поди там у нас молоды-те замерзли». Ничё, не замерзли, стоят как *гривенники**, и тут всех поздравляют» (с. Зарубино). «Молодых невестина мать, невестина крёсна будили, бутылку водки, стограммовик с собой, закуску с собой туда брали, идут по молодым» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Идут, мол, чё сделалось, все смотрят: «Ну-ко, чё, хороша ли невеста попала». Постель смотрят» (с. Зарубино). «Его крёсна бежит, моя крёсна, проверяют, как спали, как чё» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой). «Свекровь подошла, будить стала, потом гости зашли, бабки спрашивают: «Честная, нет девка-то, сказывайте. Ну-ко, давай вставай, вставай, пол надо мести» (с. Зуята, зап. от А.М. Сайдаковой, 1934 г.р.).

Своеобразный способ демонстрации «честности» девушки отмечен в населённых пунктах Калининского и Троельжанского поселений. «На трубу дома, где молодые ночь провели, голик вешали нечестной невесте» (Талица). «Утром смотрели, что повешают - то ли веник, то ли красную тряпку. Флаг на трубу красный надо повесить» (с. Калинино, зап. от А.И. Анкудиновой, 1928 г.р.). «Утром флаг делали, на трубу вешали. Это тряпка какая просто, кто и веник вяжет. Это тысяцкий или дружки. Если честная девушка была» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «Надо было еще простынку показать. Прямо на избу простынку-то, на трубу привяжут после ночи-то простынь, или тряпку какую» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Крестна и крестный жениховы проверяли молодых. Флаг выставляли на шест, тряпку какую оденут, подымут» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковской, 1918 г.р.). «Если, говорят, девка вышла негулёвая, значит утром вешают флаг красной на трубу, на шест и на крышу. На всю деревню знают, что это. А если флаг не вывешен, значит, уже того» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.). Знаком невинности невесты было и то, что жених сразу после ночи вывешивал при всех на стену невестин веночек с цветами (с. Калинино).

Единичны сообщения о других способах «освидетельствования» честности невесты. «Утром жених выносил простынь с кровью, и тогда уже невесте и её матери готовили почетное место» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.). «Назавтра крёсна простыню показывала. У некоторых простынь на тарелочку положат и по комнате ходят, всем показывают» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р.). «Если невеста хорошая, на её отца вешали простыню» (с. Калинино). «Если целомудренная, значит, у невесты на рубашке утром должно было появиться пятно. Вот эту рубашку свекровь-то и одевала и плясала в ней» (с. Юговское, зап. от Е.П. Пауковой). Варьировались и ритуалы, связанные с осмеянием недевственности молодой. «Нечестная невеста, дак тещу наказывали, хомут приносили, одевали на тещу, прямо в доме» (с. Калинино). «Ещё хомут наденут на отца гулёвой-то, наденут и ведут его по деревне» (с. Калинино).

«Бымовская одна вышла к нам из Быму, там другие видно порядки. Вот на другой день, несут хомут, надевают, а девка-то уж знала, чё к чему. Дак она заревела и говорит: «Мама не виновата, а хомут одевайте на меня». Ну, встали, хомут убрали и всё, никто потом уже не поминал это» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой). «Если невеста нечестная, на коне заезжали в избу. Бывало это. Лошадь силой тащат до сеней, она в избу-то не идёт, а тащат. Где гуляют, туда лошадь и ведут. Шафера ведут» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Если девчонка пролетела с кем-то, это уже знали все. Тогда ей ворота мазали смолой или дёгтем» (с. Юговское, зап. от Е.П. Пауковой, 1927 г.р.).

Обязательным в утро второго свадебного дня было приглашение родных и близких «откушать в доме жениха в честь новобрачных». С этой целью, после небольших приготовлений, молодожёны отправлялись с визитом к каждому родственнику в селе. «Постель убрали, умылись, крёстная одежду несёт молодым: платье, рубашку. Венчальное платье уже тут не одевают, тут всё другое» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково). «В избе я свекрови говорю: «Чего помочь надо?» Вот картошку стала чистить. Давай свекрови помогать. А тут уже гости стали вставать, опохмеляться. Тут уже с чайниками заходили. В пиво водки налили, угощают. Потом все: «Ля-ля-ля, хороши стали» (д. Одина, зап. от В.С. Котегова). «Управились ни свет ни заря, пошли гостей собирать по селу, приглашать на свадьбу-то, на второй день. «Приходите, будьте добры, к нам на второй день, откушать такого-то и такого-то» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). Ещё пригласят и скажут: «Собирайтесь, вход по копейке» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.).

Воду носить. Сочни скать. Печь топить

В ожидании приглашённых родственников на столование невеста носила в дом воду, топила печь и стряпала пельмени. «На второй-то день всё это уже на невесту слаживатся, она вот пельмени

стряпает тут, посуду моет, все это невестина работа на второй день. Родители у жениха тут уже как отдыхают» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Как всех свадебжан обошли с приглашением, невесту начинают проверять: «Ну-ко, умеет у нас молодушка воду носить». Повесили коромысло на плечи, и пошла к колодцу» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). Чтобы не тосковать по родному дому, невеста в колодец бросала клей. «Её по воду пошлют, в карман клей положат. Станет черпать воду, клей-то и выпадет, как бы случайно. Чтобы, значит, к этому месту приклеиться» (д. Весляны, зап. от Афанасьевой К.И., 1929 г.р.). «Все смотрели, как воду несёт невеста. Как несёт, так и дом вести будет: расплещет воду, дом худо держать будет» (Патраково). «Вот почерпнула воды, пошла и боялась сплеснуть. А принесла, сказали тут: «Молодец, не неряха, не окапала» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Вода у невесты плещется – характер значит не очень-то» (с. Троицк). «Невеста несёт воду, а наш брат воду выплескиват, свадебжана-то, стараются. Если бойкая девка, хорошая, воду донесёт» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.). «На второй день невеста воду носит, по деревне идёт к колодцу ли, к реке, её тут подкарауливают, обливают. Иную в речку сунут, а там уже в реке полсвадьбы скачет» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «На второй день я чё-то воду таскала, а свадебжане всё норовили облить да пролить. Я говорю: «Виктор, давай быстрее ведра-то, я их сейчас всех обкатаю» (д. Дураково).

Молодых заставляли месить тесто и стряпать пельмени. «Сочни скали, мясо клали. Свадебжане возьмут в руку, испичкают: «Ты не умеешь скать. Ой, невеста негодна, не умеет скать». Пальцем так возьмут, проткнут сочень: «Ой, невеста какие дырявые все пельмени делает» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково). «В семь часов уж дядя Ваня пришёл, вязанку дров принёс, говорит: «Выкупайте дрова». Печку ведь надо топить. Пришлось стакан браги подать, потом гляжу - ползут, ползут, ползут свадебжане-то» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.). «Невесту заставят

печку растопить, а дружки в это время трубу где-нибудь там переключают. Некоторые перышко повешают в трубу на ниточку, и не видно, что перекрыто. А перо не дает дыму-то проходить, крутится от тяги, дым не пропускает, дак полна изба. «У-у невеста плохая, печку не умеет растопить! Полну избу напускала дыму». Опять надо выкуп давать дружкам» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.). «Кто в трубу воды плеснёт, опять дыму полна изба. У нас дружка как-то залазил на крышу с водой, дак только сбулькал. Вот бегают да орут: «Дыму, дыму много» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Закроют трубу, дружки-те, сидят на крыше. Вот и полезает, подают им чайник с брагой, чтобы трубу открыли. Пока не подадут, дым в избу идёт. Двое дружков-то сидит, вот по лесенке *пелятся**, им подают» (с. Зарубино). «Весь дым в избу, все ревут. А кто на крыше сидит, ему подают выкуп, поднимают, кто в ведре, кто как, чтоб он только трубу открыл. Вот выкуп дали, он стекло убрал. А то в печь чурку закатят вместо дров, такое бревно, дак что ты. Скажут - всё, давай варить, готовить всё тут» (с. Троицк).

Большой стол. Столование

Как только все приглашенные родственники собрались в доме, садятся за столы. «Родители сидят в красном углу уже, а молодые тут командуют. Жених подходит к теще и говорит: «Мать, спасибо тебе за воспитание дочери». Целует мать, а невеста подносит на тарелке, на носовом платочке рюмку водки. Это раньше было так. Он эту рюмку, значит, берёт, эту рюмку выпивает и бросает, бьёт её. Тогда уже все начинают бить черепки. Это команду как бы дает хозяин сам уже» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.). «Жених вино выпивает и стопку бросает. И тарелку ломает тоже. Полная стопка вина и кверху дном на тарелке, и не выливается вино-то. Вот ещё ведь перевернуть надо было и не пролить, а потом только пить» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.). «Закон был: стопку красного вина пить, если невеста честная, и разбить потом стопку-то» (с. Юговское). «Мне на другой день стакан самогону подкрашенного

вместо водки-то подставили, двести грамм. Я его *чебурыхнул**. Трахнул, дак потом стекло не могли найти даже, все вдребезги разлетелось» (с. Калинино).

«Где и по-другому делали. Когда у меня Надежда дочь замуж выходила, принесли на тарелке уже две рюмки с красным и с белым вином. Вот жених, значит, и выбирай. Если он выпьет белое, значит, того, а если красное, то всё – хорошая девушка. Ну, я вот это не знала, смотрю: две рюмки несут. У нас такая свадьба была, у них такая. А чё, тысяцкие, нынче шафера, ак они жениху говорят: «Ты бери эту (с красным вином), эту не тронь». Вот так ведь везде свои обычаи, может быть и так, что невесту опозорить можно ни про что» (с. Калинино). «Жениху дают поднос и ставят красную рюмочку и рюмку с белым вином. Если невеста честная, жених пьёт красное вино, а нечестная белое. И бьёт рюмку-то. Потом мать с отцом подходят, и тут жених говорит первый: «Анна Гавриловна и Василий Николаевич, разрешите вас назвать мамой и папой». Это жених называет, а они поздравляют. Потом подходят его родители и тут уже невеста: «Филанцета Григорьевна, разрешите вас назвать мамой». И целуются тут» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «Если невеста добрая, жених приходит в избу, мать с отцом тут, он берет вина, наливает, выпьет и хрясть об пол. И всё, догадывайся. Если недобрая, то рюмку в сторону отодвинет и всё. Тут ничего не ломают, не бьют» (д. Плешково, зап. от А.С. Еремеевой).

Второй день был связан с пирогами, они были главным угощением на свадебном столе. «Вот, сели за столы, Тут пирог принесли. Рыбный - щука там, головль ли. Хвост из пирога даже вот так торчит» (д. Дураково). «Пироги-то пекли целыми рыбами. Не с капустой, не картовные, не грибные, а только рыбные» (с. Зарубино). «Пирог делают - в пироге-то у щуки и хвост, и голову из теста выставляли» (с. Ленск). «На подносе на стол пирог ставят на стол, и вот тысячкой должен по солнышку так его разрезать. Так корку разрежет, а потом дольками нарежет накрест, но не раскрывает пирог. Пирог, он и должен быть пирог. Его потому и на тарелки кусками-то не клали,

как сейчас» (с. Зарубино). «Вынесут пирог, поставят и начинают резать, а шевелить его нельзя, даже когда режут, нельзя. И резали-то одним заходом по кругу, не переключая нож в руке и не останавливаясь. Разрежут по кругу, потом вдоль нарезать начнут и поперёк» (с. Ленск). «Пироги поручали резать шаферам. Берут вилки с двух концов, чтобы пирог не шевелить, чтобы не ворочался. Вилки-то воткнет, держит, а другой рукой корочку снимает. Если повернется пирог с места, значит, та не девка, невеста-та» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р.). «Ставят рюмку с вином на пирог, и он срезат, чтобы не пролить - это на второй день. Раньше ведь большие пироги стряпали. Ну, на серединку ставят с вином, разрежь, не пролей. Кругом, кругом он должен его разрезать, только корку обрезать, и всё» (д. Елкино, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р., родом из д. Закурья). Иногда резать пирог поручалось жениху (д. Дураково).

Первым пирог ели молодожёны (с. Ленск). «Раскрывают пирог сами свадебжана: кому-то надо только верхнюю корочку, только по её, кому-то ещё рыбки покушать, рыбку положат себе» (с. Зарубино). «В первую очередь к пирогу отца, мать приглашают: «Кому подаёшь?» – «Мама, выпейте от меня, от невесты». Вот пирожок тут и дают им. Потом опять: «Папа, выпейте от меня. От невесты». А если не назовёшь родителей, потом тяжело будет звать-то» (д. Дураково). «Тут ещё сваху к пирогу подведут. Она опять тут куражится: «Вот это пирог, он из теста, поцелуй тестя. Как будешь звать?» Вот это сваха для жениха говорит, на блюде сложено, она подозвала жениха и невесту, им и дает этот пирог. Ещё из веток делала пирог, зелёные веточки, там петрушку или чего: «Это, говорит, на пироге роща, поцелуй тещу. Как будешь звать?» Теперь для невесты: «Это свёкла, поцелуй свёкра. Как будешь звать?» А дальше берёт морковь: «Это морковь, поцелуй свекровь. Вот тебе капуста, чтобы не было в доме пусто». Как будешь звать?» Вот еще эта же сваха подарки подносила. Горсть монет у неё было. Высыпает их на блюдо и говорит: «Это медь, троих детей вам иметь». Потом высыпает горсть серебра: «Это серебро, чтоб в доме было добро». А потом достает конверт с де-

ньгами: «А вот тут, – говорит, – бумажки, чтобы не бегал ты к чужой милашке» (г. Кунгур, зап. от Е.С. Вертипраховой, 1927 г.р.). «Принесут на фарфоровом подносе овощи-то, раздарят, а потом – раз этот поднос об пол» (с. Серга).

Особым моментом второго свадебного дня было угощение *смешными* пирогами, которые подавали на столы сразу за рыбными. «На второй день пирог из пресного теста раскатывают. Сверху на него клали большую морковь, рядом две картофелины и по краям лавровые листья. Его несут на стол закрытый, поставят, откроют: «Вот какой невеста пирог нам испекла». Этот пирог по кусочку съедали женщины, у которых не было мужчин» (с. Ленск). «Пирог состряпают, тут морковь положат, свёколки положат по краям-то, две, да ещё шерсти положат. Режь да ешь. Крышку-то сняли, а там вот такое *безобразство**» (д. Дураково). «Смешной пирог делали - тысячкой стряпал, собаки есть не будут, морковку туда, всякой ерунды положат, кто чё придумат» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковской, 1918 г.р.). «На второй день с редькой пирог делают. Заставляют кушать, жених тут откупается. Не будут же сырую редьку кушать: «Пирог-то закрытый, редька-то не пропеклась. Вот, не нравится» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Моховые пироги делали - из моха делали, прямо натуральный мох, его в тесто запихали, запекли» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ). «В пирог клали деньги, кто соль, кто во что горазд. У нас эти пироги, вот блюдо и там разная начинка, во второй день свадебжаны-то, кто уголь наложит. И эти пироги раздавали гостям, а они-то: «О, невеста, что за стряпка? Она стряпать не умеет, пироги-то настряпала какие - с углем» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское).

Делали смешной пирог гости со стороны жениха. «Ой, какая невеста, даже пироги не умеет печь». Я делала пирог из фуражной муки – овсяная, несеечная, на одной воде. А внутрь луку нечищеного, даже маленькую куклу запекают: «Вот невеста, не заметила дитя». А сверху зелень украшивают, морковку запекут» (с. Калинино, зап.

от В.В. Курочкиной). «В пирог кукол клали, маленький кукленок, игрушка-то, возьмут, запекут. «Вот, нате, режьте». А там кукленок запечатанный, чтобы пирога ломали молодые. Они возьмут, изрежут, а там пара кукол, как мальчик и девочка, опять смех» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково).

«На стол на второй день должны были жених с невестой всё наставлять» (с. Тихановка). «Невеста обязательно уху варила. Уху делали, чтобы опохмелиться людям-то» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Взяли, тарелки спрятали друзья-то у жениха, утащили на улицу, а надо угощать гостей. Дак вот чё придумали - лапти ведь плели в те годы-то, дак вот нас опять угощали из лаптя. Туда редьку положили, свёклы сырой, морковки сырой искрошили, капусты ободрали лопушок. И поставили на стол-то. Гости кричат: «Чего не угощаете, куда все девали? Или у вас чужая была посуда-то, дак, наверно, её обратно утащили хозяева». Это девки-то, сестры у жениха-то, нашли вон худые лапти, поставили нам на стол и наклали туда эту закуску» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Лапоть на стол, в лапоть ещё деньги ложат, таскают его по столу, туда деньги кидают для невесты и жениха. Вот везут его, за оборки тянут по столу, туда деньги-то и кладут. Это дружки всё балуют» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Есть надо, ложки-то дружки спрятают, потом продают. Вот гости ложки для ухи-то и покупают» (д. Зарека, зап. от Н.А. Пешковой, 1940 г.р.). «Кто сообразит, дак свои ложки приносил на свадьбу-ту, а то за нашу ложку выкуп просили» (с. Калинино).

«Пельмяни стали варить, дак опять друзья пельмяни-то спрятали, под зарод стащили. Жених выкупал, не одну бутылку им снёс туда, чтоб отдали» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «Сели есть, и вот вилы притаскивают, настоящие, вот в огороде-то работаем которыми. Для смеху тарелку с пельменями поставили, а вилок нет. Вот вилы-то и принесут, вот, мол, вам кака вилка» (с. Серга, зап. от М.П. Новиковой, 1940 г.р.).

Гости в качестве подарка на столованье привозили молочного по-

росёнка (д. Ключ). «Поросенка на свадьбу начинали салом, крупой и запекали в печке, *спроста**, без украшения» (с. Троицк). «Мама маленького поросенка возьмёт, разукрасит его, на шею цветы делает. Цветочки вот такие мелконьки сделают в веночек и на шею ему оденут, бумажные. Сначала изжарят, потом цветочки оденут, и на стол» (с. Калинино, зап. от Л.Н. Тамбовцевой, 1939 г.р., В.Ф. Безводинских, 1929 г.р.). «Маленьких поросят зажарят в латке, несут на стол, а кто-то под столом сидит, рюхат, как поросенок» (с. Юговское, зап. от А. Смирновой, 1928 г.р., родом из д. Парфеновка). «Есть стали поросенка, от поросенка мне жених отрезал ухо – я бы слушала его, а себе язык – он бы говорил. На поросенке бантик надетый» (с. Калинино). «На свадьбу поставили нам мордочку свинячью, насмешка как. Она хоть и чищена, вся белая, а всё равно две дырочки дак, свинья» (д. Дикари). «Коровий язык надо на свадьбу, уши коровьи, как холодец. Опалены, очищены, так сварят, сделают» (д. Дикари, зап. от Н.М. Корсаковой). «Жаркое делали – это жареное мясо с картошкой, на свадьбу-то уж это обязательно» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ). «Потом ещё холодец принесут, потом суп, лапшу принесут домашнюю, потом жареное мясо, там стряпанное приносят – селянки*. Принесут каравай, кусочками так разрезан, поставят розетку сметаны и розетку масла, чтобы эту селянку-то макать» (с. Тихановка).

«Последнюю приносят курицу, жарену. Тетка-то, помню, спрашивает: «Чё, курицу-то потрошить или так поставить?» А ей отвечают: «Чё, потрошён-то курицу мы бы и там нашли, в своей деревне» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «Курицу фаршированную на поддон большущий вытряхнут, ещё яичками её обольют, как омлетом, и она на таком омлете сидит как» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «На стол гуся приносят с перловкой» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Гуся обязательно делали. Заколуют вот, голову не отрывают, начинку сделают - крупа ячневая, яиц набьют, зашьют его и в жаровне так и пекут. Сверху сметаной помажут, чтобы румяная корочка была. Крылья-то

так сложены, а голову оставляют, глаза оставляют. Вокруг него картошку сделают» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

Заключительным этапом столования были различные сладости. «Вахли*, кудри, *стенки-растрёпки** были - это как слоёные сладости, сочни из пресного теста, они промазаны между собой и друг на друга наложены» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «Ещё пеньки делали из теста, грибы. Их опять украшали, тут яйцо возьмут, желток вареный, и на это место наладят, вот стоят, как грибы, а тут ещё точки сделают на желтке-то, как мухомор. Которые шоколадом покрывали шапочку-то. Там ещё топор из теста сделают, в пень воткнут и испекут. Он так и стоит красиво» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

«Каравашки делали. Их опять в кринку сделают, испекут, они поднимутся как кулич» (с. Калинино). «Каравашки делали - как разборник, такой же. Только в разборник повидлу клали, а это горкой просто шарики испекут» (с. Калинино, зап. от Л.Н. Тамбовцевой, 1939 г.р., В.Ф. Безводинских, 1929 г.р.). «Каравашки-то – это катышком тесто в масло кидают, поливают и друг на дружку. Чтобы они не слипались – маслом. Друг от дружки берется шарик. Как разборник, а каравашек называется» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р.). «Каравашек-то чуть побольше был, а разборник с вареным или с повидлом. Ещё орешечки все в масле были залитые из теста, такие маленькие-маленькие, их так макнешь в масло с песком и друг на друга конусом поставишь, потом в чашку, и так и пекли» (с. Калинино).

«Обязательно вахли на свадьбу пекли. Вот сковородка ямчатая в клеточку, и пока угли есть, так расслоятся, заливают и пекут» (с. Калинино). «*Варенчики** приносили. Это топлёное молоко, в печь докрасна его упарят, а потом сметаной заквасят, сверху изюмом украсят и песком засыпают. Оно такое жиденькое получается, его хлебают ложками» (с. Калинино, зап. от Л.Н. Тамбовцевой, 1939 г.р., В.Ф. Безводинских, 1929 г.р.). «*Кудри** готовили на яйцах в виде косы, цветов, потом это все клали в масло и варили. Это делали не

только на свадьбу, но и на масленку» (с. Ленск). «Мы три вечера пекли кудри, три корзины сделали. Резец такой был специальный, тесто нарезать. Вот нарежем и в масло кипящее» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Хворост приносили, печенье. Хворост это уже как заключительное блюдо» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Сладки пироги стряпали – каравай сверху повидлом намажут. Жених с невестой ходят, угощают всех этим пирогом. За сладкий пирог невесте деньги кладут на тарелку» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.).

«Калиновый кисель и черемуховый кисель делали - его пили и ложками хлебали» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Обносили брагу из чайника, большой стакан нальют брагу из чайника. К каждому подойдут и угощают» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.).

Подарки дарить

По окончании столования молодожены приступали к отдариванию родственников, присутствующих на свадьбе. Во второй свадебный день в местной традиции дарителем выступала невеста, жених отдаривал в хлибины. По нашим материалам в некоторых населенных пунктах Тихановского поселения ритуал отдаривания усложнялся тем, что невеста в конце свадьбы вручала подарки гостям со стороны жениха. Родственников невесты одаривал сам жених, завершали процедуру дарения гости как с той, так и с другой стороны, которые также одаривали друг друга. «Невеста тогда жениховым гостям дарит, а жених гостям с невестиной стороны» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «Мужик мужику дарит, теща свекрови» (д. Колпашники).

«Как отстолуют, тут невеста дарить начинает. Вот родители подойдут, она на стол положит подарочек, примите, мол» (д. Будаики, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.). «За столом дарили - матери покупали на платье, сестре блузку, зятю рубашку, сестриному мужу-то. Ребенку погремушку, бабушке платок дарили. Это всё принесут, на стол

положат или куда там, невеста встаёт: «Вот, маменька, тебе рубашка» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Делали какие-нибудь платки, раньше больших подарков-то не было, обрезы дарили, просто материалы на платье» (с. Серга, зап. от М.П. Михайловой). «Кому полотенце, кому чашку, кому шарфик, кому отрез на платье, кому платье. Подарки тут уже только невеста дарила: отцу, братьям, крёстной, крёстному» (д. Плешково, А.П. Третьяковой, 1935 г.р.). «Отрезы дарили - «по мои-то *рубцы** не приедут ли купцы». Вот дарили свекру рубаху, свекрове платье, золовкам кому на платье, кому платье, деверьям тоже дарили че-нибудь» (с. Зарубино).

Баня

Повсеместно в обряде бракосочетания Кунгурского района для свадебжан на второй день свадьбы готовили шуточную баню, куда вели не только молодых, но и всех остальных участников свадьбы, «парили» их старыми вениками, мазали сажей. Символический смысл такой бани заключался в идее очищения после завершения обряда.

«Утром блажили все, с похмелья ведь. Раз молодые ночевали вместе, обмарались, вот для них баню и надо было топить» (с. Серга). «Истопят баню, только дыму напустят. Трубу сверху закроют для смеху. Баню-то у соседей стараются выпросить, чтобы не рядом была. И делают всякие причуды - раньше причудов-то ведь много было» (д. Патраково). «Че только с баней не делали. И каменки разбирают, и всё. У нас у Васьки Голузина свадьба была, дак дружки-то прокараулили, и свадебжане двери у бани украли и спрятали. Ведь вот не лень же было. В сарае две половины есть, дак с этой половины сено всё переметали сюда, двери туда положили и сено обратно скидали. И топите как хотите баню-то. Выкуп требовали. Я просила килограмм конфет, не купили. Пришлось к соседям в баню-то вести».

«Всё приготовят, дыму напустят, молодых в охапку, в корыто и в баню тащат. Возьмут вить и подхлястывают ещё» (с. Зуята). «Дружков веником погоняют гости, чтобы поскорее в баню-то шли.

Нас бросили в корыто-то, а дружки-то в пристяжку, пристегнулись, тащат, а гости их погоняют» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «В корыте ли, в тележке, кто как молодых везёт. Дружки-то у жениха в первую очередь молодых норовят обмыть» (д. Патраково). «У меня на свадьбе в баню на корыте возили. Бабка Валя кричит: «Корыто-то разобьете, в чём стираться потом буду». Летом возят на санках, кто вот на чем. Санки были, где-то на поленице лежали, все-все-все курицы обосрала. Пришли и говорят: «Ой, какие у нас сани-то красивые, с каким цветочкам». Нахваливают. Сгребли туда молодых на эти санки и в баню поволокли. Кто сзади толкается, кто спереди волокёт, чё там, только хохот на всю округу, чуть не на руках, все равно тащат» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.). «В баню-то когда волокли, на дружку кто прыгнет, а то и сама невеста на *загривок*-то* ему сядет, так в баню и едет» (д. Будайки, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.). «В баню молодых сразу не пускали. У нас Алешка Истомина был. Баню истопил, веник выставил, намахиват, давай, мол, носовой платок. Надо носовым платком дружку подарить. Из бани как должна невеста подарить каждому дружке по носовому платку, на веник положить» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.).

Вслед за новобрачными в баню начинали возить всех остальных участников свадьбы. «Невеста поночевала с мужиком, цветы сняла, значит, её в баню надо обязательно волокли. А моя свекровка-то утром не оплошала, невесте-то сказала: «Одевай быстрее цветы, то тебя в баню сволокут». Она сказала, а её дружки-то слышали, цапали и самую поволокли» (д. Дикари). «Если девушка такая, дак вместо неё тещу ведут, мать невестину. Вот выходят в положении некоторые – дак дескать за тебя меня, мол. Её нельзя дак, она в положении, давай тещу. Вот ребята тещу имают, тещу тащат, раз невесту нельзя» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). «Мать с отцом посадят в корыто, в баню тащат. Потом крёстную везут, за ней крёстного» (с. Ленск).

«Молодых в баню запрут, там такой дымишшо-чадишшо, их за-

прут, так опять выкупать, выпивку требуют» (с. Зарубино). «Тёщу и тестя, свата и сватью там закроют, их там вот угощают этим дымом» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). «Баню истопили, дыму там, сам *коть-моть** батюшка не знает. Не раздевались, поморились, пока не закашлялись, и молодых, и тёщу, и свекровку, и свата со сватом там поморили» (с. Троицк). «В бане играючи веником выпарят - свадьба есть свадьба, все идёт играючи» (с. Троицк). «Комлем молодуюшку-то напарят, свадебжане-то говорят: «Ой, напарим, напарим» (с. Троицк). «Иной раз бойкая невеста если, веник возьмёт и начнёт из котла швырять, вода-то горячая, все от бани убежат. Не даёт себя напарить-то. Кто из свадебжан в окно вылезет, убежит» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.). «У меня Лёнька-то вышел, а я начала всех веником охаживать. Пришлось им потом рубашки снимать. Веник-то в сажу и по мордьяшке» (д. Плешкова, зап. от А.П. Третьяковой, 1935 г.р.). «Если бойкая девка, дак сажи наимаг и всех сажей перемажет» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.).

«В баню веник кинут. Невеста должна по венику брагу подавать, откупаться как. Вот она выставит веник и брагу-то подаёт. А гости щелку откроют, веник кинут ещё один: «Ещё плохо напарились, ещё плохо». И закроют: «Парьтесь ещё» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «*Свадебники**, молодые чешут, кашляют в дыму-то. Вот их бежат выкупать, мать, свекровка бежит. Вином выкупают. Кто двери закрывает, тому и вино дают» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково). «Дружки жениховы бегут с вином, гостей отгоняют, подают им вино. Тогда только открывают двери и всех выпускают» (с. Зуята).

Взаимное дарение подарков проводилось в бане в момент откупания. «Закроют молодых в бане, там дымно, поселят их там, а сами свадебников везут в предбанник: родителей невесты, потом жениха, крестных, потом братьев, сестёр. Как выйдут, жених призывает гостей и угощает, всем им подарки тут делают. И вот здесь они уже называют родителей «мама» и «папа». Свекрови тут платки или отрез на платье дарят, свекру – рубашку» (д. Патраково). «Молодые пря-

мо в дыму подарки дарят, невеста дарит жениховой родне. Угощают тут питием, кто бутылку держит в руках, кто стакан, кто закуску» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.). «В бане невеста одаривала свекровку, свекра, братьям, сестрам, крёстну и крестного. Свекровка невесту одаривала в доме, с обручением когда ездит, а невеста должна приветное дать в бане, свекрови-то» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «От невесты мать всё готовит и свату, и сватье, и крестному, и крёстне, сколько есть сестёр, всем подарки дает в предбаннике» (с. Ленск).

На пеньке (корыте) катать

После бани веселье могло быть перенесено на сельскую улицу. «Мало выкупа нам дали», – свадебжана-то молодым после бани. Бросят опять нас в корыто и потащат. Невесту прямо на колени к жениху бросят. Так в корыте и тащат, в котором капусту рубили, оно ведь большое, в две тятки рубили дак, в нём и тащат» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Молодых по деревне свадебжана таскают и веником со снегом парят» (с. Зарубино). «Невесту с женихом на пеньке катали, сходят в лес за пеньком, посадят и катят их по улице» (с. Калинино, Архив ПГУ, Т. 738, Тек. 30, С. 24).

«По коньяк тёщу в магазин в корыте возили, чтобы она там купила, в магазине-то» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Сватью на второй день три раза кинули на сани: «Ой, как коньяка-то охота». Дровни притащили, парней в их запрягли, бросили и повезли в центр, тётю-то, за коньяком. И потом на дровнях ещё катали, она обносила нас водкой ли, вином» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Мать с отцом на корыте везут в магазин. Просто по улице катают, а сзади идут друзья с бутылками, остановятся с кем, подают вино» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной).

Свадебное ряженье

Веселье второго дня выливалось в разнообразные комические

сценки. «На другой день к нам тётка из Ершей, привезла соломенного ребенка – ребеночка де своего не бросайте» (с. Бым, зап. от А.В. Старцевой, 1930 г.р.). «Куклу принесут: «Вот вам ребеночка, вот у вас за одну ночь состряпался, вот у вас дети есть». И зыбку повесят ещё. И завяргивать заставляли и пеленать. У нас с мужем тоже прикрасили зыбку. Повесили её, покачали, кто поревел за маленького, кто чё, это всё вот только подурачиться. Обойдут, по стопочке подадут и опять начинают вытвораживать» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.).

«Дьяк с попадьей, невеста с женихом одетые пришли, ряженые-то. Шкуру вывернут, шапку, платок, вот как *шаранужили**. Придут: «О, медведи пришли». Дуром дурели на другой-от день» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Свекровь пришла: «У нас, – говорит, – свадьба-то невенчана, надо нам её повенчать». Оделись тут дьяком, а тут еще невестой оделись, женихом. И учили тут невесту спать, она неправильно ложилась опять. Её положат прямо на пол, а головами-то к ногам жениха, положат, потом давай опять их перекладывать, да опять неправильно положат, опять ногами к голове жениха, вот и таскают. Потом друг на друга положат, что вот надо так спать. Тут ещё морковку им положат и мочалку тут же. А дьяк-то тоже ряженный, он на голову черную шапку одевал, рясу тут делал, какой-то халат возьмет и оденет. Ходит вокруг жениха и невесты: «Вот ваша свадьба невенчана, вот её надо повенчать». Ходит, кадит ещё, тут в лапте чё-то у его положено. И все в лаптях, да ещё оборки у них развяжутся, да падут они, запнутся-то как – смех» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.).

«Во второй день во врачей наряжались. Одели на себя белое всё, как скорая помощь медицинская. Представлялись всяко. Пришли, давай лечить. На стол положили мужика какого-то, там у них уколы приготовлены, медикаменты, капли. Дядьку какого-то ещё заставили пописать в кружечку, анализы взяли. Потом полечили, полечили: «Давай, попей капель» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая).

«Цыганкой рядились. Пробки шилом протыкали и по триста-четыреста штук нашивали на юбку, рядились ещё мужиком, бабой, они ходят, обнимают друг друга» (д. Весляны, зап. от Афанасьевой К.И., 1929 г.р.). «Юбки на себя напялят разукрашенные, они брякают, там монеты на юбке-то, ходят, всем за деньги гадают» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка).

«Длинные юбки на мужика оденут, фартуки. На бабу опять шапку набекрень» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «Женщины-то оденут мужские штаны и морковки туда сделают, хоть стой, хоть падай» (д. Дураково). «Веник распотрошат, как цветы на голову делают, невесте оденут на голову, растреплют ещё. Над женихом тоже смеялись. Лапоть привяжут, верёвочки от лаптя через рукава продедут. Руки так поднимешь, и лапоть на том месте тоже поднимается» (д. Зарека, зап. от Н.А. Пешковой, 1940 г.р.).

Устраивали также шуточные гадания. «Петуха с курочкой приносили. Если петушок за курочкой ухаживает, значит, хорошо жить будут молодожёны, дружно» (с. Калинино, зап. от З.А. Красильникова, 1927 г.р.). «Курицу принесут на свадьбу, на пол отпустят. Накрошат тут зерна ли, хлебушка: «Кто в доме хозяин будет, петух или курица». Если петух начнёт клевать первым, хозяин в доме будет мужик, а курица, дак хозяйка будет невеста» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково). «У меня на свадьбе петушонка носили. Вот петуха и курочку приносят на свадьбу и смотрят, чего петух делать будет: клевать курицу, дак будет жених невесту бить, ещё воду начнёт пить, дак пьяница будет. Его на стол ставят, зернышки тут насыплют. Если петушка будет клевать первая, дак опять в доме невеста будет править» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.).

Лошадь заводить

Широко распространённым в Тихановском, Ленском и Мазунинском поселениях было угощение лошади, которую нередко заводили на второй день свадьбы прямо в дом. «Крёстный в избу лошадь

заводил. За уздцы завел, хотел её ещё повернуть. Тут лошади хлеба, браги подают, гриву заплетают, косу делают. Лошади браги в чашку налили, она сколь пьёт, потом эту брагу-то на спину ей вылили, на гриву-то, потом косы стали заплетать. Это на второй день, тут гармошка играет, пляшут. Еще ленты плели лошади в косу, узлом-то не завязывали, так пустили, да и всё. Желтую, красную заплетали» (с. Троицк). «Лошадь заводили в дом. Хлебом её кормили, браги на неё нальют. Дружки ли, крестный ли всё это делали» (с. Троицк, зап. от А. Вертипраховой, 1937 г.р., родом из д. Ключ). «В избу лошадь заведут, обведут да выведут. Угостят её. Это ведь не кошка, завести в избу лошадь-то, начнёт пластаться, дак чё будет. Ну, вот заведут да выведут, которая и хлеб возьмёт. Шутки такие были. Вот у нас прямо один на второй этаж по ступенькам лошадь завел, завел, по кругу обвел, да и вывел. Дурели раньше, ёмко* дурели» (с. Юговское, зап. от А. Смирновой, 1928 г.р., родом из д. Парфеновка). «У нас бывало - завели лошадь в баню, в избу не стали. В баню-то завели, а она же там не повернется, узко. Зайти-то зашла, а обратно задом не идет. Дак пришлось баню раскатывать» (с. Юговское). «Лошадь, мерина заводили в избу во второй день свадьбы. Лошадь богом проклята, вот ей все и достается» (с. Ленск). Объясняя, зачем нужно заводите лошадь, говорили, «чтобы всё велось» (с. Троицк, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.).

Испытания молодых

Во второй день свадебных гуляний невеста и жених обязаны были продемонстрировать свои умения в ведении хозяйства: колоть дрова, пряхть, стирать. Символически выступая как знаки будущей жизни, все эти действия молодых оценивались и комментировались гостями свадебного торжества.

«Свадебжана в шутку затащат большое бревно в дом и пилить молодых заставят. «Умеют, нет, дрова пилить? Умеет муж, нет, колоть» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «Поперёшнюю пилу брали, деревину на дороге найдут, принесут в

избу, вот, мол, давайте, жених с невестой. Они пилят, а я опять так сказала: «Ну, чё, Коля, она тебя ведь всю жизнь пилить будет». Дак они пилу-то и бросили» (с. Юговское, зап. от А. Смирновой, 1928 г.р., родом из д. Парфеновка).

«Жених дрова колот. А там в чураки набьют мелочи, ну, вот он колет, деньги выколачивает» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Жених в свадьбу-то дрова колет, деньги из поленьев достает. Бревна-то толстущие, сучковатые, туда денег наколотят. Вот жених-то топором-то и выколачивает, деньги-то. А ещё ведь он должен в это время и невесту не отпустить, её ведь могут украсть тут» (д. Патраково). «Ещё так балуют - на крышу сани затащат, на конек, бутылку с водкой повесят на антенну, достанешь, нет, мол, - жениху-то» (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая).

«Во второй день молодые всякую работу делали. Чего прикажут, то и выполняют. Заставят пряхти невесту – прядёт, сидит, а дружки всю куделю у неё сдергивают. Кто тесто навалит, кто чё-нибудь. Заставят невесту шить – шьёт сидит» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Невесту прещь заставляют, пряхтницу дадут и веретёшку. Она навертит шутками-то, наоборот веретёшко возьмёт, тоже шутит» (д. Будаики, зап. от А.Е. Жуйковой, 1936 г.р.).

«Стирали на свадьбе, грязно бельё нашли какое-то, доску стиральную, воды, мыло дали, стирать невесту заставили. «Невестка умеет ли стирать» (с. Серга, зап. от М.П. Новиковой, 1940 г.р.). «Корыто поставят, тут всяки лоскутья принесут и девку стирать заставят. А дружек-то много, ох, нашлепаешь опять их, каждого, да не по разу, мокрым-то» (с. Зуята). «Невеста стирается, а потом как начнет рубахами всех полоскать, дак только брызги летят. Поставят ванну, прямо в избе, воды нальют – стирайся. А она как начнет стираться, как начнёт всех этими рубахами» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.).

Обязательное занятие – мести пол. «Невесту заставляли ещё пол мести. Вот ждут молодых, соломы натаскают в избу, чтоб пол не так протапывался, чтобы над молодыми не надсмеялся там кто, ржаную солому навалят» (с. Зарубино). «На голом-то полу свадь-

бу не делают, нельзя, жить бедно будут молодые» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). «Как плясать начнут во второй день, дак всю солому изомнут. Деньги тут бросают, у кого какие есть. Набросают на пол, невеста собирает» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.). «Обязательно смотрят, как невеста пол метёт. Она надь-то комлем должна мести. Свадебники опять: «О, невеста мести не умеет, надо бросать, пока не научится». И начнут опять деньги-то швырять. Жених ходит в фартуке за ей, собирает» (с. Зарубино). «К порогу-то не мели, от порога всё, чтобы счастье не вымести. Невеста от порога к красному углу метёт, чтобы денежки велись» (д. Ключ, зап. от П.И. Болотовой, 1937 г.р.). «В кучу, в середину избы метут, чтобы сор не выносить. А ей деньги кидают. Чтоб гости не лезли, веником-то по голове ещё кого и хлестнёт девка-та, чтоб не мешали» (с. Троицк, зап. от Н.И. Болотовой, родом из д. Мушкалово). «Вот мало-мальски собрала, тут опять прибежали, раскидали, смеются: «Деньги-то собрала?» – «Собрала» – «Куночку продала?»» (с. Троицк, зап. от М.И. Бельшевой). «Заметёт девка, из мусора деньги соберёт в запон, а свадебжане опять схватят, кверху головой невесту поднимут и всё вытряхнут из подола-то» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой, родом из д. Плешково).

«Посуду ломали, если правильная невеста, а неправильная, дак дырявую посуду нанесут» (д. Дикари). «Горшки притащат, бросят, копеек кинут, пляшут. Невеста все метёт, а гости швыряют, ногами распинывают» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Иные к полу даже прибавали деньги-то, а то на потолок приклеивали. Воткнули в потолок и достать их зубами велят. Встанет невеста на стол и зубами достаёт» (д. Елкино, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р., родом из д. Закурья). «Деньги на потолке. Невесту дружки поднимут на руки, она их достаёт ртом» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Когда молодые деньги соберут, тогда снова застолье делают, чай пьют» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р.).

С дарьём ходить. Приданое казать

Ключевыми событиями последнего дня свадьбы были демонстрация односельчанам приданого невесты, шуточный сбор продуктов по соседям и последнее застолье.

«С приданным по деревне ходили во второй день. Свадебжанам всё *неправское** дадут, новое-то не давали одевать на себя: они ведь всё перервут. Одевали, которо токо на смех» (с. Ленск). «По деревне ходят наряженные. Гости с гармошкой ходят, салфетки на себя оденут, приданое-то невесты. Это приданое казать» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «На второй день сряжались, как кто умеет. У меня вот все лапти надели. В лаптях ходили, в лаптях плясали» (с. Серга, зап. от А.М. Солохиной, 1923 г.р.). «Сряжаешься в невестино – шторы на себя наденешь, покрывало, подпояшешься и идёшь по деревне. Кто веники навяжет, два веника на шею, так и идут. Кто платочек, кто дорожку на себя накинёт» (с. Троицк). «Без разрешения всякого свадебжане открывают сундуки невесты и одевают всё на себя, чё есть, рушники там, скатёрти» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Сряжались кто как может. С котомками пойдут – *нишшухи** де: юбки рваны надевали, кто измажется сажей, в лаптях. Старику бороду наделают из кудели, идут» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «В скатёрки, в полотенца срядятся и идут по деревне, в клеёнку со стола завернутся, в рогожи. Невеста с женихом в это время дома остаются, гости токо ходят» (д. Плешково).

«Средятся нишшухами да кем, с котомками ходят по деревне, на свадьбу выпрашивают» (с. Зуята). «С корзиной или с сумкой на второй день свадьбы в дом зайдут: «Подайте Христа ради убогим, в доме ничего нет покушать» (с. Троицк). «Ходят, яйца по деревне выпрашивают, мол, гостей нечем кормить. Песенку споют, имя яйца. Не дают – дак на *повить** полезут, сами насобирают. Кто на свадьбе был, к тем больше-то заходили. Платок надо, если не дают, – чё-нибудь, хоть полотенце да заберут, и на голову. Пельмени увидят где – пельмени заберут. Что увидят – то и хапнут *Придумничали** ходили,

полну корзину насобирают, потом за это хозяевам бражку подадут. Насобирают корзинку, идут обратно» (с. Троицк). «Кто из хозяев яиц накладёт, ведь выпрашивают всё, кто деньги даст, тут песни ведь им поют с прибауткой, с приплясываньем. Полотенца на себя навешают, шалюшки цветные, юбки широкие, как цыганки ходят бабы-те, деньги выманивают» (д. Дикари). «Яйца просят у всех деревенских-то. Полну корзину наберут. Бегают по деревне, мол, подайте, невеста у нас бедная. Кто яиц даст, кто даже водки, полные сумки наволокут, опять гуляют» (д. Дураково). «В дом вернутся, давай пекчи *скородумку** из яиц, большую сковороду наделают, прямо без молока, так напекут, на стол выкатят» (с. Серга).

«Три ествы ставили на второй день, а четвертая была сносна, гостей выводить. Принесут - тарелочка закрытая, конец» (с. Серга). «Свадьба закончилась, приносят закрыто. Накрывают на столе посудину на посудину - закрыто. Могут просто принести пустые посудыны, тарелка на тарелке. Не скажут прямо-то, что, мол, поезжайте домой. «Все, дорогие сватовья, закрыто принесли». Значит, нечем больше угощать, домой пора» (с. Зарубино). «Сидят свадебжана за столом, им принесут чашку, тарелкой захлопнутую, в чашке хлеб черный, краюшечка отрезана и больше ничего. Это значит больше подачи не будет. Все и перешаптываются: «Надо выходить из-за стола. Краюшку принесли, больше ниче не будет» (с. Зарубино). «Пустую тарелку приносят, это последнее называлось, а некоторые перевернут ее кверху дном, это уже все, это последнее, свадьбе конец» (д. Колпашники, зап. от М.А. Ганиной, 1927 г.р.).

знаком окончания пира могла быть редька с квасом: «Редьку на второй день ели после свадьбы, натрут в блюдо и гостям, мол, всё» (с. Троицк, зап. от А.М. Емшановой, 1938 г.р., родом из д. Ключ). «Каша – разгоня наша. Поставят кашу на стол, значит, конец свадьбе» (с. Калинино). «На стол принесут капусту квашену – *закрыто** называли, как закрытое блюдо. Принесут и всё, значит, из-за стола выходим. *Сносна**» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.).

Пьяных, кто спит, будят – домой мол. А то помадой измажут,

чё-нибудь на лице нарисуют, штаны к рубашкам пришьют, штанины вместе сошьют. Шутили» (с. Троицк). «Бывало, которых ухватом дружки выводили. Вот сидят, не уходят, дружки за шею-то ухватом и выведут пьяных-то» (с. Серга). «Кто засиделся, тех хлебной лопатой выгоняли» (с. Троицк).

4. После свадьбы

Прикатывать (спрыскивать) половики

Разработанный эпизод окончания свадьбы – прикатывание половиков. В традиции застилание пола половиками имело определенный символический смысл – возможно, как средство оберега, как знак жизненного пути и достатка. В Усольском районе, например, половики первым делом расстлали от порога к красному углу, когда заходили в новый дом - «чтобы по голому полу не идти, чтобы бедно не жить». Закрепляя новый социальный статус молодой хозяйки, свадебжане по окончании свадьбы совершали ряд ритуальных действий с половиками из приданого невесты.

«После свадьбы невеста все убирает, всё моет, посуду моет да чё да, а когда все гости разъедутся, начинает полы мыть» (с. Зуята). «Невесте велят пол мыть. И там опять смотрели, сыро, нет, моет. Если сыро, мужик пьяница будет» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Невеста пол моет, а тут соседка пришла, пожилая женщина, принесла с собой золы. Только начнёт мыть, соседка золу ей насыплет. «Ой,- говорит, - пол-от мыть не умеет, ты посмотри, какая грязь». Только вымоешь, она измажет всё» (с. Серга, зап. от Н.Д. Новиковой, 1929 г.р.).

«Невеста полы вымоет, тут половики достанут, рулоны-те, разрежут, постелют» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «Как половики раскатали, едут за матерью, гости тут ещё соберутся, снова стол накрывают и за столом сидят - вот прикатали половики де» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «*Половики прикатывать**

от невесты родня едет. Соберутся, посидят за столом, бражку, квас попьют» (с. Калинино, зап. от А.Д. Самоловских, 1930 г.р., родом из д. Субботинка). «Подруги у невесты приедут, да с ихней стороны кто придёт, от жениха, спрыскивать половики-то, бражкой тут угощали, самогоном ли, что осталось. Угостятся и баловать начнут. Половик снимут и закатают туда кого-нибудь из родственников» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «Гости прилетят, давай в половики закатываться, вот друг друга на пол положат и давай закатывать. Кто-нибудь один ревет - как жалко будто. Потом гости-то скажут: «Ой, да не реви, сейчас мы тебе начисто прикатаем». Снова пол водой смочили и постелили половики заново, прикатали как» (с. Калинино, зап. от Н.Е. Налевкиной, 1938 г.р.). «Половики расстелют во весь пол, и на этих половиках улягутся, ждут, пока им не подадут пить, как выкуп ждут» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «Маленько выпьют, подурчатся, покатаются по полу. «Все прикатали, нормально» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.).

Хлебины. Отхлебины. Отпотчевание

Практически повсеместно в обряде бракосочетания Кунгурского района первое посещение новобрачными родителей невесты после свадьбы называется *хлебины**. Исключением, пожалуй, являются населенные пункты Тихановского сельского поселения, где гостевание молодых в доме родственников невесты после свадьбы называли *отхлебины**. Несмотря на разницу в терминологии, суть ритуала одинакова, хотя в тихановской традиции ощущается и своеобразие. Отхлебинами здесь могли называть также свадебный пир в доме жениха и других его родственников, сразу после хлебн: «Через неделю после свадьбы его родители с женихом, с невестой едут к моим родителям столовать, а через другу неделю вечером едут к жениху к его родителям. Так там тогда сносну делали, отстолуют, потом мать сносну принесёт. И жених должен – хорошая невеста если – эту тарелку вскрыть и вымыть» (д. Плешково, зап. от Т.А. Жуковой, 1932 г.р.).

«Молодые через две недели после свадьбы ездили к родителям невесты на хлебины к теще» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р., С.М. Букирева, 1929 г.р.). «Хлебины - тогда всех гостей жениховых приглашают опять, как вторая свадьба, только уже в доме невесты. Свадьба у жениха, а хлебины у невесты. Отгашивали как у одних, потом у других отгашивали» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «Хлебины - это свадьба уже у родителей невесты, через неделю или через две. Родители невесты приглашают свадебных всех гостей» (с. Калинино, зап. от Л.Н. Тамбовцевой, 1939 г.р., В.Ф. Безводинских, 1929 г.р.).

«Через неделю отхлебины. Ехали на них женихова родня, к матери невесты (с. Тихановка, зап. от З.А. Кисилёвой, родом из д. Теплая). «К теще едут на отхлебины. Тут ведут родителей и может еще несколько человек приглашены. Это могут через неделю, через месяц ехать» (с. Троицк, зап. от Н.Л. Вертипраховой, 1956 г.р., родом из с. Юговское). «На отхлебины едут жених, невеста, свёкор, свекровка. Это раньше обязательно делали на девятый день после свадьбы» (д. Патраково, зап. от Р.И. Болотовой, 1935 г.р.). «Первый раз на отхлебена ехали вся родня жениха в дом невесты, примерно через неделю. Настоящий праздник, опять стол накрывают. На блины-то в масленку к теще ездят, там только молодые, а тут-то, на отхлебена-то, тут родня жениха вся едет, всей семьёй, настоящий праздник» (с. Троицк). «Хлебины после свадьбы проводили, кто как сможет. Родни-то ведь – убийство. Соберутся, дак настоящая свадьба. Во дворе гуляли. Там пол новый послали, взяли, дрова все новыми половиками завесили. Зять шутит, говорит: «Ну, дак че, теща? Вот тебе кирпич – а ты должна зятю купить «Москвич!»» (с. Калинино, зап. от Л.Г. Логиновой, 1929 г.р.).

«На хлебины жених обязательно подарок какой-нибудь везёт теще. Платок обычно дарил» (с. Кинделино). «Если честная невеста досталась – подарок хороший, если нет – похуже. Иной купит платье, а другой только платок и при всех дарит» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Обычно дарили теще-то раньше башма-

ки - за хорошую невесту» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «Невеста хорошая, значит, жених благодарность матери скажет. А если гулёвая, ничё не говорит» (с. Зуята, зап. от А.Е. Букиревой, 1927 г.р., С.М. Букирева, 1929 г.р.). «На хлибины жених, невеста, его крестная с подарочком едут. Жених с невестой должны отцу с матерью подать. Если там братья, сестры есть, им всем тоже подарки дарят» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой). «В хлебины зятю, теще дарят с своей стороны, ну, кому раньше на платье да на что такое брали. В одну сторону подарки были и в другую надо. Шутят над тещей: «Автобус обходи где, спереди или сзади?» – «Сзади». – «Сзади, а тещу со всех сторон» (с. Калинино, зап. от А.И. Фофановой, 1914 г.р.).

«Хлебины *отпотчеванием** называли ещё. Там выпивали, угощались, песенки пели. Тут опять рыбные пироги, холодец, жаркое делали» (Калинино). «Блины обязательно были. На хлибинах блинами кормят» (д. Колпашники, зап. от А.С. Еремеевой).

«Соберутся, тут рассуды начнут, что честная девка, нет. Вот мать подает блины: если нечестная, дак блин жених выкусит, а честная, дак жених блин-то разрывает на две половины» (с. Бым, зап. от Н.В. Розорвиной, 1934 г.р.). «Если невеста досталась не девкой, жених виду не подаст, выкусит блин и блином теще в запятки. Или середку выкусит и блин выбросит на полати. А честная, дак просто съест блин, похвалит, что хороший блин» (с. Калинино, зап. от В.К. Ситниковой, 1930 г.р. К.А. Ситникова, 1928 г.р.). «Жениху тарелку с блинами подают. Он съест и тарелку в пол бросает, если честная, а нет – дак просто тарелку оттолкнет от себя» (с. Зуята, зап. от А.Н. Мальцевой, 1924 г.р.). «Как пирог резать, поставят бражку стаканом на пирог, жених возьмет стакан зубами, поднимет и выпьет, чтобы не сплеснуть на пирог-то. Считается, что как невеста честная была. Только потом пирог режут» (с. Серга).

Поездки на блины. Блины собирать

В Масленицу молодые ездят *собирать блины* к теще и ко всем

другим родственникам (с. Тихановка). «На Масленку надо *молодушку обкатывать**. Молодушку как обкатывали - садят в кошёвку и на лошадях катают по деревне. На лошадях веники, ленточки, невеста в косынке черной. Вот вдвоем ездят, и не с пустыми руками, там с собой тоже выпивка, закуска. В гости заезжают, звали дак» (с. Серга). «Молодых звали к себе гости, которые были на свадьбе. Подавали молодым жаркое, холодец, лапшу, бульон варили из осердия, печени, легкого, сердца, сбой в общем. В бульон добавляли лук, лавровый лист, но без картошки» (с. Ленск). «Только молодые приезжают, тут соседи идут молодых целовать. Тут даже которые приговаривают масло, блины – угощайте. Им стопкой блины накладывают» (с. Троицк).

«По первости молодые к теще на блины ездили. Блинами теща кормит, это в масленку» (д. Зарека, зап. от Н.А. Пешковой, 1940 г.р.). «Стол накрывали, теща угощала зятя, сватовей, называлось как к теще на блины. Блинами угощала, тут и песня такая пелась: «Стала нас теща блинами угощать» (с. Зарубино). «Прежде чем подойти, надо теще принести на платье, как подарок» (с. Троицк). «На блины ехал жених к теще – с пустой рукой не ехал, подарочек вёз на тарелку. Вот блины принесли. Если подарков нет, и блинов нет. Вот он и дарит, то мануфактуру, а то парочку. Теща блины принесёт, тарелкой сверху закрыты, вот он на тарелку подарочек-то и должен положить. Теща с тарелочки берёт и блинчики открывает за молодых-то» (с. Зарубино).

«Приедешь, теща блинчик даст, его сложишь в четверть и кусай. Как жених откусит, такая и девушка была, много откусит, дак нечестная была» (с. Троицк, зап. от Н.И. Болотовой, родом из д. Мушкалово). В деревнях-то всё по блинам узнавали, пекли блины и подносили. Вот он откусит, если честная невеста, то он немножко откусывает, если нечестная – только чуть-чуть оставляет по краям» (с. Калинино, зап. от А. Новиковой, 1915 г.р.). Если девушка хорошая, он у блина маленькую дырку выкусывает. Сложит вчетверо да серединку выкусывает. А гости развернут блин, показывают. Теща подносит ему блины с вином. Полная стопка вина и кверху дном, так

проставлено, и не выливается вино» (с. Бым, В.И. Трениной, 1925 г.р., Г.А. Некрасовой, 1943 г.р.). «Блины напекут, в железную чашку положат, а сверху фарфоровой закроют. Вот если девушка честная была, так жених блины-то открывает, фарфорову-то убирает и бьет её об пол» (с. Зуята).

Еще один раз молодые едут к матери невесты в *сборное воскресенье**. «Вот у молодой которые вещи остаются, из приданого-то, их забирают и увозят» (с. Тихановка, зап. от З.А. Киселёвой, родом из д. Теплая). «За посудой ездили в прощенное воскресенье к родителям невесты» (с. Бым, зап. от Н.П. Харьковой, 1918 г.р.). «В прощенный день жених с невестой идут к невестиной матери *процаться*: «Мама, папа, прости Христа ради». И кланяются ей» (с. Калинино, зап. от В.В. Курочкиной). «В чистый понедельник невеста шла к своей матери по дары, чего мать подарит» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.).

Глава IV.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Представления о смерти – одна из наиболее хорошо сохраняющихся и в наши дни сфер традиционной культуры. Здесь до сих пор фиксируется богатейший архаический материал о посмертном существовании, о душе и устроенности загробного мира, свидетельства древнего культа мертвых, представления о зависимости живущих от умерших. Воплощенная в языке и фольклоре, в обрядовых ритуальных действиях мифология смерти ощущается в перекличке элементов похоронной и свадебной традиций, в демонологических сюжетах и обереговых приёмах, в запретах и предписаниях, распространяющихся на разные фазы обряда. Живой речевой материал представленных в разделе народных верований свидетельствует об устойчивости, своеобразии и богатой вариативности данной традиции в Кунгурском районе.

Похоронно-поминальная обрядность края ещё не была предметом полного описания – лишь отчасти она освещена Г. Бердниковым¹. Г. Бердников отмечал, что при похоронах местные жители имеют обычай над умершим плакать с причетом и в доме, и при перенесении в церковь, и при спуске в могилу. Всем присутствующим в середине XIX века при погребении раздавали по медному гривеннику, «дабы от души помолился». На поминках также раздавали всем деньги, а нищим холст, рубашки и другие вещи умершего. В дни преставления и тезоименитства пекли специальные хлебы – милостыню, раздавали их бедным, вместе с медными копейками. В субботу перед пятидесятницей также поминали: пекли пироги, блины, шаньги, раздавали (в церкви перед обедней) милостыни. К нашим дням обычай видоизменился – в него вовлекается уже не весь соци-

¹ Бердников Г. Этнографические сведения о жителях Кунгурского уезда. Архив РГО, XXIX.75.

ум, а лишь наиболее близкие, подаяния распространяются на тех, кто случайно вовлекается в обряд или на нищих.

Разнообразие форм похоронно-поминальной обрядности в крае во многом связано с тем, что здесь активно используются и нередко перемежаются обрядовые формы, сохранившиеся от языческого прошлого и формы, принятые в христианстве как в православии, так и в старообрядчестве. Например, по мнению православных, староверы не ходят поминать умерших на кладбище («Старая вера – они схоронят человека и землю сровняют. И не ходят на могилы – а кого мол там смотреть-то, землю что ли?» – Насадка). Православными не всегда освящается могила перед опусканием в неё гроба: «У австрийцев опять так – они идут на кладбище, освящают могилу, отпевают покойного, тогда только спускают. У нас так не делают» (с. Калинино); часто используется и в целом не осуждается ритуальное разбрасывание веточек пихты за гробом (или перед гробом), не принятое у старообрядцев. Старообрядцы обычно при захоронении устраивают в могиле над гробом особый настил (*полати*), проводят более длительное отпевание умерших. В прошлом они хоронили в особом саване: «Сосед был, я помню, у него умерла матушка, и ее всю спеленали как ребенка, это, говорят, у кержаков так, чтоб все запелёнато было» (с. Насадка). Поминая умерших, в отличие от православных, старообрядцы не готовили ни шанег, ни пирогов с картофелем («Говорили раньше – в картовке черт прячется» - Калинино; запрет связан с распространенным в Прикамье в прошлом старообрядческим осмыслением картофеля как нечистого, «нерусского» овоща).

Религиозная насыщенность края напрямую отражается в том, что здесь фиксируется разработанный пласт (безусловно, позднейший) христианских представлений об аде, Страшном Суде, воскресении, наказании за грехи, нередко – в своеобразном народном осмыслении.

В народной культуре имеет место последовательное табуирование основных понятий, связанных со смертью (не только из этических,

но и из мифологических соображений). Косвенное, отстраненное их обозначение связано с опасением «вызвать» смерть. Так, умершего называют *годный** («*Недолго старая маялась, видно, мало грешила, через день годная стала*» - Калинино). Такое применение слова говорит, конечно, не о практической полезности умершего, а указывает, вероятно, на обретение им через смерть лучших качеств (из представлений о греховности жизни и необходимости избавляться от грехов перед смертью, которая также есть способ избавления от них; контекст, в котором зафиксировано слово, непосредственно актуализирует эту идею). Эвфемически смерть осмыслялась как переправа на тот берег, подъем на гору («*Синички в окошко стучат – зовут меня на тот берег** видно» - Калинино; «*Износилась я уж, на гору пор**» - Калинино). Специфично, построено на метонимии местное название кладбища – *могилки**, *могилицы*, отчего понятие умереть может передаваться глаголом *намогилиться** («*Время намогилиться уже, а Бог все не приберет*» - Колпашники).

Большой пласт похоронно-поминальной лексики составляет обрядовая терминология. Особым словом называется приготовленная для умирания одежда («*смёртно** или *смертная сряда**»), милостыня, которую подают первому встретившемуся на пути похоронной процессии (*первая*, или *встречная*, а также *походная милостина**), милостыня в поминки (*сороковая*, *потайная милостина**), день, когда ходят на кладбище поминать умерших «не своей» смертью (*шарапучики**, *шарапучий день**). В терминах представлены основные персонажи, участвующие в обряде (*помывальна баушка** пожилая женщина, которую обычно приглашали обмывать покойника, *читальница**, или *читательница* женщина, читающая молитвы над покойником), наиболее значимые обрядовые действия (*привывать** исполнять плачи).

Наиболее ранние фиксации особенностей похоронно-поминальной традиции показывают сильные изменения её к концу XX – началу XXI века. Так, разрушен обычай плакать с причетом (представление о местных плачах дают публикуемые в разделе причеты, зафикси-

рованные в 1860 г. крестьянином Кунгурского уезда Е. Будриным¹). Сейчас фиксируются лишь фрагменты плачей по умершему, и они часто носят свободный, импровизационный характер.

1. Круг представлений, смежных с понятием смерть

Смысл многих ритуалов, обрядовых действий, используемых в похоронно-поминальной культуре символов может быть прояснен при рассмотрении более общих тем: представление о мироустройстве и том свете, о конце света и жизни, мифологическое представление смерти и души. Этот культурный контекст в исследуемой традиции характеризуется развернутостью, разработанностью сюжетов.

Тот свет

Многочисленны в крае рассказы об обмираниях, во время которых человеку и открывается тот свет. В одном из описаний он предстает как провал в земле: «Бывало, девушка обмерла. Сколь ей годов было, наверно, шестнадцать. Много, говорит, очень видела. И, говорит, Георгий Победоносец меня через такое место, как яма, *по жерде*, за руку проводил, а внизу много покойных, грешных». Возможно, наделение нетипичной функцией проводника на тот свет Георгия Победоносца неслучайно (в народном представлении это функция Михаила Архангела – ср. в коми-пермяцкой традиции: душу человеку дает и душу забирает Михаил Архангел). Михаил и Георгий в крестьянских верованиях отчасти сближаются: Михаил известен не только как предводитель небесного воинства, как посредник между Богом и людьми, проводник душ к вратам Небесного Иерусалима. Ему, как и Георгию (Егорию), приписывается обучение людей скотоводству и хлебопашеству.

Как и в целом в народной традиции, потусторонний мир может

¹ Будрин Е. Причитанья по покойнику (в Кунгурском уезде). – Пермский сборник. Повременное издание. Книжка вторая. М., 1860.

«копировать» мир земной («обмирала тут одна женщина, дак говорила, что и там её тоже поставили работать трактористкой»). В одном из рассказов он представлен как небесная церковь: «Обмиравшая сказывала: «На небе церковь большая. Смотрю, из церкви вышел маленький мальчик, точно такой же как мой Андрюша, сын, он маленький ещё умер, подходит ко мне, посмотрел, идет обратно. И выходит с ним женщина, за руку его ведет, а мальчик-то спрашивает: «А куда ее?» Та говорит: «Она не дожила восемь лет, обратно на землю». И я, говорит, лежу так, чё будет. Тут подходят два как негра с тележками. Круг меня так катят тележку, потом остановили и говорят: «Садись». А я посмотрела, а там дна-то нету. «Как туда сесть, там дна-то нету?» – «Ты, – говорят, – не бойся, садись». И я, говорит, чувствую, что я не дома, подчиняться надо, встала туда. И вот смотрю – лечу в свое село, церковь увидела свою» (с. Насадка, зап. от А.Ф. Пешковой, 1931 г.р.).

Деление того света на ад и рай, их противопоставление подчеркивает нередко, что рай уготован лишь отдельным, избранным. Один из обязательных признаков рая – его красота: «В раю, наверно, хорошо, красиво. Там моления идут, там все святые. И птички поют так красиво. Везде разные фрукты, яблоки такие, светлое место. Такое место – как Украина, там зелень, сады» (с. Троицк). Ад соотносится с огнем: «Ад-от будет: грешные в эту сторону, праведники в другую сторону, грешникам *ад-огонь*, а красота только праведникам» (с. Троицк). Судьба умершего человека определяется на сороковой день после смерти: «Туда там лесенка идёт, сорок ступенек. До сорокового дня покойный и поднимается по ней. А последняя ступенька – там и определяют, то ли в ад падает, то ли в рай». «Эту душу-то водят, водят сорок дён и по горам, и по морям – везде эту душу мотают. Когда душа уходит из дому, значит, ее на место определили. Она поднимается кверху, там будет за свои грехи отвечать: «Чё наделала? Отвечай». В сороковой день она поднимается кверху и сдает свои грехи Богу. Тогда её определяют, мало грехов, тогда примут хорошо» (с. Калинино).

При изображении ада в основном живописуются картины нака-

зания грешников: «Я вот читала - тетрадка такая, «Сон Пресвятой Богородицы». Дак написано - кто по колено в смоле, кто по пояс в огне горит за непочтение родителей, несоблюдение постов. Мало в рай попадают, а вот всё туда только». Рассказчицей упоминается хорошо известный в народной культуре «Сон Пресвятой Богородицы» (бытующий в нескольких списках-вариантах и самостоятельно используемый как молитва и как оберег). Этот страшный сон предвещал Богородице мучения её Сына, который будет распят и замучен в Иерусалиме, содержит ряд картин апокалиптического характера, в том числе и живописаний Божьего наказания (кары великой) тем, кто ослушается Бога (солнце, небо и земля потряслись, луна в кровь обратилась; «восстанет царь на царя, король на короля, отец на сына, а сын на отца, и будет великое кровопролитие на Земле; накажет всех сильными болезнями и не даст никакого пропитания и будет наказывать непослушных громом и молнией; напустит птиц черных, у которых волосы женские, которые будут летать, и кричать страшным голосом, и наведет ужас великий»).

«Каждому свое место Господь посылает. Кто в жизни водку пил, будет в болоте лежать, и ему пить никогда не дадут. Если, например, я посты не соблюдаю, там меня будут кормить может червяками». Вообще же наказание за грехи – удел каждого смертного. К ним относятся не только моральные проступки, одним из серьёзных грехов, в частности, считается «переговаривание», досужие, долгие разговоры (в связи с этим у пожилых часто встречается суждение, завершающее длинный разговор «Греха-то наговорила, простите меня» - Калинино). Своеобразный путь к жизни без греха передаёт выражение «Богу не молись, а напраслину терпи»: «Богу не молись, а напраслину терпи – так говорят. Если даже Богу не молился, а напраслину терпел, и с тебя снимутся грехи» (с. Троицк).

Напоминание о греховности человека выражено в часто встречающемся духовном стихе «В небольшой избушке огонек горит»:

В небольшой избушке огонек горит,
Там одна старушка при смерти лежит.

Плачет и рыдает во грехах своих,
Тяжело вздыхает, ох, как много их.
Себя я не жалела, во грехах жила,
Старость подступила, смерть уж подошла.
Смерти ужасаюсь, страшно мне одной,
В огне геенском вечно гореть мне суждено.
Милосердный Боже, забудь мои дела,
И на смертном ложе прости, прости меня.
В небольшой избушке свет яркий засиял,
Пред старушкой слабой чудный гость стоял.
– Я ангел твой, хранитель, – чудный гость сказал.
Небесный кроткий голос в сердце проникал:
– Я послан за тобою, пойдем со мной домой
В небесную обитель, там радость и покой.
Молила ты Владыку, чтоб он тебя простил
Он всё тебе прощает, тебя он искупил
(с. Калинино).

Традиция пения духовных стихов как душеспасительного занятия в прошлом была развитой (как и в других местах Прикамья, где было сильно старообрядчество). К настоящему времени она уже разрушена, и стихи в основном бытуют в редуцированной форме. Таков, в частности, стих о двух ангелах, который также говорит о грешности и глубоко верующего человека:

Два-те ангела, два архангела, они лётали да они порхали.
Они видели, да они слышали, как душа с телесам расставалася.
Телеса говорят: «Нам лежать тяжело».
А душа говорит: «Мне лететь высоко.
Мне лететь высоко, нести грехи тяжело,
Нести тяжело да грехи тяжкие, грехи тяжкие да нераскаянные»
(Записано в с. Калинино; исполнительница прокомментировала его следующим образом: «Это в Велико говенье больше пели, и на поминках. Раньше даже девки песни не пели, а всё эти стихи пели. А счас чё - ходим на исповедь, а может, все грехи и не скажем»).

Другая часть похоронно-поминальной традиции, также отражающая народное понимание смерти, - исполнение по умершему плачей (*плачевных песен*). Как отмечалось выше, к настоящему времени традиция почти утрачена: «Которые причитают по покойникам, а больше нет. Вот по маме я так причитала: «Родимая мамонька, оставила ты меня, пошла ты на тот свет, пошла ты на новое царство, в новый дом. Оставь для меня место – придет момент, когда умру, ты посади меня рядом с собой. Дай тебе Бог царства небесного, отведи, Господи, от ада крошечного, от огромной печи! Сохрани, Господи, и помилуй твою душу от ада!» В этом, уже поэтически не оформленном тексте используется распространенное в плачах понимание жизни после смерти как обретение нового дома, одновременно используются мотивы огненной печи (в прикамских плачах *подземельная двучельная печь*, на которой в котлах кипит смола, - частый атрибут ада). Чаще вместо причитания используется разговор с умершим: «Который раз хожу, дак на могиле говорю вот: «Милая мама, пришла тебя попроведать. Ты вот не выйдешь, не скажешь - как тебе. Тяжело, чё-то тебя мучит - не скажешь. Как тебе достается это тамо?» Так просто поговоришь, и всё». Любопытны здесь утверждения с отрицаниями – *не выйдешь, не скажешь*, вполне соответствующие установкам традиционной культуры на локализацию умершего в том мире, недопущение его в этот мир.

Плачи, зафиксированные в Кунгурском уезде в прошлом¹, показывают, что причётная традиция здесь была детализирована, тексты причитаний отличала развёрнутость и своеобразная стилистика. Как указывает собиратель, «плачи воются, голосятся с рыданием, воплями... при погребении или поминках... на распев».

Дочь по отцу

С восточной со сторонюшки подымались да ветры буйные
Со громами да со гремучимя, с молоньями да со палючимя.

¹ Причитанья по покойнику в Кунгурском уезде (сообщил крестьянин Е. Будрин). - Пермский сборник. Кн.2. М., 1860.

Пала, пала с небеси звезда все на батюшкову на могилушку...
Расшиби-ко ты, громова стрела, еще матушку
да мать сыру-землю!
Развались-ко-ся ты, мать земля, что на все четыре стороны!
Вскройся-ко да, гробова доска, распахнися да, белы саваны!
Отвалитесь да, ручки белыя, от ретивого от сердечушка,
Разожмитесь да, уста сахарные!
Обвернись-ко-ся да, мой родимой батюшко,
Перелетным ты да ясным соколом!
Ты слетай-ко-ся да на сине море, на сине море на Хвалынское.
Ты обмой-ко, родной мой батюшко, со белава лица ржавщину.
Прилети-ко ты, мой батюшко, на свой-ёт да на высок терем,
Все под кутисе да под окошечко –
Ты послушай-ко, родимой батюшко, горегорьких
наших песенок.
(*Кутисе* – вероятно, искаженная в произношении форма прилагательного от слова *куть* кухня. - Прим. редактора).

Сестра по сестре

С восточной со сторонюшки подымались да ветры буйные
Со громами да со гремучимя, с молоньями да со палючимя.
Пала, пала с небеси звезда все на сестрину на могилушку.
Расшиби-ко ты, громова стрела, еще матушку
да мать сыру-землю!
Развались-ко-ся ты, мать земля, что на все четыре стороны!
Вскройся-ко да, гробова доска, распахнися да, белы саваны!
Отвалитесь да, ручки белыя, от ретивого от сердечушка,
Разожмитесь да, уста сахарные, ты промолви-ко, мила сестрица,
Слово-то со мной ласково, слово-то со мной приветливо.
Еще я-то, мила сестрица, в тоске живу, во кручинушке,
Без свово-то мила ладушки, со своими-то малым детками.
Была-то у меня мила сестрица – была ласкова, была приветлива.
Нанести-то на нас есть кому, а пристать-то за нас некому.

Как была бы у меня мила сестрица, постояла бы за меня
горой высокою,
Постояла бы стеной да белокаменной.
Во сне-то ты мне не привидишься, наяву мне
да не покажешься...
Прилети-ко, мила сестрица, ко мне да горегорькою;
Уж ты сядь-ко, мила сестрица, на *окутисе* да на окошечко.
Ты послушай-ко, мила сестрица, горегорьких-то моих песенок.
Я живу-то, горегорькая, без батюшка без родимова,
Без родимой родной матушки, без своего мила ладушки.
(*Окутисе* – вероятно, искаженная в местном произношении форма прилагательного от кути кухня. *Нанести* - оклеветать, *пристать* – заступиться. - Прим. редактора).

Молодуха по мужу

Начало плача соответствует зачину предыдущих, опубликованных выше, с заменой слов «на Батюшкову могилушку» («на сестрицыну на могилушку») на «все на ладушкову на могилушку». В окончании причитания поётся:

Обвернись-ко-ся, мой милый ладушко, перелетным ты да ясным соколом!

Уж я выйду на широку я на улочку, посмотрю я, горегорькая,
На все на четыре стороны –
Не летит ли моя пташечка, не несет ли мне вестку-грамотку?
Уж мне ждать будет – не дождатися,
мне глядеть – не наглядетися:
Ну, нет мне от милова ладушки, нет ни весточки, ни грамотки,
Ни словясного челобитьца!
А как без мово-то мила ладушки наносят на меня люди добрые!
(Использованные в причете фольклорная формула *вестка-грамотка* до сих пор употребительна в плачах, как свадебных, так и похоронных, ср.: «Ведь я ле мо писала вестку-грамотку, я мо посылала с сонцом праведным» - чердынское. – Прим редактора).

Причитание вдовы

Пришла весна красная, выезжают все люди добрые
На работушку на тяжелую.
У меня-то, горегорькая, нет милого ладушки...
А придет страда сенокосная – и затупится коса моя булатная...
И тогда-то, горегорькая, сяду я под ракивов куст,
Помяну-то я, горегорькая, свово милого ладушку:
Затупилась у меня-то коса да булатная не по-старому
да не по-прежнему...
А как был бы ты, милый ладушко, ты направил бы мне косу
булатную по-старому да по-прежнему...
Хожу-то я, горегорькая, по лугам-то да по зеленым;
Смотрю-то я, горегорькая, по добрым-то да по людям,
И примечу я, сирота горькая, своего мила ладушку:
Какова была у него походочка, какова была у него поступочка,
Каково у него было лицо белое, каковы у него были очи ясныя,
Каковы были кудри русыя...
Не могла-то я узреть-высмотреть по его-то частой походочке,
По его-то русым кудерцам, по его-то ясным очикам –
Своего мила ладушка.
И лишилась я дружка милого.
Пришло время всечасно слезы лить, горевать, кручиниться
и за все тужить.
(В данном тексте также используется традиционная для причетов фольклорная пара *не по-старому, не по-прежнему*, ср. в чердынском невестином плаче: «Кумушки-подруженьки все сидят они да по-старому, все сидят они да по-прежнему. Только я, млада, не по-старому, не по-старому, не по-прежнему, запросватана, запоручена на чужу дальню сторону»).

Старуха по старику

На кого ты, милый мой, обнадеялся, и на кого ты *оположился**?
Оставляешь ты меня, горегорькую,
без теплого свово гнездышка!

Ни от кого-то горегорькой нету мне слова ласкова,
нет мне слова приветлива.
Нет-то у меня, горегорькия, ни роду-то, ни племени,
ни поильца мне, ни кормильца...
Остаюсь-то я, горегорькая, старым-то я старшенька,
одна да одинёшенька.
Работать мне – изможенья нет, нет-то у меня роду-племени;
Не с кем мне думу думати, не с кем мне слово молвити:
нет у меняилова ладушка.

Конец света

С представлениями о смерти и том свете близко смыкаются народно-христианские представления о конце света. «Конец света – будет очень много страданий. Так будет: люди будут просить смерти, а не смогут умереть». Наиболее концентрированно идея конца света высказана в частых и вольных пересказах «Откровений» святого отца Иоанна Златоуста (Богослова): «Иоанну апостолу открывалось небо, сказано было - что видишь, все запиши. Увидел он царя на престоле, вокруг него четыре змея невиданных, дальше идут святые отцы, апостолы, всякие праведники потом идут, и потом мученики. А уже верующих-то очень далеко видно только от престола-то, а грешников-то вовсе не поминают. И семь ангелов стоят вокруг него. Господь стал им говорить. Выливай свою чашу – и начнется землетрясение. От второго неурожай, от третьего жабы да саранча все съедать будут, *голодь* будет. Вот эти страсти все придут, как Господь своим ангелам прикажет. Третья часть умрет – воды не будет, она будет как кровь, скотина будет умерщвляться» (с. Троицк).

Иоанну Богослову открывались видения страшного суда, огня с неба, воскрешение мертвых, явление ангелов (в конце века запоют ангелы, прольется огненная река с небес с востока на запад, которая поглотит грешников). Комментируя такого рода тексты, верующие говорят: «Дак вот нам и надо молиться за грешников-то! Надо вымалывать. Тот спасется, кто сумеет на столбе написать Иисусо-

ву молитву: «Господи, Иисусе Христе, среди Боже, помилуй меня». Он и останется живой, его Господь помилует». «Мертвые из могил встанут, все встанут. Вот у нас на горе на кладбище встанут и будут петь молитву Господню». Упомянутая в рассказе Иисусова (Господня) молитва (краткая молитва «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного»), считается наилучшим средством для спасения души. Она называется умственной (говорится шепотом), умной и сердечной, частое её повторение есть особого рода духовная практика (сродни медитации), с помощью которой для верующего открываются ворота в духовный мир, обретается спасение. Считается, что чувствование вибраций от неё, её энергии дается многими годами практики и далеко не всем.

Эсхатологические мотивы, которые фиксируются в основном от истова верующих, в целом широко известны и нередко ориентированы на современные реалии: «Вся земля переплетется проводами. С птиц пойдет, птицы будут гибнуть, потом люди. Болезни страшные пойдут. Счас уже видно – идет к нарушению, птицы умирать стали»; «Церквы будут открывать, мне мама говорила, а в их будет нельзя ходить молиться, там будут лжесвященники» (с. Насадка).

Один из традиционных образов, которым представляется конец света, - образ открывшегося (вскрывшегося) неба. «Ну, вот говорили, что придет время - *небо вскроется**. Только вот когда оно вскроется? Это только в конец века бывает, старухи говорили. Один раз шум был – старик один начал бегать, кричать: «Бабоньки, небо вскрывается! Бабоньки, небо вскрывается! Давай выпрягайте коней, пойдём молебен служить». Выпрягли, пошли к одной верущей домой. Она читат, а мы молимся стоим. Приезжает председатель: «А где, говорит, кто?» - «Не знаю, старик сказал, небо вскрывается». Он: «Давай щас обратно всех, давай, давай!» Это мне говорили, что будет время - небо вскроется, старухи. Будет, что расти не будет ничего. Ни зима ни лето будет, с голоду будем помирать» (с. Калинино).

Приметы к смерти

Проникновением смерти в мир живых в народе считается нетипичное поведение животных, многие из которых осмыслены как близкие к иному миру существа. Представление о вестниках смерти в основном связывается с образами птиц: «Птица если *тукнет** в стекло, к покойнику. Птичка, она к смертности, выживает из дому человека, если тукает в окно»; «Синички в окошко стучат – зовут меня на тот берег видно»; «Мама в предпоследний день нам сказала, что птичка в сенках стучала - она, говорит, по меня прилетела» (с. Калинино). Типично представление смерти в облике воробья: «Папе умереть – в избу залетели два воробья» (с. Троицк). Воробей в славянских верованиях тесно связан с аграрными культами и с культом предков¹, как вестник смерти упоминается в оценке крайней старости *был воробей* кому-л. (юрлинское).

Как сближенные со смертью, как её помощники представлены в традиции кошки: «Кошки в доме если начинают беспокоиться, это нехорошее. Как сыну умереть, было – такой хороший кот у нас, а как вечер, так гадит. Кошки что-то чувствуют» (д. Кузино). Общее распространение в Прикамье имеет примета о появлении у человека перед смертью вшей. «Вшей много появляется у человека перед смертью, выходят. Даже в одежде будут. Говорят, в каждом человеке есть клубок вшей. Вот у человека и волос нету, а вши выходят, покидают как его» (с. Троицк). Внезапное нашествие грызунов также связывается со смертью: «Хомяки появились, угол прогрызли, два хомяка. И вот осенью умер хозяин, не болел, ниче, и враз только».

Ряд примет построен на осмыслении традиционных символов. «Ногти не стали расти – скоро человеку умереть, заглядываю вот, скоро ли собираться» (с. Калинино; в народе верят, что в ногтях сосредоточена жизненная сила человека). «Если у покойника глаза *полы** – еще к покойнику» (с. Зуята). Поверье о «высматривающем» покойнике, об опасности его взгляда для живых широко распростра-

¹ Тульцева Л.А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

нено и породило особый обряд закрывания глаз умершего. Несомненно, оно связано также с представлениями о слепоте мертвых и о темноте загробного мира, с архаичным сближением сна и смерти. Примета «петухи вечером поют далеко – кто-то умрет» (с. Зуята) осмысляет пение петухов в неурочное время как знак грядущей беды (реакция петухов на приближение нечистой силы, с которой устойчиво соотносится смерть). Устойчивы поверья о неправильно сделанном гробе: «Если гроб велик покойнику – запас кому-то, кто-то еще из семьи *убудет**», о чередности смертей («Если сорок дён не прошло и еще покойник – значит, скоро третий будет, Бог троицу любит. Второй обязательно третьего уводит» - Троицк).

Предвещает смерть беспокоящее поведение домового. «У нас посуда брякать начала по ночам. Я уж хотела освятить дом, в одной комнате осватила, в другой стали, и тут *въяву** увидела домового – низенький ростом, в шерсте, в углу сидит. Это за два месяца до смерти у меня у мужика. Домовой выживает из дому» (с. Калинино). Вещими к смерти считаются сны, когда видится умерший, который зовет к себе, когда снятся ямы, гряды, вообще огород: «Во сне хозяин у меня видел умершего свояка, он стучался к ему и звал выпить. Я его тогда спросила - ты пошел с ним? - Пошел, говорит. Да ведь в ту же осень муж умер»; «У меня вот как умереть Логинову, он мне говорит: «Я видел сон - строим мы дом. А место-то - ямы-ямами, и огород ямы».

Образы смерти и умирание

Смерть может показаться как некая белая тень, как игра света, как ангел (с. Ленск), как «просто облик белый, не мужчина и не женщина» (с. Троицк), но чаще как человек. В последнем случае она приходит к тому, кому скоро умереть, в облике хорошего знакомого, живого родственника или даже двойника, с вопросом: «Ну, дак че – нажилася?» Она кажется и простым мужиком, и одетой в черное женщиной («Вся в черном, лицо так *кажет** – подумаешь, соседка была это»). Для неё характерно стремительное исчезновение: «По-

говорит, спросит че-то, ты повернешься, хочешь ей че-то сказать, посмотришь - а ее где-то нету. То ли она во двор вышла, то ли че. Выйдешь – нету нигде никого» (д. Андреевка). Редкий (впрочем, известный в других, прежде всего северных районах Прикамья) образ смерти – смерть как человек в одежде со многими карманами, в которых лежат пилочки («Разные пилочки у её, жилочки подпиливать. Она мучить будет» - Юговское).

В целом же верят: «Кто каку заслужил смерть, така и придёт. Ангелы кажутся, цветы. Кто умирает не шибко грешный, дак, ой, какие цветы кажутся. А кто опять кричат: «Ангелы прилетели!» В с. Калинино зафиксирован редкий сюжет с представлением смерти грешницы в виде пчелиного роя: «У меня золовка умерла после аборта, так она только то кричала: «Рой, рой летит, изжалит рой». В рассказе использована известная и другим славянским народам негативная символика роя: пчелы как посредники между Богом и человеком, небесные и божественные создания, являются еще и предвестницами смерти (по бытующим у пчеловодов поверьям, и жалит пчела прежде всего грешника). Роящиеся пчелы – также известный в народе символ слез и горя.

Время смерти может быть легким или тяжелым. «В Паску умирать - это все врата открыты, кто умрет в Паску, тот самый счастливый человек»; «Кто умрёт в Великую субботу, тот сразу в рай попадёт, его старались в этот же день и похоронить» (с. Калинино). Легкой считается также смерть в день Рождества Богородицы (21 сентября).

Момент умирания, особенно тяжелого и в агониях, последовательно мифологизируется – это время борьбы с бесами. «Беси хватают – это когда человек тяжело умирает. И надо ему святой водички подать, тогда успокоится». Поведение умирающих расценивается как противоборство с бесами. «У меня отец перед концом *матькался**, шибко ругался. Умирал, дак так ухал сильно на кого-то» (с. Зуята; брань – известное обереговое средство). «Мама моя умерла - почему-то кричала: «Давай огонь! Давай огонь!» В виде своеобраз-

разного «помощника смерти» предстаёт кошка: «Маму у меня паралич подшиб. Она стала бледная-бледная, ниче не говорит. А кошка у нас была, дак маме умереть, она у печки на метр в высоту прыгала. Потом как прыгнет маме на грудь, мама несколько раз вздохнула и все».

Бесы, появление которых провоцируется смертью, присутствуют там, где был покойник, еще некоторое время. «Мама умерла, похоронили, и везде всё посвятили, а на веранде не святили. Я ложусь спать, а за верандой как вороны: «Кар-кар». Как подойду к окошку, отодвину шторку - какими голосами там только не кричат. Утром приду - все нормально. Как сумерки, так опять. Потом мне сестра дала святую воду: «Ты посвяти на веранде-то». Я святой водой везде побрызгала, и все стихло, только на улице еще сколь-то кричали - такими голосами, около сорока, а то и больше будет. А чё кричат, непонятно» (с. Насадка, зап. от А.Ф. Пешковой, 1931 г.р.). Мотив «многих» голосов, криков разных животных часто встречается при описании активности нечистой силы (ср. в описании порчи-икотки: «Семь порчей было посажено – ржет по-лошадиному, визжит как свинья, кукарекает, мяукает, кудахчет, лает, воеет» - Нытва).

Трудная смерть, т.е. затрудненный переход в область смерти (обычно для колдуна - из-за его особой греховности) воспринимается как своеобразное возмездие за несправедную жизнь, одновременно это древняя параллель между поведением в мире живых и загробной судьбой. Смерть колдунов и «знающих» считается тяжелой, если они не передали по родне своё умение. «Колдун умирал, шибко маялся - много знал дак, портил людей. Умереть не мог, ворочался, ворочался, из роту как чё-то добывает, добывает, раз не передал. Туту уж догадались, взяли, коло роту-ту у его ножницами как перерезали, он и умер» (с. Калинино). «Одна бабушка умерла в Ленске в больнице, не вставала вовсе. А чувствует, что ей надо передать, сдать как, дак она пешком из Ленска сюда, в Тихановку ушла» (с. Тихановка). «А я вот слышала, в соседней деревне была старуха-колдунья. Ей надо умирать, а у ней никто не берет. Родственникам *навеливат** - они

тоже не берут. Ак она, говорят, в трубу давай выпускать. Трубу, говорит, открыла, чтобы туда выпускать вот, что знат, то и выпускает, видимо. Говорит чё-то туда. Им передать надо, тогда они легко умрут» (с. Насадка). Облегчая смерть, выворачивали потолочину (если не помогало, то несколько), убрали доску с крыши («*Отливень** убрали с крыши, конек-то, чтоб она умерла легче» – Юговское), если умирает знахарь, снимают с окон наличники (с. Троицк), если умирал человек, в которого была «посажена» порча, разбирали печную трубу, снимали матицу («Икота Ивашка посажено было. Умирает человек, надо выворачивать матицу. Выворотить, и он улетит!» - Калинино; «Колдун умирает – форточку надо открывать» - Юговское); «Если такой умирает, *знаткой**, подушки убирают из-под головы, чтоб он быстрее умер, спокойно» (с. Серга). Облегчали смерть также тем, что перекладывали умирающего на пол: «Чаще как умереть, дак уходят на пол или убирают с койки все до досок» (с. Серга). «Которые тяжело умирают, шибко бьются, их на пол надо перекладывать, а лучше солому постлать» (с. Калинино).

2. Погребальная обрядность

Погребальная обрядность связана с ритуальным оформлением перемены статуса человека, направлена на обеспечение его безвозвратного перехода из сферы жизни в иной локус – в сферу жизни вечной. Исполняемые при погребении обряды направлены на устранение смерти из социума, на её нейтрализацию, их проведение позволяет также родным психологически адаптироваться к утрате.

В традиции края ритуализовано прощание умирающего с родными. Умирающий просит прощения: «Прости, Христа ради. Каждому говорит. Ответишь - а тебя Господь простит». «У нас вот один умирал, он пчеловод был, и говорили, что пчелам своим, и то поклонился» (с. Троицк). Дом, где есть покойник, специально выделяли символически «Где покойник, в том доме белую доску выставляли, чтоб

все знали» (с. Кинделино); «У нас раньше на забор вешали горшки, как кто умрет. Перевернут и повешают, не убирают. Сколь горшков, столь покойников. Это которые брали покойников обмывать, такие цедилки глиняные или горшки. Покойника вымоют, и на забор» (с. Ленск). В доме завешивались зеркала и экраны телевизоров («всяка нечисть в зеркалах, говорят, надо зеркало одно иметь, не десять»; «зеркала завешивают, чтобы не выглядывать в них еще одного покойника» (д. Обухово).

Некоторыми деталями отличалось исполнение обряда при похоронах детей, молодых, умерших не своей смертью. В прошлом хоронили отдельно (и отдельно поминали) самоубийц, по-особому хоронили умерших молодыми («Кто молодые умирали, их опять провожали с гармошкой, частушки пели» - Зуята).

Этапы похоронного обряда включают действия, исполняемые в первые три дня, когда умерший находится дома (обмывание, обряжение), во время отправления на кладбища и захоронения (вынос тела, *встречна милостинка*), действия, совершаемые по возвращению с кладбища (*обед*, береговые акции).

Обмывание

Обмывание – важная часть обряда, направленная на «перевод» умершего в другое качество, отделение его от живых – в ритуале с умершего смывается грех (собственно жизнь, жизненная сила). Обмывание умершего в старое время поручалось чаще всего *помывальной бабушке* (с. Калинино). «Покойника должен обмывать обязательно если мужчину, так вдовый мужчина, если женщину – вдовая. Замужняя не должна обмывать» (с. Насадка). «Если замужем, тебе нельзя обмывать. Сколько у тебя есть грехов, ты ей добавишь, свои грехи ей отдашь. Женщинам мужчину нельзя обмывать». Раньше тому, кто обмывал, в качестве особого подаяния давали живую курицу, а также платок и отрез ткани (с. Ленск).

«Приходишь, три поклончика положишь перед иконами, благословишься, водичку приготовишь, чтоб теплая. Начинаешь с головы,

марлечкой. С молитвой все: «Святы Боже, святы крепки, святы бессмертны, помилуй нас». И ушки, личико, шею, руки, подмышками, спину - всё с молитвой. А потом ноги. Стары полотенчики дадут, обтерёшь. А потом одеваешь, все с молитвой тоже» (с. Серга). «Крестами моешь, тряпочкой крест-накрест обтираешь» (с. Калинино). «Господи, прости меня грешную, Пресвятая ты Богородица, святой ты Микола святитель, спаси и сохрани», и так раза три повторишь. Волосы обтерёшь рукой, а тут уже тряпочкой. Туда в эту воду еще перед этим крест ложишь – ведь грехи смывашь».

Полотенца, которыми обтирают покойного, его бельё, даже одежду, в которой умер, старались сжигать. «Воду, которой обмываешь, дак в передний угол выливаешь, с улицы, где чтобы ногой не вставать» (с. Серга); «Воду, которой обмывали, выливали обязательно *наотмáшь** к бане, старались плеснуть в леву сторону» (с. Ленск). Это воду выливают также на поле, за дорогу, в реку («Воду потом надо снести в речку вместе с чашей, из которой мыли. И бельё с человека всё надо на реке вымыть»). «Посудину, из которой обмывали покойника, куда-нибудь ликвидируют, чтоб никто не подобрал. Лучше разбить у угла, чтобы к боушку шло. Это *боушков угол**» (с. Серга). «*Черéпennую** посуду надо после покойника на *вышку** (чердак) положить» (с. Ленск). Смытая с умершего жизненная сила, таким образом, также отправляется в локусы, представляющие с народной точки зрения входы в иной мир.

Обряжение

«*Смёртно* готовили раньше – это одеяние было, специальные лапти, портянки, штаны, рубаха, все чтобы чистое, белое» (с. Троицк). Подготовленное для обряжения умершего называли также *сряды** или *смертная сряда*. В сряду входили платье (обычно белого, реже розового цвета, в последнее время хоронят также и в зеленом, синем), обязательно белый платок. Шьют одежду для умершего руками, вперед иголкой («*На живую нитку** надо шить, без узлов, вперед да вперед»). До сих пор нередко женщин хоронят в платье, в

котором они венчались: «В подвенечном платье кладут. У меня вот розово платье все еще хранится, припасла. Я говорю: «Умру, цветы положьте мне с собой, в которых венчалась, и платье с венчания. Если, говорю, не ползет – постелите или сверху закройте» (с. Зуята, зап. от А.О. Старцевой, 1928 г.р.).

Венчальная атрибутика активно использовалась в похоронном обряде. «Платье подвенешное - у меня сейчас оно хранится. Я должна умереть в ём. И Ивана положила в ту рубаху, в которой он венчался, с полочкой. Только он шибко любил пьяный рубахи рвать, дак это место (на груди) разорвал. Напьется, дак еть чё-то делать надо. Он сколь их перервал! Я как поняла, что всё равно сёдни умрет – а он уже не реагировал ниче, только *хыркал** лежал - достала эту рубаху, в белизне умочила, постирала там, выполоскала, к камину сушить. Соня пришла, я сама омываю Ивана. На пол его сволокла с дивануто и омываю. Соня, говорю, постой, я сейчас омою Ивана, станем с тобой собирать его. Давай, говорю, *отюг* накали, и где не просохло, рубаху-то гладь. Мы с ей и собрали его» (с. Бым, зап. от В.И. Трениной, 1925 г.р.).

В последнее время принято покупать для похорон новую одежду («В старое не ложится человек в гроб, во все новое кладут»). Переодевание умершего в новую одежду следует понимать как символическое обретение им нового состояния, одевание в брачную одежду – как реализация мифологической аналогии смерти и брака.

На ноги умершему надевали особые носки («Надо чтоб из ниток, не шерстяные, *ленные** носки всё были да холщовые, до колена» (с. Ленск). Специально готовились матерчатые или вязаные тапочки-*голишки** («Бабушки себе на похороны заранее голишки вяжут» - Калинино) или *тюпорики**, *тюпоршни** (Ленск). Нередко хоронят без нижнего белья («Там бесстыдства никакого нет, на том свете-то, *спроста**, по-старинному одеваешь покойника, никакие трусы не надо»). На голову женщине обязательно повязывали платок. «Женщине, если венчана, два платка надевают - один назади, другой под *чушку** завязывают. Невенчаной – один».

В старое время заранее готовили гроб и крест. «Можно делать гроб *иззараньше**, у многих раньше стояли гроба сделанные, или на сарае, или на избу поставят» (с. Калинино). «Был гроб сделанной, только *иструхлел*. По мне делали, я даже в него ложилась. Нельзя только, чтоб *простой** стоял, надо пшеницу или рожь, ячмень туда насыпать» (с. Бым).

На днище гроба насыпали листья веника, иногда клали березовые веточки, сыпали стружку («Веник *обрускивают**, и в гроб листья» - Троицк; «Гроб когда любой мастер делает, он стружку тут обязательно оставляет» - Калинино). Затем днище застилали («Можно вниз постелить простынь чистую, белую, можно тюль хороший постелить, чтоб и на стенки»).

Под голову умершему в гроб обычно кладут специально приготовленную подушечку. «Подушку сделаешь из белого, в подушку лист березовый, опилки. У кого хмель есть, хмель шишечки кладут»; «Осокой сухой можно набивать подушку, на пруду-то растёт, или сеном». Иногда в подушку складывают волосы, которые умерший специально копил до смерти: «А старые люди есть которые - волосы чешут и собирают, и потом волосы положат в подушечку. А то Господь спросит: «Куда свои волосы девала?» Известны, впрочем, и осуждения этой практики: «В подушку волосы не кладут – они поганые. Только если освящены, то можно». Собрание при жизни волос и обстригаемых ногтей (тех частей человека, которые считаются растущими и после смерти, т.е. «бессмертными») выступает как составление целого, «собрание себя» перед лицом смерти.

Сама подушка оформлялась особым образом: «На подушку крест черный из ткани нашивали»; «На подушке надо три крестика сделать: етто крестик, етто крестик, по бокам, на кончики-то, к углам, и один повыше, посередине. Хоть вышить или из черной ткани. Шить не на машине, так просто. Подушку тоже надо руками шить и узелок на нитке не завязывать».

В с. Калинино зафиксирована достаточно специфическая традиция – укладывание в подушку умершему кирпича («Если вдруг стру-

жек не оказалось, туда кирпич ложат, чтобы не проваливалось»). С ней соотносится обыкновение (также калининское) класть умершему под голову кирпич, когда в первый день он еще не положен в гроб и лежит на лавке. В некоторых семьях такой кирпич до сих пор передается из поколения в поколение («У меня на этом кирпиче мама лежала, муж лежал, умру, мне тоже его положат, храним»).

В правую руку умершему вкладывают свечку, носовой платок и так называемую *подорожную молитву*, в левую руку ничего не кладут. *Подорожной* называется разрешительная молитва по усопшему, читаемая священником при отпевании, отпуске грехов. «В руку положишь, что приготовлено, крестик, носовой платочек, потом свечечку. Её обожгешь, фитилёчек-от, маленько. Всё завертывашь, всё в правую руку. В праву - там ведь уже не молишься».

«Кто крещеный, один крестик в руки дают, а еще один, свежий, надевают на грудь» (с. Ленск). «*Погробный** крест – это который в руку. На голову венки церковный делают. Если соборовали человека, то кладут это масло, остатки, в гроб. В руку, когда помрет человек, дают не простую свечку, а венчальную. Свечки венчальны мы до смерти храним. У меня они обе лежали, моя и мужа, моя и сейчас лежит. В лучинках, чтобы она не изломалась. Перевязана кругом нитками. Умру, в руку дадут» (с. Бым).

«Если соборованный человек, когда свечечки остаются, дак оне в гроб ложатся. Еще в гроб кладут хлеб, соль, мыло с Благовещенья. На Благовещенье ведь под иконушки ложатся хлеб, соль и мыло. Этим мылом, если человек болеет, моют его, хлебушко крошечку кладут в питье, кто хворает, соль. Кусочек какой-нибудь маленький останется, этот кусочек-то тоже в гроб ложат» (с. Бым). Иногда умершему клали в гроб очки, расческу, вставные зубы, протез (хотя протез чаще «подхоранивали» - прикапывали к могиле отдельно). «Трубку возле бок клали, если курил трубку мужик». Обязательно клали в гроб *смерок** (мерку из нитки или ленты): «Смерок, по которому гроб делали, тоже в гроб клали, чтобы больше никто в семье не умирал, завяжут крестом и в уголок гроба приткнут» (с. Калинино).

Старались положить в гроб также вязки - веревочки или полоски ткани, которыми связывали руки и ноги умершего: «Веревочки, как отпоют, в гроб ложат. Руки развязывают в церкви, можно на кладбище, и вязки потом в гроб. Если муж дерется, которые стараются их взять - можно связать этими вязками, и он перестанет. Колдунам и надо их, берут» (с. Зюята). Использовали эти вязки и по-другому: «Драчливому вшивают в рукава ниточки от вязок, которыми руки у покойника вязали».

Вокруг гроба, на края, ставят свечи. «В голове три, в ноги мы обычно одну, у кого много свечей, дак тоже три. У меня вот такую свечку от похорон просили – дескать, дай. У меня де муж дерётся, дак вот эту свечечку порекомендовали, чтобы что-то там ему сделать, завернуть ли,шить ли куда-то. Я не дала, говорю - от усопшего ничего не дается. И строго-строго все следили, пока гроб не заколотили, чтобы не взял никто. А потом эти свечи в девятый, в сороковой день, в год дожигали. В марлю завернутые на божничке, тут они лежали».

Сверху умершего покрывали купленным в церкви полотном. «Если покойник венчанный, закрывали двумя простынями, в храме покрывало специальное продается, божье покрывало, а ниже под него простынь делали, полотно белое накрывали. А если не венчались кто, это покрывало убирают. Невенчанным нельзя. Если не своей смертью, тоже не ложат» (с. Калинино).

Все три дня до дня похорон при покойном читают *канон*. «Перед Богушком лежит, ложат на скамейку, головой к иконам. Умерший лежит вперед ногами, к порогу». Мужчину-покойника стараются положить на лавку вдоль половиц (т.е. на *мужскую* лавку), женщину поперек (с. Ленск). «Когда человек умрет, головой к иконушкам делаешь, а когда отпевать-то, или священник, или дома свои молещницы есть, дак гроб разворачивается, и личиком к иконушкам ставят».

Достаточно широко используется своеобразная практика, по которой, как считается, можно избежать запаха от покойного. «Когда помрет человек летом, может пахнуть. Говорят, надо *приземленье*

делать, проволочку привязывать к руке и с землей соединять. В сад воткнуть, в горшок с землей, или на улицу вывести, под окошко. Трое суток ведь должен полежать человек». Этому «приземлению» есть, впрочем, объяснение вполне мифологического свойства: «Старые люди говорят, если сделаешь проволочку, покойник лежит и ничего не слышит, что про него говорят дома. Если не сделать, он всё слышит. И встать не может, и сказать не может, ничё не может, а слышать всё равно всё слышит. Надо читать молитвы, ему же легче, когда читают. Он все слышит. Читать желательно».

При выносе тела предпринимается ряд особых действий: чтоб не бояться, родственники садятся на то место, где он лежал, при прощании трогают умершего за ступни ног («Ноги щупают, когда прощаются, да посидеть зовут на лавке, как выносить»). Маленьких детей, оставшихся от родителей, перед выносом заставляли пройти под гробом (с. Серга).

Гроб выносят только посторонние («Сыновьям нельзя выносить гроб. Только мужики выносят - и женщину, и мужчину»). После того, как покойника отправили на кладбище, в доме моют. «Вот уехали с умершим, тут уже моют пол. Когда мама умирала, даже потолок мыли, обои новые наклеивали. Так положено. Моют чужие, позовут кого-нибудь. Уезжают с покойником, и остаются люди, моют. Окна все обтерёшь, помоешь пол. Пол моют - вперед да вперед, к дверям. Хоть бы так - *шаля-валя**, лентячкой».

Встречная милостина

Специально приготовленное для первого встретившегося во время похоронной процессии подаяние называется *встречная милостинка** (или *встречна*), *перва встреча**, *походная**). «Делают первую милостину – первому, когда тело усопшего выносят. Кладут в котомочку *хлебного**, кружечки, чашечки, ложечки. А то пойдешь к Иисусу-то Христу, на том свете, где тебе дадут? Одна, говорит, обмирала, потом ожила и сказыват: «Видела маму. Она меня спросила: «А что ты чашку-то не подала, я ведь тут без чашки?» Чё здесь соберем,

Иисус Христос то и подаст умершему». *Котомочка* также оформлялась: «На подачу сошьют из полотна белого котомочку, мешочек, на нем крестики вышивают или пришьют из материи».

В прошлом делали не одну, а три *котомочки*: «Раньше три мешочка делали, а сейчас больше по одному. Туда можно кружечку положить, ложку, печенье, конфеты, нитку, иголку, кто ложку кладёт, и вынести первому человеку. Тот возьмет, перекрестится, скажет: «Царства небесного». До трёх раз подавали раньше, перед гробом-то несут, первый, второй, третий человек попадётся, им и дают». «На первую встречу делали три милостыни, шили три мешочка. Ложат тарелку, кружку, нитки черные, белые, чё-то из стряпни ложат, булочку. И чаю, ложку чайную и кружку можно, чтобы чай пить. Таким отдаешь, кто старенький» (с. Серга).

«Заранее готовишь мешочек, встречну милостинку, в него кладешь, кто посуды (ложечку, чашечку там), кто стряпни, кто что. Начинают гроб выносить, и один человек выходит вперед, несёт мешочек. Надо первому попавшему отдать, кто бы он ни был, взрослый ли, подросток ли, старичок»; «Первому проходящему в котомочку первым долгом надо моточек ниток, иголку, дальше чашечку, ложечку и гостинцы – печенье, конфеты. И завернуть всё это в платок. Какой идет первый, надо отдать, только чтоб он в Бога веровал, а не то что какой пьяница. Желательно бы женщине или ребенку. Которы ещё не берут, отбегают – ведь потом надо сорок дён молиться» (д. Дикари). Это подаяние могло быть вручено и в церкви: «Если не первому встречному, то в церкви нищим подаешь или монашкам отдашь».

Котомочка для первого встретившегося называется также *походная* (в этом проявляется известное в русской традиции в целом представление умершего путешественником). Обязательно в состав *походной милостыни* входят нитки. «За умершего всегда нитку подают, ведь он проходит через море или через реку там. И за каждую ниточку ловится, чтобы не упасть в воду. Нитка ему помогает». Предметы, которые кладут в мешочек, могут варьироваться, но в основном

они связаны с темой пищи – наиболее «угодного» подаяния умершему. «Ложку положат, чашку положат, хлеба кусочек, конфеток. А кто чайное блюдце, нитки, печенье, стряпню, денег, ложку чайную, ложку *хлёбальную** - чтобы питался. Хлебушко с солью обязательно положат, мыла тоже кладут». Иногда делают такое подаяние и во время троицких поминок: «В Троицу идут на кладбище, кто первый попадет, тому отдают котомочку, и те должны поминать».

С покойником надо ехать не останавливаясь. Обычно по пути следования похоронной процессии разбрасываются (вслед за гробом) пихтовые ветки: ель и пихта известны и в фольклоре как печальные деревья. Местные старожилы утверждают, что эта традиция появилась недавно и нередко осуждают её: «Годов десять как стали пихтушки бросать за гробом, а ни к чему это». При объяснении используются разные мотивировки: «Раньше пихту бросали только тем, кто в церковь ходил, а сейчас всем, это неправильно. Господь в Ерусалим шел на смерть, ему постилали одежды свои или вербочку, другие деревья, чтобы он не по земле шел. И кидали перед ним, а не сзади. А счас сзади валят» (с. Троицк). Как оправдание обычая, можно расценить другое объяснение: «Пихту бросают, чтобы покойнику дорога лучше была. Говорят, лапки-то на дороге, дак за эти лапки прячется душенька умершего, за этот лес-то. Они боятся показываться, и три дня они прячутся тут, душеньки-то».

Могилу надо копать только в день похорон, не останавливаясь, стараясь, чтобы она была сухой. «Могилу делаем, сухая чтобы была. А похоронят человека – дождик бывает. Господь посылает, чтобы грехи замыть». Те, кто копают, также участвуют в обряде. «Четыре *копальщика** должно быть, этим копальщикам отрезают *полотенешное**, на котором гроб-то несут. Домой приехали - все за стол, а копальщиков отдельно на кухню посадили, им опять литр водки и денег». «Кто копал, им полотенца дают. Гроб ведь несут на полотенцах, сначала только руками выносят. И в могилу на полотенцах спускают. Даки эти полотенца разрезают и отдают. Еду им дают, рубахи бывает».

После захоронения провожающие обходят могилу кругом, «по солнышку». На могилу перед уходом крошат пирог, бросают крупу. Уходя с кладбища, обязательно последними говорят следующие слова: «Мы к тебе придем, а ты к нам не ходи. Мы, как умрем, к тебе придем, и поминать еще придём». И потом надо идти с кладбища и не оглядываться, не оборачиваться» (с. Юговское). «Уходишь с кладбища, когда схоронят, ему надо сказать: «Я пойду по дороге, ты иди стороной» (д. Дикари).

Возвращение с кладбища

По возвращении с кладбища выполнялся ряд очистительных ритуалов. Обязательно мыли руки и умывались, старались заглянуть в печь, приносили в дом поленья. «Когда с кладбища придешь, загляни в печь» (с. Калинино); «После кладбища в печку смотрят» (с. Зуята). «Бывает, *вкрадче** зазывают в печку глянуть. Вот мама умерла, и меня звали: «Ну-ко, иди-ко сюда, смотри, сколько кирпичей в печку нападало! Это чтобы я не тосковала». «Надо после кладбища прийти и открыть голбец, заглянуть туда и сказать: «Ты ушел, я осталась, я тебя не боюсь» (с. Тихановка). И устье печи, и вход в подполье в этом случае выступают как своего рода каналы связи с иным миром.

Выполняются в день похорон разнообразные действия, призванные предупредить приход умершего. «После кладбища во все четыре угла надо бросить по полену, печку протопить» (с. Троицк), «Надо дрова занести и бросить, чтоб с грохотом – это от покойника» (с. Зуята). «Мне подсказали, я так делала - принесла дров, в каждый угол по полену бросила, чтобы состукало. Открыла голбец, и туда полено бросила. И потом затопила печку» (с. Серга).

Чтобы умерший не ходил, дом *ограждали* (осеняли) крестом и зажигали свечу, кадили. «Из кладбища придут, ладан кладут – на *каши́к** положат и окуривают дом» (Калинино). «Ладаном надо окадить. Ладану нету, серу я делала сама, елову, добавишь воск, конечно. Вот лиственница, от ее *тютъки** падают - шишечки. И вот их

надо *нажелубить**, и когда варишь ладан-от, ак туда положить».

Оформление могилы в прошлом было скромным: кроме установления креста, на ней старались высадить деревце, не принято было огораживать могилу. «Рябину у нас садят на могилки. Рябина самая счастливая. Куда бы человек ни шёл, дескать, всё равно рябины надо сломить веточку. Какие-то запуки, значит, что вроде того что повезёт – надо де рябину сорвать» (с. Серга). Старые люди нередко отказываются от установки на их могилах металлического и каменного памятника, просят поставить им деревянный крест («А то птички садиться не будут»).

«Деревья на кладбище, конечно, любые садят, кто чё – кто рябину, кто калину. Больше-то для памяти, чтоб потом легче искать. Я вот посадила сирень белую в голову, так, говорят, она ему всю голову оплетает, так вот в голову-то дерево-то садить нельзя. Шипица вырастет – плохо. Я слыхала раньше, когда Господь шёл по земле, все травы ему поклонились, не поклонился только табак и шипица. Вот их-то и не любят» (с. Калинино).

Записанный в с. Калинино стих «Я скоро расстанусь с тобою...» (самодельный, явно позднего происхождения) – своеобразное стихотворное «пособие» для провожающих умершего:

Сын мой, я скоро расстанусь с тобою, скоро я в вечность уйду.

Одно я прошу, умоляю – исполни ты просьбу мою.

Завещанье тебе оставляю – позаботься о маме своей.

Я только тебя умоляю - все исполнить старайся точней.

Крест закажи первым долгом, чтоб ему все молиться могли,

А гроб достань только белый, по-христиански меня схорони.

Одень меня просто и скромно, чтецов ты ко мне пригласи.

Исполнить свой долг не позорно, так привелось на Руси.

Вот тело покроют землею, земле предадут навсегда.

В сырую могилку зароят, не увидишь меня никогда.

Когда ты меня похоронишь, не вздумай вином угощать,

Ты душу мою так погубишь и смоешь мою благодать.

Поминок шикарных не нужно - памятник, розы цветы.

Весь обряд этот только наружный, ничего не дает для души. Денег не трать на поминки, лучше в церкви святой поминай, Панихиды, обедни, молитвы, и чаще по мне подавай. Если сам это сделать не сможешь, добрых людей попроси. Ты в этом мне очень поможешь трудный путь перейти. Захочешь ты гроб мне украсить, венков и цветов не клади. Только крест на могиле поставишь и березку еще посади. Годы пройдут за годами, и память в забвенье уйдет, Но березка своими стеблями птичек к себе призовет. На могилке весенней порою рано утром как солнце встает Та березка поклонится долу, птичка нежно мне песни споёт (с. Калинино).

3. Поминальная обрядность

Поминальная обрядность есть своеобразная коммуникация с умершим и миром мертвых в целом, от которых зависят живые. Установившая связь с умершими предками, человек задабривает их, обеспечивает их всем необходимым на том свете.

Повсеместно распространено символическое кормление и поение умершего: ему ставят еду и напитки, которые никто не имеет права трогать до сорока дней. «До сорока дней у икон стоит стакан с чаем (или с водой), кусочек хлеба с солью. В девять дён вот я поставила, рядом с иконкой, свечку тут жгла».

«Если худо поминают родителей, умершие могут напомнить о себе. Снится покойник – надо милостину подать» (с. Зуята). «Если скажет во сне: «Ой, как мне холодно», - значит, надо подать каку-то одежду. Или «есть хочу», - тогда милостыньку каку-то надо подать, конечно, помолиться в церкви обязательно» (с. Калинино); «Тятя умер, я видела во сне - шёл, и лапти такие *материнные** на ём. Я так поняла - надо подать кому-то валенки. Подала, дак больше не снился» (д. Дикари). Подавать подаяние нужно истово («от души надо

подавать»), лучше без свидетелей.

Подавать можно также через тех, кто «близок» к умершим, к Богу (нищих, птиц): «Птичек очень хорошо кормить, и для Господа очень хорошо, и умершему. Господь-то ведь в виде голубя спускался на Иисуса Христа». «В Троицу поминаешь на кладбище, остатки накрошишь в ноги, птицы прилетят, съедят. Для птичек берешь еще пшено, какую-нибудь крупу, пшеницу. И вот на могилку насыпаешь, чтобы всё птички собрали. Когда и в доме собираются молиться, дак со столов остатки еды всё тоже птицам на улицу. На кладбище опять поминаешь, уходишь, оставишь на могилке конфеты, положишь на такое место, чтоб их видно было. Кто идут, возьмут и помянут. Останутся пироги, тоже на могилки разложишь».

Поминки

Поминки устраивались в день похорон (обед в *третины* по возвращении с кладбища), в девять дней (*девятины*), в двадцать дней (*полусорочины*), в сорок дней (*сороковины*, реже *сорочины*), в год (*години*). Поминают усопшего и в другие дни (полгода, день рождения, день Ангела усопшего), в первый год после смерти. Старались поминать умершего, каждый раз садясь за еду, особенно по субботам и воскресеньям: «Тоже поминашь, когда садишься есть: «Ну, айда поедим. Вспомнишь покойного» (Колпашники). Обязательным считалось ежедневное, хотя бы краткое поминание умершего в первые сорок дней. «У меня дед умер, дак, пожалуй, до сорока дней все время чай на столе был. Чай там, печенье. Люди приходят, всегда чай» (с. Калинино).

Поминальными считались такие календарные праздники, как Васильев вечер, Радоница, Троица, поминальными считаются субботы в октябре-ноябре. «В Васильев вечер умерших поминали, пиво варили» (с. Калинино). «Радольница – родительска неделя, во вторник живёт. В Радольницу подают крашеные яички, носят на кладбище, можно размять, можно так положить на могилку. С шаньгами ходим на кладбище, с яичками». «В Троицку субботу и в воскресенье в

Троицу поминают. Пирогов напекешь, яички испекёшь, снесешь на кладбище - родители тоже разговляются. На могилку постелешь и разлаживашь всё. Окрошку захватишь или супу».

Посещение кладбища не разрешалось с осени, по снегу. «Мы как-то ходили на кладбище в октябре, дак дочь меня потом ругала. В октябре уже все спят покойники-те на кладбище, а мы пошли».

Один из поминальных дней, широко признаваемый в Прикамье, - семик, приходящийся на четверг перед Троицей. В Кунгурском районе он известен прежде всего как день, когда ходят на кладбище помянуть самоубийц, утопленников и «травленников» - тех, кто погиб не своей смертью. «В каждой деревне разные *повалы**. У нас вот в семик не поминают, это *шарапучики**, *шарапучий день**. *Семиковые** все они считаются, *семичные**. За них, за семичных-то, еще больше надо молиться. В другие дни хоть молись, хоть не молись за них, бесполезно. Раньше их и хоронили в отдельном месте, где-нибудь на окраине кладбища» (с. Калинино). Называние неприкаянных покойников *шарапучиками* связано, скорее всего, с тем, что в народном сознании они остаются во все остальные дни, кроме семика в четверг, глухими и слепыми, «открывают» глаза и получают способность слушать молитвы о них лишь один день в году.

Собственно поминки открывают *третины* – обед после возвращения с похорон. В третины поминающим подавали *поминок**. «Подают чего есть, чем запасешься. Мужчинам носки, женщинам платочки, родственникам побольше из одежды. Это в похороны в обед. А в девятины и сороковины не подают» (с. Калинино). «Обед ладили после похорон, на кладбище с собой ничего из еды не несли. Придут, и за стол, копальщиков отдельно кормят».

Поминальная пища

Поминальная пища (*поминальна**) в районе в целом типична для северной прикамской традиции. Поминают рыбными пирогами, вообще рыбой, супом (в том числе носят суп на поминки на кладбище). «На поминки, что покойный больше любил, то обязательно делают»

(с. Юговское). «*Стряпное** обязательно надо на обеды, помянуть – пироги, шаньги» (с. Калинино).

В постный день готовят капустный пирог, варят грибной суп (*грибницу**), кашу на воде (с сахаром), *немолосную** стряпню, кисели. «Варят гороховый кисель, кисель красный, делают икру грибную, помидоры, огурцы. А если непостный день, то суп, делают второе - или с кокеткой или с курочкой, кашу рисовую с маслом, пироги с рыбой, холодец делают. Пироги из любой рыбы, лучше речной. Щуку можно, потому что у нее как бы в голове-то крест. Рыбу раньше старались всю целиком подавать, а нынче всё кусочками. Как-то картовные не делали, всё свекольные, морковные, капустные, и особенно рыбный пирог. С мясом тоже, если есть мясо. Если говинье, то все постное» (с. Серга). «Блины у кого есть, у кого нет» (с. Юговское).

Обязателен на поминках сладкий пирог, вообще сладкая еда. Сладкая кутья с изюмом, обязательный на поминках мёд, сладкий пирог, сладкие каши – всё это своеобразный способ «нейтрализовать» горечь утраты, символическое напоминание о духовной сладости ожидаемых в вечной жизни благ. Одно из объяснений запрета на спиртное в поминки также связывается с темой сладкого. «Водка - горечь, не надо её на поминки» (многие из пожилых стремятся помянуть без вина, в последнее время закрепляется традиция помянуть без вина только маленьких).

«На девятый день поминаешь, кто-то делает девятины, кто-то нет, столы-те, угошшенье. В церковь отнесут что-нибудь помянуть, и ладно». «В девятый день поставят иконку на стол, стакан с чаем рядом, хлебushка кусочек на стакан и молятся. Помолились – и за стол. Тоже кутья, пироги, кисели, каши, питье - сок, квас». Зафиксировано, впрочем, выделением девятого дня приготовлением особой ритуальной пищи. «На девятый день *вареник** ладили, на поминки. Молоко кипятить и вместе с пенками оно снимается в чашки, и туда песочек и изюм кладут – это вареник, перемешают, сквасят, постоит до завтра». Остальной набор был вполне традиционен – кисель, суп,

рыба. «Суп обязательно, уху делали, и пере с рыбой жареной».

Сороковины

Полусорочины, двадцать дней, делают не все («Кто побогáтее, делают полусорочины. Или просто хотят отметить, вот и всё – двадцать-то дней, я не знаю, чё там» (д. Кузино). Наиболее значимы и ритуализованы сороковины. «После сороковин душе определяют место, до сороковин она еще около дома». Сорок дней после смерти родным полагается жить, постоянно поминая усопшего, ограничивая себя во многом. Это время осмысляется как особенно тяжелое: «До сороковин дожить, а там уже как-то легче будет». До сорокового дня родным не положено пить спиртное: «Вот я маму похоронила. Мне сказали, не надо пить вино сорок дней, выпьешь, значит, заливаешь там родителя. И счастья никогда не будет, кто выпьет: покойник не даст. Мы поминали маму, и сестра вот немножко выпила. Вот ее и парализовало, она уже четыре года лежит. Не пить надо, а чё-то хорошее делать. Если трудно, молитесь у икон, просите у них помощи, у родителей-то».

Поминки в сорок дней – ответственный и печальный момент поминального обряда. «Говорят, что в сороковой день душа прилетает домой к столу. Душа дома сорок дней, а в сороковой день улетает, дескать» (д. Кузино). «Душа все *витат** до сорокового дня возле дома, не уходит, и так тебе все это время тяжело. Господь батюшка определит, куда её. На день раньше делают сорочины, а позже нельзя, его уж там определяют. Молимся, просим Господа Бога, чтоб простил все грехи, чтобы определил» (с. Тихановка). «Ещё накануне стараются молиться, на тридцать девятый день. Старушка грамотная читает, а ты стоишь, молишься. Нынче стали мало молиться, раньше долго молились. И на коленках стоишь, сорок поклонов надо положить. А нынче отпевать-то - батюшка больше лекции читает. До двенадцати часов надо обязательно отмолиться, с утра» (с. Серга).

«На сороковой день как уйти – душа знак подает, чё-нибудь тебе покажется в доме-то: как будто кто-то к тебе пришел или кто спро-

сил чего. У нас было - вечером что-то как даст в стену, даже кошки вздрогнули. А никого на улице, собака не лает». «Душа сорок дней в доме, в деревне - что в деревне, то и в доме. А когда пойдет эта душа, свечка ведь горит на столе, каждый день зажигаешь, и огонь туда-сюда. Как ушла душа, так и свечка установилась». «Ровно в двенадцать часов ночи на сороковой день свеча заколыхается, затрещит, и потом снова стихнет. Это душа прощаться прилетает последний раз. Мы с сестрой проверяли, я сама это видела» (с. Троицк).

Поминки в сороковины отличает обилие поминальной пищи. «Раньше готовили на сороковины сорок *ествов**, еды разной. Пекли пироги, можно селянки*, каши, не одну, кисели делают, компоты, разную стряпню. Рыбный обязательно пирог. Нанесёшь полный стол». Обед начинают с кутьи. «Раньше пшеница была, пшеницу делали, распаривали, теперь ведь рис с песочком, изюмом сделаешь. Ели кутью *перво**, ложкой три раза надо взять. Кутью, так она должна из пшеницы, испаришь её, сейчас рис с изюмом, медом заправляли, кисель крахмальный. В церкви кутью освятить, потом на стол ставить». Редкое местное название кутьи неясного происхождения – *уразица**, или *уразица* (возможно, в связи с татарским *уразá* пост, которое заимствовано русскими говорами как обозначение особого, исключительного момента времени вообще: «В масленку-то нам ураза кататься на санках» -юсьвинское).

«Каша обязательно варили, на воде, если пост. Если нет, то можно и мясное. У нас одна женщина в пост то пироги, то пельмени настряпат. И муж пришел к ей, показался: «Ты скажи Марусе, чтобы в постны дни ничего не подавала, ни мясо, ни пироги. А то нас ведь здесь не кормят, голодом по три дня сажу».

Ритуальное завершение поминального застолья – кисель. «Кисель обязательно надо на столе, им заканчивали поминать. Нынче больше все компоты делают, а правильно-то кисель. Говорили старики – киселю, как царю, всегда место найдется. Только полный стакан не наливают. И раньше в чашках его, ложками хлебали» (с. Калинино).

В поминальный обед после каждого блюда читаются молитвы,

завершает его нередко пение духовного стиха (от лица умершего) «Вот спасибо вам, родные...»:

Вот спасибо вам, родные, помянули вы меня.
 Помянули хлебом-солью за божественным столом.
 И прошу я вас, родные, не забудьте вы меня.
 Не забудьте день рожденья, память вечную мою.
 Приходите на могилку, попроведайте меня.
 На моей сырой могилке помолитесь за меня.
 Помолитесь усердно, не простит ли Бог меня.
 Ничего мне с вас не надо, жду поминовенья час.
 Поминайте меня, дети, поминайте всякий раз,
 Только ваше поминанье облегчает всех тут нас.
 Поминайте, братья-сестры, вы с любовью меня.
 И простите, в чем виновна, может быть, пред вами я.
 Поминайте хлебом-солью, даже чистою водой,
 Поминайте добрым словом, будет всё передо мной.
 Еще больше поминайте, моя милая семья,
 Я служила безотказно, не забудьте про меня.
 Приходите чаще в церковь, где я жажду, вас жду.
 Там с отцом духовным вместе помолитесь небесам.
 Мне не трудно, что со света я навеки отошла,
 А мне трудно, что с грехами я ко Господу пошла.
 А теперь я, братья-сестры, предстою я перед ним.
 Поминайте и молитесь, чтоб веки быть мне с ним.

Еще одно обязательное для сороковин действие – подавание милостыни. «В сорок дней обязательно три *подачи** надо подать. Посуду в сороковины подают, милостину. Лучше подавать тем, кто молится, тогда подача к Христу пойдёт. Иисус Христос даст капельку подавания-то вашего покойному» (с. Калинино). «На сороковой день надо *потайную милостину** подавать, она еще называется *сороковая милостина**. Платочки, тамо сорок штук, и платки положить можно, конфетку, пряник. Завернуть и отдать. Деньги вот не надо подавать, они *слезливые**. Это уж подавай в церковь». Колоритная деталь об-

ряда – раздавание после обеда ложек и вообще посуды. «На сороковины сорок ложек покупали и раздавали всем. Пообедали, и когда домой уходят, тогда новые ложки-то и раздают. Кто новые раздаёт, едят тогда *держаными**, а бывает, поешь, ложки помоят, вытерут, и ты ложку уносишь».

Завершением сороковин в ряде случаев становится выход поминающих на улицу, действие, напоминающее эпизод так называемых проводов души, который в Кунгурском языке не фиксируется. «Кончают служить, выходят с *читальницей** на улицу, с кадилом, со свечками, молитву читают». Обход дома в сороковины с пением стихов, с молением и поклонами – развернутая часть обряда проводов души, который до сих пор активно исполняется в других районах Прикамья (прежде всего, в старообрядческих и смежных с ними поселениях¹).

Чтобы не «ходил»

Обрядовые действия, предпринимаемые в случае, если покойник «ходит», направлены на размыкание связи с миром мертвых. Обычной причиной появления покойного супруга становится неужемная тоска вдовы. Нарушение обряда, неисполнение при похоронах тех или иных установленных правил также вызывает появление умершего – или в видениях во сне, или в появлении его ночью. «Увидишь покойника во сне – надо подать. Что подашь, это все покойнику сгодится. Если родственник снится, есть просит – надо кому-то значит подавать, чтоб помянули, помолиться надо. И не из тряпок – чё-нибудь из еды» (с. Калинино).

Объявление умершего живым расценивается как предзнаменование (чаще чего-то плохого). «Вот, скажем, покойник, его если увидишь, он предупреждает. Обязательно, значит, чё-то должно случиться. Если хорошо видишь, то это неплохо, а если неважно, к беде. Как-то я *одинова** видела по молодости, когда умерла крестна наша. Она бы лежит и закрывает ноги, сама босиком главно. Я спрашиваю:

¹ См. подробно: Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Юрлинский край. Кудымкар, 2003.

«Ты чё, крёсна?» – «Даки ноги у меня замерзли». Ну, вот я взяла, пошла, купила чулки и подала. И с той поры я больше её не видала. А потом мама умерла моя. Всем платки давали, мне сестра тоже дала платок. Ну, я взяла, домой принесла. И вот во сне вижу, мама как бы сидит на *повитье**, ноги протянула, и сама без платка - у меня, говорит, платка нету, нечё надеть. Ой, господи, думаю, взяла этот же платок, который у меня был, подала тут же. И все, больше не казалась».

Рассказов о приходе умерших с кладбища фиксируется большое количество, и не только от пожилых. «С кладбища вертаются. Меня раз мать послала ключ из чулана взять. В двери я прошел, а чулан – туда далеко было надо, и темно. Ключ-от взял, гляжу – идет кто-то. Это че, значит, такое? А перед этим у нас рядом дед жил, дядя Сергей. Его схоронили не так давно. И смотрю - идет как будто бы он, по фигуре-то. Белый-белый, в белом. А у меня уже шарики-то завертелися. Я хотел проскочить, гляжу - он торопится, тоже, значит. Я обратно попятился, а сзади-то там тряпье какое-то было, запнулся, пал, мне деваться-то, вроде, некуда, вот я и *забазлал негодным ахом*. Отец выскочил: «Че с тобой?» – «Мне Сергей померещил».

Обычно в описании ходящего покойника выделяют белый цвет одежды, стремление его не показывать ноги («Приходит который – у его ноги-то не видно. Говорили раньше – они у его как конски копыта, он и не кажет»). Считается, что любые «контакты» с умершим нужно предавать огласке. «Покойник ходить начал – в себе не держи. Рассказывать людям надо, тогда не будет казаться. А то, говорят, которые и душат. Он приходит - в избе только гром стоит» (с. Калинино). Необходимость рассказывать о таких видениях другим как способ избывания напоминает предписание пересказывать плохие сны, чтобы не сбылись.

Способов «защиты» от приходящего покойника большое количество. Самым простым средством отваживания являются палочки из липы-лутошки, которые ставят крестом перед воротами, раскладывают на подоконнике (с. Ленск), осинового колышки («Осиновые колышки втыкают, можно десять, можно и двадцать штук, чтоб не

ходил, это около дома» - Бым). Советуют перед приходом умершего занять его обычное место в доме («Когда покойник приходит, надо сесть на то место, где он сидел, когда живой был. И больше его не увидишь»), спать на печи, крепко его выругать («Если ходит с кладбища, надо на его перематывать, *большим матом** послать, и никогда не придет» - Калинино).

Используется при защите от ходящего обсыпание могилы и дома крупной, табаком, маковым семенем. «Мы вот зятя схоронили... Могилу когда ему копали, выкопали волосы длинные, женщина лежала. И дочь сказала: «Папка любил женщин и вот к женщине попал». И с той поры эта женщина ей казаться стала, все как будто за ней ходит, как тень, она побежит, и женщина бежит. Даки мы долго молились, пшеном даже доме обсыпали, чтобы та женщина не бегала». «Могилу обсыпали нюхальным табаком, если ходит, и маком. Насыплешь во все щели мак трехгодовалый, покойник придет, пока все зернышки перебирает, ночь-та и пройдет, он до тебя не дойдет».

«Вот у нас папа маме мерещил. Ходил он к ей, умер как, после сорока дней. Боялась спать, даки залезет на печь. Вот двенадцать часов ночи, он придет, она наговариват с ним. Уже как пора уходить, она ему шанег наклала, бутылку молока. «Это возьми, Миша, с собой». Сама снова на печь. Придет сноха проведать: «У тебя чё, мать, двери открыты?» – «Даки Миша ушел, не закрыл. Шаньги забыл и молоко забыл». Так долго ходил. Потом я трехгодовалым маком всё обсыпала. Она тосковала об ём, что он ходить-то не стал. Стала на печь залезать по лесенке, пальцами-то нащупала мак, давай ругаться: «Обсыпали, он и ходить не стал».

Человека, испытавшего на себе контакт с ходящим покойником, лечили банями. «Потом меня всяко лечили, в основном парили. Один веник на три недели. Это чтоб он не залюбил тебя больше».

Христианская атрибутика как средство защиты от покойника – свеча, лампада, крест, молитва, пояс, на котором вышита молитва (или вшита внутрь). «Девятнадцать свечек вот у меня поп зажегал, чтобы умерший муж не ходил»; «Ко мне и нельзя прилететь, пото-

му что я до сорокового дни каждой день зажигала лампаду, каждой день читала канон, кадила». «Умерла у меня мама, и вот после мамы у меня в первую ночь, я, знашь, сижу, боюсь лежать, вдруг у меня у порога маленькая лампочка горит, и кто-то на всю избу свистит, а никого нет. А собака у меня в избе, кошка, собака за меня за диван прятатся, а кошка за меня. Я молитву читаю «Отче наш», прочитаю да опять снова, так до утра просидела. Потом я не стала дома спать, двадцать четыре дня у людей спала. Сестра мне говорит: «Настенька, надо сходить в церковь и батюшке сказать». Ну, мы пришли, он мне сказал: «У вас крест на себе есть?» Я говорю: «Есть». – «А пояс?» – «Пояса нет, я и не знаю, чё это такое». Ещё, вишь, пояс надо от бесов-то» (с. Калинино).

Считалось, что дом, куда приходит умерший, надо окропить снаружи святой водой, полагается перед сном ограждать крестным знаменем окна и двери. «Чтобы ночью не казалось, надо перекрестить все окна и двери. Я нынче Клементича видела во сне, вот сзади подходит, вижу, в три часа ночи. В синей фуфайке, в которой он дома ходил, машет, машет руками, я говорю: «Ты зачем пришел, ты ведь умер?» Он говорит: «А что, тебе не помогают?» Я давай молитву читать, и он исчез».

Особую силу имеют молитвы «Живые помощи», «Воскрёсная молитва»: «Чтобы не казалось, мне молитвы навешали всяки на грудь. Воскрёсная была молитва». Первая молитва (девяностый псалом с финальными строками «Господи, силою честнаго и животворящаго твоего креста... сохрани мя от всякаго зла») часто используется в народной практике для отведения смерти – её вшивали в одежду воина, читали над постелью больного. «Воскрёсная молитва» («Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его, яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знаменем») читается и на сон «от бесей», её зашивали в одежду рекрута.

«Дочь тут у одних, когда отец умер, схоронили, рассказывала: «Я

сплю одна, слышу кровать евонная, сетка скрипит, как будто кто-то лёжится. Думаю, поди папа пришёл, его душа. И по полу как-то бы светит, как от месяца что ли, немножко. И кто-то бегат, бегат. Я думаю, счас на свет-то забежит, дак я увижу, а на свет не забегат. Только возле света так вот бегат в темноте. А сетка так вот *шебутит*»*. Я ей сказала: «Надя, я тебе дам ленту, пояс тебе дам, ты с себя не снимай. На нём написано «Живые помощи» - «Огради, Господи, силою животворящего святого Креста», ещё две молитвы хорошие».

«Корчага»

Самостоятельный мифологический сюжет, известный в ряде территорий Южного Прикамья, – возвращение умершего (обычно того, по кому сильно тоскуют) в виде огненной корчаги – большого круглого сосуда огненного цвета. «Покойник *лётает**, куда ему надо, как корчага летит, разрывается, искры только. Хвост длинный, искры, и прямо в трубу и залетит» (д. Андреевка). «*Корчага** какая-то, бывает, летит, над крышей рассыпается углями в трубу, и сразу во всем доме стук. Маком надо сыпать и ставить лутошки липовые, в доме или во дворе, но чтобы не видел никто». «Тоскуешь по мужу, по родителям, прилетает - корчага это. Прилетят, даже в баню пойдут, вымоются вроде, половики вроде вымоют, воду расплещут. Посмотришь – кто-то был, все половики изжёмканы. Надо сказать: «Во имя господа Иисуса Христа, пошли вон», – и крестообразно благословить» (с. Калинино).

«Ко мне муж пришел, его уж одиннадцать лет нету, и раз – пришел ночью, хлесь меня по холке. Вставай, говорит, че спишь, сядне сорок лет как мы с тобой женились. Я встала, за стол сели. Говорю – есть поди хочешь, давай принесу. Он мне: «Нет, нас сейчас, в восемь часов кормить будут, машина вот по меня придёт. Мы сидим там хорошо, едим пельмени да пироги. А некоторые только водичка да хлеб. Это если за их не подают дак». И двери-те я тут открыла, и всё. И такая яркая звездочка по небу полетела... Пироги, говорит, ест. А я уж всё старушкам подаю да помогаю» (с. Тихановка).

* * *

Обзор обрядности, связанной с восприятием смерти в традиционной культуре, показал, таким образом, что даже на сравнительно небольшой территории и в самое позднее время фиксируется огромное количество культурных форм, представляющих христианско-языческий синкретизм. В большинстве своём отмеченные обряды соответствуют традиции северных районов Прикамья. Они до сих пор носят развернутый характер, активно исполняются.

Погребально-поминальная обрядность есть составная часть общей культурной традиции народа. В ней мы видим не только свидетельства древних суеверий и представлений, но и сформированные столетиями моральные нормы. За многочисленными описаниями «взаимоотношений» с миром мёртвых стоит не просто уважение к мертвым, но и отголоски древних культов. Осознаваемая носителями традиции необходимость исполнения описанных ритуалов подчеркивает силу семейных, родственных отношений, что важно сохранить и в современных условиях.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Публикуемый Словарь содержит толкование упоминаемых в тексте издания местных слов и устойчивых выражений (общим числом ок. 250). Словарь носит вспомогательный характер - в него не помещены фонетические и грамматические варианты общеизвестных слов (типа *акошерка* акушерка, *отюг* уют, *голодь* голод), почти не используются грамматические характеристики слов, не даётся контекстов употребления слов и устойчивых оборотов в живой речи.

В целом же он даёт некоторое представление о специфике лексики и фразеологии диалектной речи территории. Ещё в XIX в. В. Протопопов отмечал¹, что здесь часто встречается колоритная местная лексика - сочетание *плакать в заходы* 'сильно', слова *ручэнька* 'веретено с пряжей', *заднюшка* 'небольшая изба во дворе для коров', обороты *заломить ворота* 'закрыть' *скутать трубу* 'закрыть вьюшкой' и пр. В Словаре помещена этнографическая и характеристическая лексика кунгурских говоров, содержится большое количество обрядовой терминологии (названия участников обрядов, культовых реалий, ритуальных действий и пр.).

Словарь

Ба́ба – переносно, шутливо о родившей первой девочку; то же что *старуха*.

Ба́ушка помыва́льна – женщина, которую приглашали обмывать покойника.

Бала́йка – о пустой, легкомысленной девушке, женщине.

Безобра́вство – безобразие.

Блуши́чка – трава душица.

Больша́чить – верховодить.

Ва́хли – вафли.

Ве́тром – случайно.

¹ Протопопов В. Этнографические сведения о жителях юговского купца Кнауфа завода Архив РГО, разр. 29, оп.1, ед.хр. 19.

Варёничик, варени́к – блюдо из топленого молока с изюмом и сахаром.

Весну́ха – весенняя лихорадка.

Вита́ть – находиться поблизости.

Витёнь – кнут.

Вкра́дче – тайно, скрытно.

Востря́ть – выглядеть заостренным.

Встрёча первая, встрéчна – подаяние для первого встретившегося похоронной процессии.

Въявú – наяву.

Выкуривать (выжигать) старых дев в масленичной традиции – разводить костры у домов, где живут не вышедшие замуж.

Вырядить – использовать в наряде.

Гóдный – умерший.

Голíшки – матерчатые или вязаные тапочки.

Гостíнцы – встреча в доме невесты, заменявшая обрученье.

Гри́бница – грибной суп.

Грызти безл. – беспокоить (о грыже).

Дёржанный – использованный.

Дíвишник – девишник.

День шарапúчий – четверг накануне троицы, день для поминания умерших не своей смертью.

Доéхать до Москвы – родить мальчика.

Долгúшка – легкая летняя повозка.

Дом на два коня – дом с поставленными параллельно жилой части надворными постройками.

Дом на четыре окна – крупный, большого размера дом.

Дружítь – исполнять обязанности дружки.

Думка – коврик на стенку.

Ездить по венки – посещать семейство жениха перед свадьбой.

Еру́шничек – каравай.

Ёства – пища.

Ёмко – сильно.

Завита́я – о невесте, не сохранившей невинность до брака.

Загло́тыши – рыба, найденная в животе другой (хищной) рыбы.

Загри́вок – шея.

Закры́тое – последнее блюдо на свадьбе.

Запу́ки бабьи – суеверия.

Заскрёбыши – последний ребенок в семье.

Зауго́лок – о внебрачном.

Зачíныши – первенец.

Зна́ющий – владеющий особым знанием (напр., умеющий читать по-старославянски).

Знаткой – умеющий колдовать, заговаривать.

Играть в черту (чур-па́лку) – в игру, представляющую разновидность чижга.

Изарáньше – заранее.

Има́ть – ловить.

Има́ться – ухватываться.

Иметь большíну – верховодить, держать верх.

Казáть – выглядеть, казаться.

Как гривенник – о держащемся бодро.

Качáлочка – детская люлька, зыбка.

Каши́к – небольшой ковш, поварёшка.

Ква́шница – ёмкость для теста, квашня.

Кóкать – ударять.

Комар да муха – разный сброд.

Кóпальщик – кто копает могилу.

Коробéйка – короб из луба, коры для приданого невесты.

Корча́га – суеверно о прилетающем с кладбища покойнике.

Коряжиться – не соглашаться.

Коть-моть – шутливая брань.

Кочерга́ – болезнь у младенца в виде беспокоящей сыпи.

Кóчур – кучер, возница.

Крёстик – детская игра с перебеганием.

Крест погробный – крести для погребения.

- Крюка* – крюк.
- Кудри* – печенье типа хвороста.
- Кулышка* – волосы, убранные в пучок.
- Кумышка, кубышка* – хмельной напиток.
- Курамыш* – о внебрачном.
- Күфта* – волосы, убранные в пучок, узел.
- Лагун* – деревянный кувшин.
- Лагунный* – об отвечающем за угощение во время следования свадьбы.
- Ленной* – изо льна.
- Лётать* – летать.
- Ложка хлёбальная* – столовая.
- Лёпоть* – старая одежда.
- Лутюшка* – липовая палочка со снятой корой.
- Масик* – шерстяной шарик.
- Матькаться* – ругаться матом.
- Мелкое* – домашние овощи.
- Милостина сороковая (потайная)*
- Милостина первая (встречная, походная)* – подаяние для первого встретившегося похоронной процессии
- Марышка* – ребенок женского пола.
- Материнный* – очень большой.
- Матница* – матица.
- Мать восприёмная* – крёстная мать.
- Мерить окошки (половики)* – ехать с визитом в дом жениха незадолго до свадьбы.
- Могилки* – кладбище.
- Мокровишна* – женщина, рожаящая только девочек.
- Молитва знаменёмая* – охранная молитва.
- Молитва подорожная* – так называемая разрешительная молитва по усопшему, читаемая священником при отпевании, отпускании грехов, текст которой кладётся в гроб.
- Молодúха* – переносно о родившей первой мальчика.

- Молосный* – скромный.
- Муки бабы* – суеверно объясняемые как «напущенные» на человека боли, сходные с приступами схваток.
- Небо вскрывается* – об особых атмосферных явлениях на небе, когда всполохи света осмысляются как мистический знак.
- На живую нитку шить* – без узелков на нитке.
- На чистую монету* – искренне, серьезно.
- Навёливать* – усиленно предлагать.
- Нагужгать* – побить.
- Намекать* – предвещать.
- Намогилиться* – умереть.
- Наотмашь* – наотмашь.
- Нарушать* – приводить в негодность.
- Некрутить* – быть рекрутом.
- Неправский* – ненастоящий.
- Нишиуха* – нищая.
- Новина* – новые, неразрезанные, свернутые в рулон половики.
- Обкатывать молодуюшку* – в масленицу катать на лошадях недавно вступившую в брак.
- Обрускивать, бруснуть* – очищать от листьев стебель.
- Одинова* – однажды.
- Окать* – баюкать пением.
- Ополóжиться* – понадеяться, положиться на кого-л.
- Отливень* – доска, положенная на кровле для отведения дождевой воды.
- Отпóтчевание* – ответный визит.
- Отхлёбины* – послесвадебные визиты к родне.
- Перво* – сначала.
- Пахорукый* – с больной рукой.
- Пелиться* – лезть.
- Первая свадьба* – обручение, свадебный пир в доме невесты.
- Первые столы* – свадебный пир в доме невесты.
- Перегон* – самогон.

- Плáтик* – коврик.
- Плетёнка* – коврик из рогожи, соломы.
- По́ехать в Москеу* – отправиться рожать.
- Пова́л* – обычай.
- Пови́тье, пови́ть* – поветь, большой сеновал.
- Погружённый* – крещённый погружением дома.
- Подáча* – подавание.
- Поднавёс* – узорное украшение низа кровати.
- Подно́жно* – коврик под ноги на венчание в церковь.
- Подызби́ца* – голбец.
- Полíча, полíчка* – полка.
- Половики прикаты́вать* – ехать на угощение в дом молодых вскоре после свадьбы.
- Полотéнешное* – ткань на полотенца.
- Полудéнка* – полевой дух.
- Полуно́шница* – бессонница у детей.
- Польи́* – открытый.
- Помíнок* – подавание на память.
- Поминáльна* – поминальное угощение.
- Понóсы* – капризы беременной.
- Поноси́ться* – испытывать неодолимые желания, прихоти.
- Пора́ на гору* – о скорой смерти.
- Пора́знь* – отдельно.
- Посидéны* – посиделки.
- Посла́ть большим ма́том* – грубо выругать.
- Послédыи* – последний ребенок в семье.
- При послéднем вре́ме* – незадолго до родов.
- Привывáть* – причитать по умершему.
- Приду́мничать* – выдумывать.
- Приказáть* – высватать.
- Прика́зы* – сватовство.
- Припевáть к земле* – исполнять плачи для невесты.
- Провожáльный* – связанный с проводами.

- Просто́й* – пустой.
- Пустоволо́ска* – о легкомысленной.
- Распочи́нать* – раскрывать.
- Рассека́ть (пересекать) руки* – бить руки, завершая договор.
- Растáргивать* – бесцельно расходовать.
- Роди́ться на боба́х* – родиться в конце лета.
- Рожо́нка* – роженица.
- Рубцы́* – отрезки ткани.
- Рямки́* – старье, тряпки.
- С песенкой* – поздравление того, кого величали песней.
- Садíть косу* – прощаться с косой (о невесте).
- Сва́дебник* – участник свадьбы.
- Свадьба на обеих сторонах* – свадьба с пиром в обрученье в доме невесты.
- Свадьба на одной стороне* – свадьба без праздничного пира в обрученье.
- Сваха постельная* – сваха, отвечающая за приданое невесты.
- Сéльница* – емкость для катания хлебов.
- Селя́нка* – блюдо из запеченных яиц с молоком.
- Семико́вый, семичный* – об умершем не своей смертью и поминаемом только в Семик.
- Серéнь* – средний по возрасту ребенок в семье.
- Серёдыи* – средний по возрасту ребенок в семье; то же что серень.
- Сидéлки* – посиделки.
- Сколыхну́ться* – вздрогнуть.
- Скороду́мка* – блюдо из яиц с молоком.
- Слезли́вый* – вызывающий слезы.
- Слюна перегорéлая* – слюна, выступившая во сне.
- Сме́рок* – мерка из нитки или ленты.
- Сме́ртно* – приготовленная для умирания одежда-сряда.
- Смотрéльщики* – кто приходит на свадьбу смотреть молодых.
- Сно́сна, сно́сное* – блюдо, которым заканчивалось угощение.

- Союзный* – согласный.
Спарить – соединить.
Спроста – просто.
Сряда – смертная, приготовленная для умирания одежда.
Старость собачья – детский рахитизм.
Старуха – шутливо о родившей первой девочку.
Стёпки-растрёпки – слоёные сладости.
Стряпное – собирательно о тряпне.
Сырая – о недавно родившей.
Тот берег видно – о крайней старости.
Третьяк – третий ребенок в семье.
Тукнуть – стукнуть.
Тычком – в виде заострения.
Тюпорики – вязаные тапочки, то же что тюпоршни.
Тютька – шишечка, плод у растения.
Убыть – исчезнуть.
Уваль, увальень – кружевная накидка на голову невесты.
Углан – мальчик-подросток.
Укус, откус – откушенные части каравая.
Уразница, уразица – каша-кутья.
Урод – рождение.
Урок – порча, сглаз.
Фальшонка – узорная черного цвета косынка для невесты и молодой женщины.
Хлебное – собирательно об изделиях из муки.
Хлибины – визит к родителям невесты после свадьбы.
Хлопуша – сват, сваха при сватовстве, а также сваха на свадьбе.
Хорошить – хвалить.
Хыркать – хрипеть.
Чёчка – детская игрушка.
Читальница, читальщица, читательница – женщина, читающая молитвы над покойником.
Чебурыхнуть – ударив, разбить.

- Черёпенный* – из глины, черепков.
Чушка – подбородок.
Шалья-валя – кое-как.
Шарапужить – дурачиться, изображать ряженых.
Шарапучик – умерший неестественной смертью.
Шебутить – шуршать, издавать звуки.
Шестак – шестой сын в семье.
Шляпа соломенная – о сватье-хлопуше.
Шофёр – шафер на свадьбе.
Штанник – иронично о ребенке мужского пола.
Ярки – подвижная детская игра с мячами.

ОСНОВНЫЕ ИНФОРМАНТЫ

ГОРОД КУНГУР

Салтыкова К.И., 1927 г.р.

Ушаков В.И., 1938 г.р.

БЫРМИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Деревня Ключ

Болотова П.И., 1937 г.р.

СЕРГИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Деревня Будайки

Жуйковой А.Е., 1936 г.р.

Деревня Выползово

Лежнева Ф.Ф., 1931 г.р.

Деревня Дикари

Корсакова Н.М.

Деревня Елкино

Старцева А.О., 1928 г.р., родом из д. Закурья

Деревня Зарека

Стерлигова А.А., 1935 г.р., Пешкова Н.А., 1940 г.р.,

Корсакова М.Н., 1939 г.р.

Деревня Кузино

Сигова А.В.

Село Серьга

Кондакова В.А., 1929 г.р., Михайлова М.П., Новикова Н.Д., 1929 г.р.,
Романова А.И., 1925 г.р., Солохина А.М., 1923 г.р., Сорокина А.И.,
Лукина Т. С.

НАСАДСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Деревня Зарека

Корсакова Л.М., 1928 г.р.

Село Насадка

Чувызгалов А.М., Чувызгалова Н.Г., Кашин К.К., Пешкова А.Ф.

ЗРУБИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Деревня Зарубино

Чеснокова В.Д., 1916 г.р.

Деревня Заспалово

Смирнягина А.И., 1929 г.р.

Деревня Зюта

Букирев С.М., 1929 г.р., Букирева А.Е., 1927 г.р., Мальцева А.Н.,
1924 г.р., Пачина Т.Е., 1926 г.р., Сайдакова А.М., 1934 г.р., Старцева А.О.,
1928 г.р.

Деревня Обухово

Третьякова А.М., 1939 г.р.

Село Кинделино

Завьялова О.Н., 1923 г.р., Лопатина А.С.

ТИХАНОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Деревня Колпашники

Еремеева А.С., родом из д. Плешково, Ганина М.А., 1927 г.р.

Деревня Одина

Грехова В.А., 1937 г.р., Петухова М.М., 1942 г.р.

Деревня Патраково

Болотова Р.И., 1935 г.р.

Село Тихановка

Кисилёва З.А., родом из д. Теплая

Село Троицк

Белышева М.И., Болотова Н.И., родом из д. Мушкалово, Исаков В.И.,
1928 г.р., Вертипрахова Н.Л., 1956 г.р., родом из с. Юговское, Иса-
кова А.Г., 1926 г.р., Грехова З.А., 1926 г.р., Емшанова А.М., 1938 г.р.,
родом из д. Ключ, Попова А.И., 1913 г.р., Шварева А.А., 1942 г.р.

КАЛИНИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Село Калинино

Анкудинова А.И., 1928 г.р., родом из д. Макеевка, Безводинских В.Ф., 1929 г.р., Вопщинова А.И., 1928 г.р., Колесникова А.Н., 1937 г.р., Коноплева Е.Г., Коноплева М.Е., 1932 г.р., Коровкина М.С., 1935 г.р., Кочергин П.П., Красильникова З.А., 1927 г.р., Курочкина В.В., Логинова Л.Г., 1929 г.р., Лямина Ю.В., 1920 г.р., Миронова А.Я., 1916 г.р., Налевкина Н.Е., 1938 г.р., Новикова А., 1915 г.р., Огнёва Е.Г., Пигасова З.В., 1931 г.р., Пустобаева А. М., 1938 г.р., Пустобаева А.И., 1909 г.р., Самоловских А.Д., 1930 г.р., родом из д. Субботинка, Ситников К.А., 1928 г.р., Ситников Н.Е., 1931 г.р., Ситникова В.К., 1930 г.р., Ситникова В.Я., 1927 г.р., Соловьева Е.Д., 1927 г.р., Тамбовцева Л.Н., 1939 г.р., Фофанова А.И., 1914 г.р., Фофанова Т.Н., Фофанова А. И., 1914 г.р., Миронова (Анкудинова) А. Я., 1916 г.р.

ЛЕНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Деревня Веслянка

Афанасьева К.И., 1929 г.р.

ТРОЕЛЬЖАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Село Бым

Некрасова Г.А., 1943 г.р., Разорвина Н.В., 1934 г.р., Тренина В.И., 1925 г.р., Харькова Н.П., 1917 г.р., Некрасова Г. А., 1943 г.р., Старцева А. В., 1930 г.р.

МАЗУНИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Село Юговское

Исламуратов Ф.Ф., 1946 г.р., Котова Л.А., 1927 г.р., Паукова Е.П., 1927 г.р., Смирнова А., 1928 г.р., родом из д. Парфеновка, Торсунова Г.П., 1937 г.р., Хохряков Н.П., 1931 г.р.

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15
16 17

КОММЕНТАРИИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Обложка

Окрестности села Бым.

Фрагмент прялки. Рубеж XIX–XX вв. Архив МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Пояс. Рубеж XIX–XX вв. Архив МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Холсты. Рубеж XIX–XX вв. Архив МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Туяс. Рубеж XIX–XX вв. Архив МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Вкладка № 1

1. Сборы приданого невесты. Середина XX в., с. Юговское.

2. Венчальное платье. Рубеж XIX–XX вв., д. Патраково.

3. Ритуальное откусывание свадебного каравая. Середина XX в., д. Патраково.

Вкладка № 2

4. Цветы. Головной убор невесты в день венчания. Рубеж XIX–XX вв., с. Троицк.

5. Свадьба Маргариты Павловны Михайловой (девичья фамилия Новикова) и Михаила Ивановича Михайлова. Венок на голове невесты сделан местной жительницей Агриппиной Степановной Денисовой. 1964 г., с. Серга.

Вкладка № 3

6, 8. Свадебное ряженье. Середина XX в., с. Юговское.

7. Конская праздничная упряжь, подарок Музею Сергинского центра досуга Рудакова Вениамина Сергеевича. Рубеж XI–XX вв., д. Елкино.

Вкладка № 4

9. Проводы в армию Пищальникова Ивана Ивановича, 1959 г., д. Стерлягово.

10. Гармонист. Середина XX в., с. Юговское.

Вкладка № 5

11. Похороны Новожиловой Марии Алексеевны. 70-е годы XX в., с. Серга.

12, 13. Поминки в Троицын день. 1958 г., с. Серга.

Вкладка № 6

14. Женский костюм конца XIX–начала XX вв., с. Калинино.

Вкладка № 7

15. Вид на дом священнослужителей, д. Колпашники.

16. Фрагмент наличника, с. Зарубино.

17. Городской костюм конца XIX – начала XX вв.

Вкладка № 8

18. Резьба в украшениях наличников города Кунгур: ул. Воровского, 20, 27, ул. Ленина, 31. Фото Р. Абляшева. Архив МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

19. Мастер. Фото Р. Абляшева. Архив МУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Вкладка № 9

20. Фрагменты резьбы на воротах, д. Патраково. Рубеж XIX–XX вв.

Вкладка № 10

21. Свадебное полотенце. Рубеж XIX–XX вв., с. Серга.

22. Самоловских Апполинария Дмитриевна, Соловьёва Елизавета Дмитриевна, жительницы с. Калинино.

Вкладка № 11

23, 25. Чёртов палец, сучок. Предметы лечебной магии, д. Зарека.

24. Хранительница традиций д. Закурья.

Вкладка № 12

26. Окрестности деревни Закурья.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	стр. 3-7
Глава I. РУССКИЕ НА КУНГУРСКОЙ ЗЕМЛЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА	стр. 7-72
1. Формирование русского населения региона	стр. 7-16
2. Этнокультурные ареалы русских в Кунгурском районе	стр. 16-20
3. Иноэтничное окружение и контакты	стр. 20-24
4. Конфессиональный состав населения	стр. 24-32
5. История и культура района по данным ономастики	стр. 32-72
Глава II. ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ В ОБРЯДНОСТИ И ФОЛЬКЛОРЕ ДЕТСТВА И ПРОВОДОВ В АРМИЮ	стр. 73-102
1. Обряды детского цикла	стр. 73-94
2. Проводы в армию	стр. 95-101
Глава III. КУНГУРСКАЯ СВАДЬБА	стр. 103-202
1. Предсвадебный период	стр. 105-137
2. Свадебный день	стр. 137-174
3. Второй и третий день	стр. 174-197
4. После свадьбы	стр. 197-202
Глава IV. ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ	стр. 203-244
1. Круг представлений, смежных с понятием смерть	стр. 206-220
2. Погребальная обрядность	стр. 220-232
3. Поминальная обрядность	стр. 232-244
СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	стр. 245-253
ОСНОВНЫЕ ИНФОРМАНТЫ	стр. 254-256
КОММЕНТАРИИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ	стр. 257-258

открытое акционерное общество «ПЕРМЭНЕРГО»

ОАО «ПЕРМЭНЕРГО» – региональная электросетевая компания, входящая в состав ОАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Урала и Волги». Основными задачами ОАО «Пермэнерго» являются надежная и бесперебойная поставка электроэнергии потребителям, удовлетворение возрастающего спроса на электроэнергию, поддержание показателей качества отпускаемой электроэнергии в соответствии с требованиями ГОСТа.

Компания обеспечивает равный доступ к подключению всех потребителей к электрическим сетям. На сегодняшний день предприятие обслуживает территорию Пермского края общей площадью 160,6 тыс. кв. км с населением почти 3 млн. человек.

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, 48, ГСП,
тел. (342) 240-62-15, тел./факс (342) 240-66-48,
e-mail: segr@permenergo.ru
Телеграф: Пермь-39, телетайп: 134132 ЛАЗ

ПЕРМГАЗЭНЕРГОСЕРВИС Общество с ограниченной ответственностью

ООО «ПЕРМГАЗЭНЕРГОСЕРВИС» – компания, предоставляющая качественные услуги в сфере жилищно-коммунального хозяйства с использованием энергосберегающих технологий и оптимизации затрат на производстве. ООО «Пермгазэнергосервис» является третьим по величине поставщиком тепловой энергии в Пермском крае. Основными видами деятельности компании являются производство, транспортировка и реализация тепловой энергии; строительство, техническое обслуживание газопроводов и тепловых сетей; транспортировка природного газа. Результатом работы компании являются тепло и комфорт в домах жителей Пермского края.

614010, Россия, г. Пермь, ул. Коминтерна, 11 а,
тел. (342) 244-57-44; e-mail: info@pges.perm.ru

КЭС ХОЛДИНГ

РКС

КЭС-Прикамье

ОАО «КЭС-ПРИКАМЬЕ» – компания, осуществляющая деятельность по обслуживанию сетей и транспортировке электрической и тепловой энергии в восьми территориях Пермского края. «КЭС-Прикамье» входит в группу компаний «КЭС-Холдинга», с 2006 г. находится под оперативным управлением ОАО «Российские коммунальные системы».

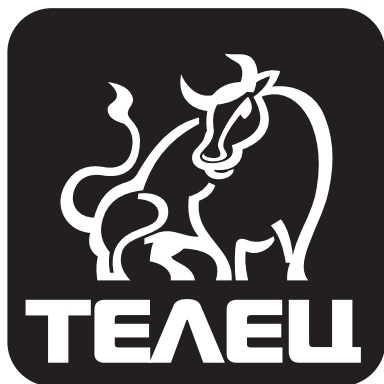
В 2006 г. инвестиции ОАО «КЭС-Прикамье» в строительство новых объектов электроснабжения составили 12,7 млн. руб., в 2007 г. эта цифра увеличилась вдвое. Нужно отметить, что реконструкцию и капитальное строительство ОАО «КЭС-Прикамье» осуществляет, прежде всего, в тех территориях, где предприятие ведет деятельность на долгосрочной основе или имеет гарантии долгосрочных отношений.

614000, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 94,
тел./факс (342) 218-16-31, e-mail: ekmo@permkrai.ru

ООО «МЯСОКОМБИНАТ «КУНГУРСКИЙ» – лидер мясоперерабатывающей отрасли Пермского края. Высокотехнологическое оборудование западных фирм Германии и Италии позволяет выпускать до 80 тонн продукции в сутки. Ассортимент выпускаемой продукции насчитывает около 180 наименований: это колбасы вареные и копченые, сервелаты, ветчина, сосиски, сардельки, деликатесы из говядины и свинины, полуфабрикаты. Все мясное разнообразие готовится из качественного сырья лучших отечественных поставщиков. Продукция ООО «Мясокомбинат «Кунгурский» отмечена медалями и дипломами международных и российских выставок.

617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, ул. Боровая, 2,
тел. (34 271) 2-30-97; e-mail: mk-kungur@yandex.ru

Мясоперерабатывающий завод «ТЕЛЕЦ» – один из лучших поставщиков мясной продукции на рынке Пермского края. Сегодня это более 100 видов колбасных изделий и деликатесов, 75 видов полуфабрикатов. Предприятие выпускает до 15 тонн продукции в сутки.

Ставка на высокое качество является гарантией стабильно высокого спроса. Завод оснащен высокотехнологическим оборудованием лучших западных фирм. Производство мясных изделий ведется только из охлажденного сырья местных производителей и высококачественных специй Германии и Австрии.

617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, ул. Молодежная, 19 а,
тел./факс 3-35-20; e-mail: telez2004@list.ru.

Адреса магазинов в г. Кунгур:
ул. Ленина, 67,
ул. Свободы, 49а,
ул. Степана Разина, 206,
ул. Красногвардейцев, 44.

КАМАБАНК

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК «КАМАБАНК»

ОАО Коммерческий банк «КАМАБАНК» – один из ключевых банков Пермского края. В ноябре 2007 г. ему исполнится 17 лет.

Все эти годы «КАМАБАНК» развивался как розничный банк самого демократичного направления. Приоритетом в его деятельности является ипотечное кредитование – на приобретение квартир и коттеджей, на долевое участие в строительстве, на ремонтные работы. «КАМАБАНК» стал одним из разработчиков и операторов краевой целевой программы «Жилье для молодой семьи». Другим активно развивающимся направлением «КАМАБАНКА» является выпуск пластиковых карт (более 188 тыс. карт), среди которых есть карты для молодежи от 14 до 18 лет.

Адрес в Перми: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Советская, 6,
тел. (342) 212-07-48,
e-mail: bank@kamabank.ru, pmb@mail.perm.ru

Офис ОАО КБ «КАМАБАНК» в Кунгуре:
617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, Уральская, 4 а,
тел. (34271) 2-14-31, 2-42-99.

КГ МУП «ВОДОКАНАЛ» – обеспечивает бесперебойную подачу питьевой воды, качественное водоотведение и очистку стоков на территории города Кунгура и Кунгурского района. В настоящее время по проекту «Реконструкция системы водоснабжения г. Кунгура» предприятие работает над переводом города на подземный источник питьевой воды. В рамках национального проекта «Доступное и комфортное жильё гражданам России» проводится строительство очистных сооружений канализации с биологической очисткой сточной жидкости.

617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, ул. Бажова, 11 г,
тел. 2-32-88, 2-30-82, тел./факс 2-30-82;
e-mail: kunvodokanal@permonline.ru

ООО «ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО «КУМИР» – надежный туроператор, активно работающий с 2001 г. Основной вид деятельности – предоставление качественных туристских услуг в сфере внутреннего и въездного туризма: отдых и экскурсии в г. Кунгуре, путешествия по Пермскому краю, санаторно-курортный отдых. Отдельным направлением является предоставление авиабилетов и организация отдыха по России и за рубежом.

617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, ул. Ленина, 67,
тел./факс (34 271) 3-19-86, 3-19-66, 3-15-41,
e-mail: kumir2001@mail.ru

ООО «АМИСТАР» – фабрика музыкальных инструментов, единственное в Уральском регионе предприятие, производящее гитары.

Использование качественных лакокрасочных материалов, ценных пород дерева и новых технологий отделки при производстве гитар позволяют предприятию выдерживать конкуренцию на современном рынке музыкальных товаров.

ООО «АМИСТАР» является дипломантом всероссийских и международных выставок: «Культтовары» «Музыкальный салон», «Музыка – Москва» (г. Москва), «Экспо-Сибирь» (г. Кемерово), «Musikmesse» (г. С-Петербург).

617470, Россия, Пермский край, г. Кунгур, ул. Матросская, 13,
тел./факс (34271) 2-96-26, 2-89-96, 2-89-26;
e-mail: amistar@yandex.ru.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В.

В каждой деревне чё-то да разно. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. – 284 с.; илл.

Научное издание

Подюков Иван Алексеевич
Поздеева Светлана Михайловна
Хоробрых Станислав Валерьевич
Черных Александр Васильевич

**В КАЖДОЙ ДЕРЕВНЕ ЧЁ-ТО ДА РАЗНО.
Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век).**

Научный редактор И.А. Подюков
Корректор Н.Н. Хоробрых

Подписано в печать 06.08.2007. Формат 60х88 1/16.

Усл. Печ. л. 17. Тираж 500 экз. Заказ № 6969.

Отпечатано в ИД «Типография купца Тарасова»
618400, Пермская обл., г. Березники, ул. Химиков, 7. Тел./факс: (34242) 6-72-88.

Обложка и цветные вкладки отпечатаны в ООО РПК «Графикс».
618400, Пермский край, г. Березники, ул. Циренщикова, 10. Тел.: (34242) 6-66-59.

Дизайн и верстка: С.Ф. Широков. Тел.: 8-904-844-79-92.